

Таппэй Нагацуки
Иллюстратор Синъитиро Оцука

Re:zero

Жизнь с нуля в альтернативном мире

Ex

Сказание об
Алой Принцессе

Re:ZERO - Жизнь с нуля в альтернативном мире-

Моя единственная способность в этом мире - "Посмертное Возвращение".
И я буду погибать до тех пор, пока не спасу её.

СОДЕРЖАНИЕ

Багровая Тень

*Впервые опубликовано в журнале "Monthly Comic Alive"
ном. 161, 162 и 164*

Багровая Графиня и Гладиатор

*Впервые опубликовано в журнале "Monthly Comic Alive"
ном. 174, 176, 179 и 180*

Алое Расставание

Персонажи

Re:ZERO - Жизнь с нуля в альтернативном мире -

Моя единственная способность в этом мире -
"Посмертное Возвращение". И я буду погибать до тех пор, пока не спасу её.

Джорак

Граф Империи Волакия.
Верёт Присцилле в жёны,
полностью зная её истинную сущность.

Джорак

Серена

Серена

Верховная Графиня Империи Волакия.
Имеет прозвище "Палящая Леди".

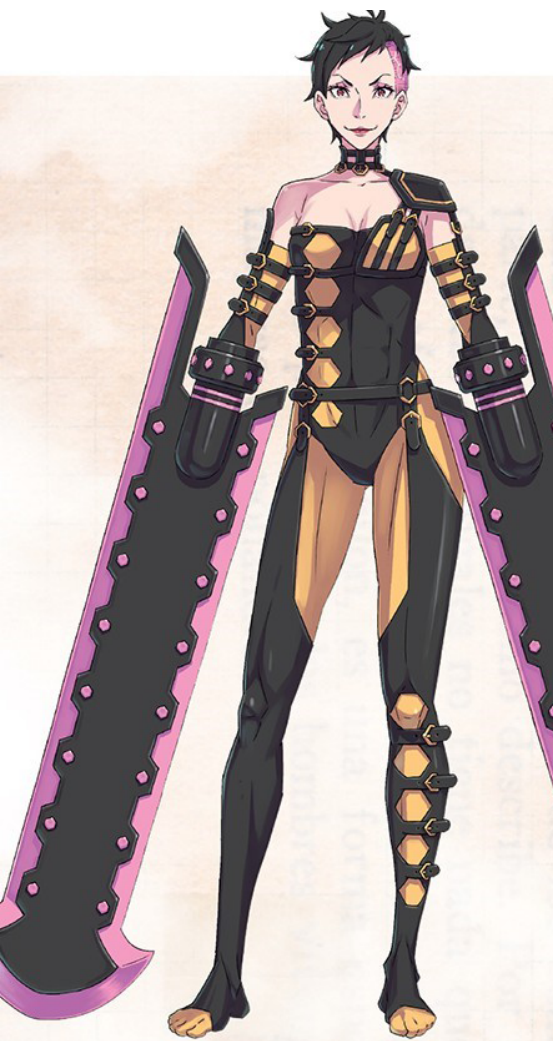
Приска

Одна из детей Императора Драйзена Волакия.
Извлекает Меч Света, чтобы принять участие
в Церемонии Императорского Отбора,
которая определит следующего Императора.

Арахия

Молодая девушка-собачка,
прислуживающая Приске.

Хорнет

Королева Колизея, где проводятся бои на острове рабов меча Империи Волакия. Получает огромное удовольствие от битвы.

Хорнет

Убирк

Мужчина-проститут на острове рабов меча.

Ольбарт

Номер Три из Девяти Божественных Генералов Волакии. На вид спокойный и покладистый старик

Ламия

Член Императорской Семьи Волакии. Единокровная сестра Присциллы и Винсента, а также участница Церемонии Императорского Отбора.

Майлз

Волакийский шпион. Для Балроя он словно старший брат.

ОНИ ГЛЯДЕЛИ
ДРУГ НА ДРУГА,
А ПЕРЕД НИМИ
РАЗВЕРЗЛАСЬ
НЕПРЕОДОЛИМАЯ
БЕЗДАНА КРОВИ,
В КОТОРОЙ
УТОПАЛО ИХ
ВОССОЕДИНЕНИЕ.
НО ОБА ОНИ
УЛЫБАЛИСЬ.

РАЗУМЕЕТСЯ
В ДОБРОМ,
БРАТЕЦ,
ТОЛЬКО
ПРЕДСТАВЬ
СКОЛЬ БЫЛО
БЫ ОНО
ДОБРЕЕ, КОЛЬ
ГОЛОВА ТВОЯ
РАССТАЛАСЬ БЫ
ТОТЧАС С ШЕИ.

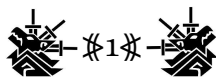
РАД,
ЧТО ТЫ
ПРИШЛА,
ПРИСКА.
НАДЕЮСЬ,
ЧТО ТЫ В
ДОБРОМ
ЗАРАВИ.

Глава I

紅蓮の残影

Багровая тень

Тёплый солнечный свет скользнул за жалюзи и коснулся щеки спящего.

— Ммм... Ммм... — зарождающийся голос ещё не стал глубже с возрастом. Он имел нейтральный тембр, не был явно мужским или женским, а его обладатель выглядел так же невинно, как и звучал, излучая необъяснимую, отталкивающую притягательность.

На кровати лежал и мягко ворочался симпатичный молодой человек. Его розовые волосы были взъерошены ото сна, а кожа была белой, словно молоко. На вид ему было лет десять, плюс-минус, и, как и его голос, его ангельская внешность не позволяла определить, мальчик он или девочка.

Его звали Шульц, и нищета, в которой он родился, могла бы стать его смертью, если бы не его могущественная удача.

— А-а-а... — Шульц сел на белую простыню и зевнул, потирая глаза. Они были красными, как рубины, что только подчёркивало его красоту. Одно можно сказать точно, он обладал некой чистотой, приближенной к совершенству. Однако подобные наблюдения сильно расходились с мнением Шульца о себе.

— Боже, я всё ещё худой, словно ветка. — Он перестал тереть глаза, когда его сознание догнало реальность, и вместо этого начал дуться, пощипывая себя за верхние части рук. Причина его недовольства была проста: как бы он ни старался, его руки и ноги никогда не становились мужественнее. Все тренировки, которые он проходил, казалось, не оказывали заметного влияния на его тело.

Вчера вечером, например, он старательно тренировался размахивать деревянным мечом перед сном, и всё же он был здесь, а руки оставались гладкими, как шерсть. Хуже того, в его мышцах сохранялась слабая боль - ещё одно напоминание о том, каким же жалким он был.

На самом деле эта боль была признаком того, что невинное желание мальчика постепенно становилось правдой, но он этого не знал. Вместо этого Шульт вспомнил совет, который однажды дал ему Ал.

— Мастер Ал сказал, что боль - это признак того, что что-то не так. Он также сказал, что я должен отдыхать, пока боль не пройдёт.

Режим тренировок Шульта, который он разработал на основе того, что рассказал ему Ал, состоял из одного дня тренировок с мечом, за которым следовали пять дней отдыха. Естественно, ожидать значительного улучшения при таком расписании было откровенно глупо. На самом деле, это было частью плана Ала, но это была ещё одна вещь, которую Шульт не понимал.

Однако не все планы Ала проистекали из его собственной незрелости...

— Шульт, ты проснулся?

— Ох!

Шульт подскочил, повернувшись в сторону голоса; кто-то ещё был в комнате вместе с ним. Она сидела в роскошном кресле, её длинные ноги были элегантно скрещены. Только комплект спальной одежды прикрывал её сладострастную женственную форму. Её пунцовые глаза были устремлены на книгу, лежавшую раскрытой на её коленях. По мнению Шульта, она выглядела так, как будто могла быть работой самого искусного художника в мире; он мог бы поклясться, что она светила, сияла.

— Доброе утро, Леди Присцилла, — сказал Шульт.

— Мм. Сегодня утром ты выглядишь как никогда прекрасно, Шульт. И я хвалю то, как приятно было обнимать тебя прошлой ночью.

— Спасибо, миледи, — зачарованно произнёс Шульт. Женщина - Присцилла - великодушно кивнула. Шульт нашёл эти одобрительные слова чрезвычайно приятными и в то же время смущающими; это было сложное чувство.

Он понимал, что его роль заключается в том, чтобы выполнять для Присциллы всякую работу и служить ей грелкой в постели, но ему часто хотелось, чтобы он мог отплатить свой огромный долг перед ней более существенным способом. Это было то, что он действительно чувствовал, и его самое заветное желание. Шульт пристально посмотрел на Присциллу.

— Что такое? Кажется, сегодня утром ты смотришь на меня особенно внимательно. Что-то случилось?

— Н-ничего, Леди Присцилла. Вы по-прежнему самая красивая в мире! И я так счастлив, что могу служить вам! Но...

— Но что?

— Я хотел бы быть более полезным для вас, Леди Присцилла, но у меня не хватает сил. Я хотел бы владеть мечом, как Мастер Ал... — пока он говорил, Шульту вспомнились его вялые, дряблые руки.

Ему не нужно было быть таким же сильным, как рыцарь Присциллы, Ал, или даже её личная армия - Красные Пластины. Его единственным желанием было защитить её хотя бы от угроз и проблем, с которыми она регулярно сталкивалась.

— Когда настанет момент, Леди Присцилла, я стану вашим щитом... Ох, но моё тело такое маленькое. Вы могли бы держать меня перед собой, чтобы защититься от... Ой! Ау!

— Довольно легкомысленных разговоров. Я сама решу, как мне пользоваться своим имуществом. Когда ты стал таким высокопоставленным и могущественным, чтобы думать, что

можешь отдавать мне приказы? — Присцилла, которая встала почти без участия Шульта, успела одновременно погладить и потрепать его за ухо.

Прислонившись к её ладони, Шульт сказал: "Я, конечно, не хотел...". Он смотрел то в одну сторону, то в другую. — Нгх... Но, если я не могу быть вашим щитом, тогда как же я могу служить вам, миледи? О, я знаю! Я могу прижаться к вам и стать вашей бронёй!

— Дело не в том, какую часть моего снаряжения ты можешь заменить. Шульт, я не жду и не нуждаюсь в том, чтобы ты был моим мечом или щитом. Самое лучшее, что ты можешь сделать, это продолжать служить мне подушкой.

— Только вашей подушкой, миледи...? — его голова поникла; её слова были безжалостными. Было больно слышать, что человек, которому он был обязан всем, не считает его одним из своих воинов, даже если он давно это понял. Виной тому были его хрупкие руки. А может, виноваты были его палкообразные ноги.

— Хм... — Присцилла наблюдала, как Шульт мрачно оценивает собственное тело, затем скрестила руки, подчёркивая свою пышную грудь. — Если ты не можешь просто продолжать служить мне подушкой, я бы предпочла, чтобы ты читал книгу, а не размахивал мечом. Да, это было бы гораздо полезнее для меня.

— Книгу, миледи? Значит, если я прочитаю книгу, то смогу стать вашим щитом?!

— Нет, не можешь. Не забывай своё место.

— Простите, миледи...

Когда обнадеживающий огонёк в его глазах погас, Шульт быстро пожалел о своём слишком восторженном предположении. Присцилла бросила на него забавный взгляд, а затем взмахом руки указала на комнату. Они были в её спальне, но кровать была не единственным предметом обстановки. Полки, заставленные книгами, выстроились вдоль стен. Особняк Присциллы, который стоял на территории поместья Бариэль, был заполнен этими

книжными полками, где хранилась целая коллекция, не уступающая ни одной в Королевстве. Её муж Лейп сам был большим коллекционером, и как только Присцилла вступила во владение поместьем, она скупила, казалось, все книги, какие только могла найти. Она не была случайным читателем. Это было не что иное, как узурпация знаний.

— Бывают случаи, когда знание может спасти вашу жизнь гораздо лучше, чем щит или меч, — сказала она.

— Что?

— Это изречение, приписываемое какому-то древнему мудрецу. Я более или менее согласна с ним, но думаю, что до истины ещё один шаг.

— То есть...

То, что сказала Присцилла, было трудно понять Шульту, и он изо всех сил старался уследить за ходом её мыслей. Конечно, она не подстраивала ничего в его пользу. Присцилла всегда двигалась в своём собственном темпе. Это коллективное желание видеть её крепкую фигуру, ведущую их вперёд, приводило всех её последователей в восторг.

Если бы они не бежали изо всех сил, то никогда не догнали бы женщину, которая ни перед кем не останавливалась.

— ...

— Знание - это всемогущий посох, — сказала Присцилла. — Меч или щит - что толку от них, если они тебе не нужны? Может ли меч сделать твои поля более плодородными? Может ли щит исцелить больного? Может ли меч или щит обогатить вашу жизнь? Они не могут сделать ничего из этого. Знание, и только знание, подобно посоху, на который можно опереться в любых обстоятельствах. Что касается меня, то я стою и хожу благодаря своей собственной силе. Естественно, это не значит, что я никогда не спотыкаюсь.

— Но ведь падать больно...

— Да, это далеко не приятно. Можно получить травму. Может пойти кровь. Однако...

— А! Если у тебя есть посох, ты не упадешь! — воскликнул Шульт, поднимая свою руку, наконец-то поняв смысл слов Присциллы.

Она позволила своему выражению лица смягчиться в явном удовлетворении и снова погладила Шульта по голове. На этот раз нежно, очарованная его пониманием. — Вот почему тебе следует заняться чтением книг, если ты хочешь быть не моим мечом, ни моим щитом, ни моей подушкой, а моим посохом.

— Да, миледи...! О, но... я не умею читать...

— Попроси Ала научить тебя. У него, к тому же, на руках слишком много свободного времени. И несмотря на обратное, он довольно талантливый учитель. Если он не сможет вложить буквы в твою голову, я просто отрежу ему вторую руку.

— Очень серьёзная ответственность! Я буду стараться изо всех сил учиться - ради Мастера Ала! — Шульт сел ещё прямее, подстёгиваемый мыслью о том, как ужасна будет жизнь Ала без обеих рук. В тот момент, когда Присцилла кивнула в знак признательности, его взгляд случайно упал на одну книгу. Это был том лежащий на стуле, который Присцилла заняла мгновение назад. У книги была красная обложка, отделанная золотом. Шульт вспомнил, что видел её раньше. Только он, служивший Присцилле подушкой каждую ночь, знал, что это была её любимая книга, которую она непременно читала, просыпаясь каждое утро.

— Леди Присцилла, что это за книга?

— ...Эта? Это не книга для чтения. Скорее, она... полна напоминаний, скажем так. Я сомневаюсь, что она заинтересует тебя, даже если бы ты смог прочитать её.

— "Напоминаний", миледи? — Шульт наклонил голову, не совсем понимая, что это может значить.

В ответ Присцилла взяла книгу в руки и провела пальцами по обложке. — Если бы ты её прочитал, я сомневаюсь, что она принесла бы тебе пользу. То, что читатель ищет в книге, у каждого человека отличается. Просто почувствовать, как сердце выскакивает от драматической истории, - одно из удовольствий чтения.

— ...? Но ваш посох, Леди Присцилла...

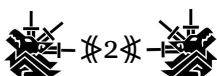
— Даже я читаю не только для того, чтобы учиться. Хм... — Присцилла снова села в кресло, а затем открыла книгу, лежащую на коленях, и пролистала её содержание. — Ты меня забавляешь. Шульц, я почитаю тебе несколько минут.

— Вы почитаете мне, Леди Присцилла? О! Я не могу дождаться!

— Хах. Твои бесхитростные реакции продолжают очаровывать меня. В любом случае... Да, давай посмотрим...

Присцилла посмотрела на Шульца, который сидел прямо на кровати, а затем начала говорить. Он, ухватившись за этот неожиданный шанс, восторженно слушал. Голос, наполнивший его уши, казался мягким и тягучим, словно нежная песня.

Её рассказ начался так, как, казалось, должна начинаться каждая история: "Давным-давно, в одном определённом месте жила прекрасная, милая, очаровательная молодая женщина...".

Эта очаровательная, милая и прекрасная девушка была одета в роскошное платье.

— ...

Платье, красное словно кровь, мягко развевалось, когда она ступала по земле. Заметная молодость витала в ней, её спина была прямой, а осанка безупречна. От миндалевидных пунцовых глаз до бледной и нежной, как фарфор кожи и точеных черт лица - всё в ней словно сияло; это были предвестия её великого и ужасного будущего.

Шесть слуг сопровождали её, пока она с величайшей уверенностью в себе шла по красной дорожке. Когда она прошла через большие двери, открытые в конце пути, её встретил роскошный обеденный зал и ещё девять слуг.

Как только она подошла к центральному месту за длинным столом, покрытым белой скатертью, одна из слуг выдвинула для неё стул, и началась подготовка к трапезе. Для девушки привезли тележку, полную столовых принадлежностей. Она была единственной, кто действительно пользовался обеденным залом; все остальные присутствовали лишь для того, чтобы облегчить ей приём пищи.

Пока готовилась посуда, девушка довольно резко повернулась к стоявшей рядом слуге и спросила: — Какие у меня планы на сегодня?

Слуга поклонилась с величайшим уважением и ответила: — Комната Миледи подготовлена для ваших занятий, как только вы закончите ужинать. Кроме того, Мастер Винсент просит, чтобы вы пообедали с ним.

— Моих занятий, хмм? Надеюсь, эта еда не будет такой же безвкусной и неинтересной, как те уроки. Но ты говоришь, что мой старший брат здесь; это хорошая новость. Я ждала возможности отомстить за унижение, которое потерпела в шатрандже.

Там, где слуга говорила тихо и смиренно, девушка была надменна. Она кивнула; слуга не обратила внимания на её снисходительное отношение, но она сделала один шаг назад, продолжая кланяться, и вернулась к ряду слуг.

Одобрив тщательно соблюдаемый этикет, девушка сказала: — Очень хорошо, — и снова повернулась лицом вперёд. Пока она разговаривала со слугой, ей принесли еду, и первое блюдо - горячий суп - уже стояло перед ней.

— Если позволите, миледи.

— Мм.

Несмотря на то что еда была готова, это не значило, что уже можно было начинать трапезу. Вместо этого, одна из слуг сделала шаг вперед, и скромно спросив дозволения, аккуратно подняла ложку. Она набрала полную ложку супа и поднесла ко рту, но не девушки, а к своему.

Всё было просто; она дегустировала еду на предмет наличия яда. Ко всякому дворянину приставлен человек ответственный за проверку еды.

Для девушки это было делом привычным; она едва ли реагировала на происходящее в то время как женщина пробовала блюдо, проверяя его на вкус и подтверждая, безопасно ли то для употребления. Буквально вся еда

подаваемая молодой особе подвергалась подобной проверке, что по сути означало, что ей едва ли приходилось есть только что приготовленные блюда, пока те всё ещё были горячими. Вне всяких сомнений, она понимала, что это было необходимой мерой предосторожности.

— Как утомительно... — Слова рождались у неё на устах, но едва ли покидали их; и свидетелем тому была лишь она одна.

Дегустатор закончила свою работу, не обращая внимания на шёпот девушки. Когда подошла её очередь отведать теперь уже холодного супа, девушка посмотрела на блюдо, а на её красивом лице проступило заметное раздражение.

— ....

Она набрала полную ложку супа и поднесла ко рту. То как скоро её рука возвращалась за добавкой, вероятно, говорило о её желании как можно скорее разделаться с этим угрюмым блюдом. Что ж, покуда она соблюдает должный этикет, никто не мог или лучше сказать не смел возражать как бы быстро она не уплетала своё блюдо.

И в любом случае, ни скорость ни манеры более не являлись проблемой.

— ...Хрк...

Странный звук соскочил с уст девушки, а из её руки выпала ложка. Вместо своей посуды она схватилась за скатерть, потянув её на себя, разбрасывая столовую утварь и серебро во все стороны.

— Кх... Гххх...

Другой рукой она, задыхаясь, схватилась за горло. Она широко раскрыла свои красные глаза, чей естественный цвет стал ещё более выразительным из-за кровавых слез бежавших по её щекам. Точно так же кровь лилась из её носа и рта.

И пускай эта невероятная сцена заставила их трепетать от ужаса, они не могли ничего поделать кроме как наблюдать. Только один из них был скован безмолвным оцепенением: этим человеком был дегустатор блюд, чья голова кровоточила как бы повторяя за молодой особой: — Я с...сделала это, — дребезжащим голосом прохрипела она, умудряясь улыбаться, несмотря на казалось бы невыносимую агонию. Затем она рухнула на колени и по тому как она, падая, даже не удосужилась вскинуть свои руки вперёд, стало очевидно, что она уже была мертва. Она употребила тот же яд, что подала юной леди, и всё же умудрилась сопротивляться его воздействию достаточно долго, чтобы убедить её в том, что еда безопасна. Она держалась ради того, чтобы убедиться

в том, что её план увенчался успехом — воистину, она сделала всё чего стоило ожидать от настоящего убийцы.

Её упорство стоило ей жизни, но оно всё же окупилось сполна.

— Мм...

Кресло, в котором сидела девушка, опрокинулось и она упала с тяжёлым звуком. Её руки и ноги судорожно сжимались будто бы до последнего цепляясь за жизнь, но в конце концов она перестала двигаться и на обеденный зал опустилась мёртвая тишина.

— .....

Два тела, убийца и её цель, лежали на полу рядом друг с другом. Казалось что само время остановилось; разумеется, трупы уже не могли встать и уйти, но слуги, всё ещё остававшиеся на ногах, боялись сделать хоть одно неверное движение. Если бы хоть кто-то из них хотя бы пискнул, время бы снова начало свой ход, и всё это было бы на их совести. Такой была всеобъемлющая ясность происходящего, сковавшая слуг и не позволявшая им сойти с места.

В этот момент...

— Что-что? Убийца тоже мёртв?

— ...

Девушка, появившаяся в проходе в обеденный зал, смотрела на тела с выражением близким к скуке.

Её появление, в купе с заданным ею вопросом, заставило лица присутствующих в комнате застыть в удивлении. И кто мог бы их в этом винить? Ибо девушка была как две капли воды похожа на их госпожу, ту, что только что пала жертвой отравления. Нет — она отнюдь не была просто на неё похожа.

— ..... — Скрестив руки, девушка посмотрела на своего двойника сверху вниз. На первый взгляд, между ней и мёртвым дитя на полу было безусловно поразительное сходство, но поставь их рядом, и в их лицах сразу начнут выделяться небольшие отличия. И если мёртвую девочку можно было принять за шедевр признанного художника, то та что смотрела на неё сейчас, являлась самой сутью той красоты, что этот художник пытался, но так и не смог запечатлеть, будучи всего лишь жалким смертным.

Стоя там, разинув рты, слуги стали постепенно осознавать то, что произошло на самом деле. Столь ужасающей была природа истинной красоты.

— Леди Приска, — сказал один из слуг, стоявших рядом. Два простых слова. Услышав их, девушка - Приска - обернулась и вскинула голову. Её оранжевые волосы сияли ослепительно словно солнце, а глаза её были формы миндаля, алые словно рубины. Стоя перед оригиналом, перепутать её с жалким подобием, внезапно, стало решительно невозможно. Она попросту была сложена иначе.

— Х-хвала небесам, с вами всё хорошо...

— Хмф. Сентиментальность подобную твоей даже банальной не назовёшь. Неужели тебе могло показаться, что меня могло сразить что-то столь безыдейное? Найти столь способную дублершу не так уж и дёшево, знаешь ли. — Она грозно посмотрела на служанку, которая стояла с опущенной головой, а затем подошла к своей дублёрше.

Двойником называют того кто в достаточной мере схож внешне с важной персоной, которую ему должно было заменять в свершении небезопасных дел. Двойники были неотъемлемой частью любого коварного плана или заговора, и они чётко осознавали, что прилежно исполняя свою роль, всенепременно рискуют своей головой.

И даже всё это не значило, что Приска желала столь ужасной кончины для её двойника. Учитывая то, что для этого они, само собой, использовали молодую девушку очень похожую на неё, сложно было не испытывать тревогу при виде этого зрелища.

— Значит кому-то очень сильно хотелось чтобы сей лик был запечатлен на моей посмертной маске, — задумалась она.

— .....

Слуги тряслись в стороне, в то время как девочка, которой на вид было лишь одиннадцать-двенадцать лет, созерцала неподвижные тела. Кто мог бы над ними посмеяться или обвинить их в трусости? Явно не тот кто видел эту девочку - столь юную и прекрасную, чей профиль в то же время был так жесток под стать её очам бордово красным.

— Экономка. Подойди.

— Д-да, мадам!

Приска подозвала к себе женщину, которая от лица остальных слуг сделала шаг вперёд. На её лице был отчетливо виден страх, а её плечи дрожали перед ребёнком по меньшей мере на двадцать лет младше её самой. Это снискало лишь взгляд и звук “Хмф”, прозвучавший из уст Приски.

Приска жестом приказала женщине слушать: — В твои обязанности сегодня входил выбор людей обслуживающих поместье, не так ли?

— Вы... правы, миледи. Поэтому, позвольте мне взять всю ответственность за эту оплошность.

— Дура. Ради чего по-твоему я доверила тебе эту работу?

— Ради чего, миледи? — этот вопрос заставил глаза служанки широко открыться от удивления. Она очевидно думала, что её ждет полный разнос.

Приска ухмыльнулась заметив смятение на лице женщины. Улыбка её была безобразно жестокой, особенно ужасно она смотрелась на устах кого-то в столь юном возрасте. И всё же она была на границе с чем-то, что можно было бы назвать завораживающим. Все ещё улыбаясь, Приска продолжила, — Когда я назначаю кого-то некомпетентного следить за моей безопасностью, на свет выползают людишки ещё глупее тебя, которые чтут это за идеальную возможность загнать меня в могилу. Отличный шанс избавиться от них всех одним махом.

— ....

И действительно, как только Приска успела договорить, у изумлённой экономки перехватило дыхание, а все остальные слуги тем временем подоставали ножи, кинжалы, и ещё какое-то оружие из под складок их одежды. Как следует рассмотрев их своими алыми глазами, Приска почти моментально приняла решение. Она схватила экономку за лацканы и пихнула её в сторону ближайшего от неё кинжала. Женщина закричала от боли когда клинок пронзил её плоть, но крик почти сразу же стих, а её глаза закатились назад — это был очевидный признак того, что лезвие было пропитано неким быстродействующим ядом.

В то время как экономка доживала свои последние мгновения жизни, Приска отскочила назад, приземлившись на стол, всё ещё уставленный едой. Она вытянула скатерть у себя из под ног и отправила её в полет над головами, надвигающихся слуг — а вернее, убийц.

— .... — Без лишних слов, убийцы прорубили себе путь сквозь ткань; она задержала их лишь на мгновение. Но этого короткого мгновения замешательства Приске как раз и не хватало.

— Гхххх! — С лёгкой ноги Приски, столовый нож нашёл себе новый дом в горле одного из убийц. Он прорвал кожу, а следующим ударом она засадила нож ещё глубже. Даже пронзённая глотка, казалось бы смертельная рана, не помешала ему, трясущейся рукой поднять кинжал. Но Приска прыгнула вновь, сокращая дистанцию и хватаясь за его руку, и затем погрузила его кинжал в

грудь другого убийцы. Одной лишь царапины, нанесённой оружием пропитанным столь сильным ядом, достаточно, чтобы лишить жертву сознания. Прямое попадание в сердце же, влечёт за собой мгновенную и неминуемую смерть.

— Она всего лишь девчонка! — вскричал один из убийц, разъяренный их тщетными попытками отнять её жизнь.

— И всё же оказалась вам не по зубам. Отребье вроде вас не достойно моих стараний. — Приска издевательски усмехнулась. Затем она прокрутила ближайший стул вокруг, чтобы лишить оппонента его кинжала. Клинок с грохотом пронёсся по полу, а пока убийца провожал его взглядом - Приска лишила его ещё и зрения, ткнув пальцами в глаза. Ослепленный, он упал на пол, где его горло настигла нога Приски.

Одного лишь её упорства, с которым она нападала, было достаточно чтобы опрокинуть целую группу взрослых, но хотя количество их и не было велико, они всё же сильно превосходили её числом, уже начав отходить от последствий её атаки, понемногу приближаясь к ней.

И снова Приска находилась в невыгодном положении. Всё чем она располагала, была скатерть и какое-то столовое серебро — одним словом, ничего, что могло сойти за настоящее оружие. Кроме...

— Я начинаю уставать от того, что мне приходится марать свои ручки занимаясь тяжким трудом, — сказала Приска. Она взирала на своих врагов с неподдельной скукой, как будто бы ей не было никакого дела до всей этой опасной ситуации. Одного лишь взгляда её алых очей хватило, чтобы убийцы замерли на месте.

Если бы они атаковали её все разом, многие из них погибли бы, но рано или поздно чей-то кинжал достиг бы своей цели. Даже царапина грозила потерей жизни и Приска не была исключением. Убийцы в свою очередь совершенно не ценили свои жизни, всё лишь бы достигнуть своей цели. Но была одна вещь, на которую они не рассчитывали.

Они все разом перевели дыхание и ринулись в наступление.

— Вы, должно быть, совсем дурачье. Неужели вам могло показаться, что увидев вашу жалкую засаду насквозь, я приду сюда одна?

Её слова проникали в них словно яд. Хватило ли им времени на осознание того, что с ними происходило? Это так и осталось под завесой тайны, ибо все они были объаты пламенем, сгорали дотла еще до того как могли закричать.

— ....

Все четырнадцать убийц, посланных забрать жизнь Приски, в один миг были сожжены, включая и тех, что пали от её руки. Огонь пылал зелёным цветом, пока Приска аплодировала этому поистине завораживающему зрелищу огня пожирающего жизнь.

— Ха, до чего прекрасное представление. Красота огня непоколебима. Даже когда дровами служат ничтожные болваны подобные этим. Ты заслужила от меня похвалу, — сказала Приска, глядя на уже тлеющих убийц.

— Это честь. Величайшая честь. — Голос раздался со стороны крохотной фигуры, вставшей между Приской и напавшими на неё убийцами.

— ....

С виду она выглядела примерно на тот же возраст, что и Приска, и, быть может, совсем недавно стала подростком. На её голове красовались большие уши, характерные для представителей расы людей-собак, а в руке она держала что-то похожее на ветку — выглядящую к тому же довольно внушительно, несмотря на то, что смотрелась она так, будто бы её подобрали с земли в случайном месте. Её юное тело было стройным, а её бледную кожу едва ли скрывала ткань, которой было так неприлично мало, что её наряд был неуместно провокационным. Она носила короткие серебристые волосы, за исключением одной приметной алой пряди в её чёлке.

Она посмотрела на горящих убийц, а затем перевела ничего не выражающий взгляд в сторону Приски, и сказала: — Устранение завершено. Я рада, что вы в безо... ргхыяааа...

— Погоди-ка. Ты что это, рыгнула на меня?

— Прошу прощения? — она потрясла головой: — Нет. Не, рыгала я.

— Именно что рыгнула, дурёха - так это и зовётся. — Приска легонько шлёпнула её ладошкой.

— Ой, — сказала девочка ровным голосом. Затем она коснулась своих ушей и сказала: — Госпожа Приска. Как я справилась?

— Напрасно спрашиваешь, но как я уже тебе сказала, ты достойна похвалы. На мне ни царапинки. И то как ты с ними разделалась, было одно загляденье.

— Всё благодаря духам. — Девочка показала немного скромной, когда убрала руки со своих ушей. Над её открытой рукой стал парить бледный сгусток света - дух. У него не было своей собственной физической оболочки, но имея достаточно маны, ему можно было бы придать временную форму. То был низший дух, создание наделённое номинальными волей и силой.

Есть также и те духи, что способны взаимодействовать с живыми существами, формировать с ними контракты, предлагая взамен свои помощь и могущество. Похожим образом на духов и их возможности полагалась и эта девочка. Вот только она не заключала с ними никаких контрактов.

— *глоток*

Она без колебаний закинула низшего духа себе в рот и стала жевать.

Приска заулыбалась. — Никогда не устану наблюдать за тем как питается Пожиратель Духов.

— Ргхыяааа.

Приска скрестила руки, но в этот раз лишь пожала плечами в ответ рыгающей девочке.

Особой способностью этой девочки было не формирование контрактов с духами, а получение их возможностей через поглощение. Уникальная способность похищать чужие качества.

Очевидно, что кто попало не мог завладеть силой духов, пожирая их. То было проявлением особых качеств и именно поэтому Приска так высоко ценила эту девочку.

— Аракия, ты прекрасно справилась с выполнением моих указаний.

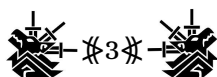
— ...Потому что они исходили от вас, Леди Приска.

Произнося имя этой девочки, Аракии, Приска прошлась по пеплу оставшемуся от сожжённых убийц, приближаясь к нетронутому огнём телу. К её двойнику, чьё лицо было так сильно похоже на её собственное - за вычетом разве что выражения агонии застывшего на её лице. Приска присела рядом с телом, закрыла её глаза и приступила к приданию её лицу более умиротворенного выражения. — По крайней мере в этот единственный раз твоё лицо спутали с моим, — сказала она: — Ты достойна того, чтобы никто не видел тебя такой.

— Эта девочка... Кем она была? — спросила Аракия.

— Той, что была мне полезна. Полагаю, в этом заключалась ценность её жизни. Я прикажу вернуть тело её семье, которой достанется положенная компенсация. Награда достойная той, что успешно заняла моё место.

Когда Приска начала подниматься, стало ясно, что её интерес к телу двойника уже начал угасать. Она окинула взором комнату, затем потолок, а потом промямлила: — Быть может, я позволю брату разобраться с этим бардаком.

— Как раз тогда, когда на тебя возложили ответственность за развлечение гостей, случается *подобное*. Моя младшая сестра всё такая же неугомонная. — Гость указал на тот ужас, что случился в обеденном зале и сверкнул улыбкой, в которой поровну было веселья и садизма.

Эту улыбку носил черноволосый молодой человек. Его миндалевидные глаза были одновременно красивы и сияли богатством его ума, он будто бы мог заглянуть в тёмное сердце этого мира. Ему было не больше двадцати лет, но в его поведении не было и намёка на незрелость присущую молодым людям. Несмотря на худощавое телосложение, он обладал всем необходимым, чтобы окружающие склонялись перед ним как перед правителем.

Этим молодым человеком был Винсент Абеллюкс - член Императорской Семьи Священной Империи Волакия, а также единокровный брат Приски Бенедикт по отцовской линии. Он и около десяти его слуг прибыли, чтобы

навестить сестру в её поместье. Их встретила Приска, менее часа назад перебившая всю свою прислугу за исключением Аракии. Услышав эти новости, Винсент первым делом выразил своё недовольство.

Едва ли подобное говорят своей сестре, жизнь которой висела на волоске ещё каких-то пару мгновений назад, но Приска просто ответила: — И вправду, неугомонная я. Когда вокруг тебя мельтешат до неприличия много мух, то ты отмахиваешься, давишь их или сжигаешь дотла. На моём месте любой поступил бы так же. Нет никого кто был бы в силах или же в праве критиковать меня за это. Да и к тому же...

— К тому же, с чего я взял, что у меня есть на это право? Так ведь?

— И к тому же, мой старший брат не исключение. — Приска выглядела совершенно невозмутимой и поэтому Винсент угадал, что она собирается ему сказать. Он, тем временем, подмигнул своей младшей сестре, вновь скрещивая свои длинные ноги, а затем посмотрел на девочку, стоявшую подле Приски.

Она была невыразительной, безэмоциональной, и — говоря прямо — не слишком дисциплинированной, учитывая то, как она стояла там словно бревно. На фоне того, насколько Приска разборчива в выборе своих украшений, конкретно за этим, казалось, ухаживали до странного небрежно. Тем не менее, Винсент всегда делал ставку на чёткость суждения его младшей сестры; ни один её поступок не совершался без веской причины. Зелёное пламя поглотившее убийцу доказывало то, что эта девочка представляла некоторую ценность.

— Очень хорошо. Не хотелось бы совать свой нос куда не следует, но у тебя есть идеи о том, откуда взялись убийцы на этот раз?

— Ни одной. Хотя методы их были крайне небрежными, но кто-то принял все возможные меры, чтобы скрыть откуда дует ветер, раздувший эту искру. Как бы мне не было обидно это признавать, но мне не кажется, что этот след куда-то меня приведёт. А что, у тебя есть что-то на примете, братец?

Его собственный вопрос отражённый обратно, заставил его сурово улыбнуться в ответ. — Увы, но мне на ум приходит слишком много причин, по которым каждый из нас мог бы стать целью заказного убийства.

Приску несколько не опечалил его ответ; она с самого начала не возлагала на него больших надежд. Она лишь ответила: — Конечно.

Они находились в гостиной поместья Приски, комнате, не понёсшей ущерба в недавнем инциденте. Приска выбрала эту комнату для того, чтобы принять своего брата и его свиту, покинув обеденный зал в его удручающем состоянии. Винсент и глазом не повёл, узнав, что немалое количество людей

погибло в доме его сестры; он, равно как и сама Приска, уже давно привык к подобным вещам. С самых юных лет им приходилось становиться жертвами подобных покушений на жизнь. По мнению Приски, среди её многочисленных братьев и сестёр, лишь Винсент мог потягаться с ней в той смелости, с которой они встречаются подобные события. И всё-таки, Винсенту не было дела до того, насколько высокого мнения о нём была его сестра, которая была младше его на семь лет. Во всяком случае...

— Что касается поместья, позволь мне всё уладить самому. Если бы я вдруг лишился младшей сестры, прошедшей через столь многое, по такой нелепой, идиотской причине, мне стало бы... очень одиноко.

— Одиноко! Не сомневаюсь, это весьма похвально! Но я, признаться честно, хочу быть благодарной за то, сколь щедро одарил душевной теплотой своей меня дражайший старший братец.

— Тебе ведь известно, что маленькие девочки обычно очень милы? Так вот, это не про тебя.

— А мне казалось, что “дражайший” - это лучшее на что я способна в выражении моей привязанности к тебе. — Приска протянула чашку чёрного чая, который она заварила собственноручно - одно из немногих её проявлений искреннего гостеприимства - и, не моргнув и глазом, солгала.

Винсент слегка ухмыльнулся, прекрасно отдавая себе отчёт, что своего брата Приска любит лишь на словах; он взял предложенную ему чашку чая, отпил из неё и вздохнул.

Для брата с сестрой это было привычной рутиной: постоянные провокации и в то же время проверки друг друга на прочность. Несмотря на то, каким едким казался их обмен любезностями со стороны, на самом же деле Винсент и Приска были сильно привязаны друг к другу. По сути, сам факт того, что Винсент без колебаний отхлебнул чая, по-своему служил тому доказательством.

Внезапно, тишину прервал чей-то крик: — Превосходительство! Ваше Превосходительство! Я завершил беглый осмотр местности. — Дверь в гостиную резко распахнулась, а в проходе показался подчёркнуто миниатюрный, но при этом несомненно самовлюблённый молодой человек. Он был худого телосложения и примерно одного возраста с Приской и Аракией, а его синие волосы были собраны на затылке. Черты его внешности заметно отдавали женственностью; воистину, он был так хорош собой, что его было легко принять за молодую женщину, но его поведение и язык тела определённо выдавали в нём мальчика, отчего любому было бы сложно спутать его с девушкой.

Мальчик вприпрыжку направился к ним, пока в конце концов не облокотился на спинку дивана, на котором восседал Винсент. Затем он наклонился через плечо Винсента и сказал: — Батюшки, Превосходительство, знаете вы как драть с людей по три шкуры. И это за такую-то скучную работёнку! Не то чтобы я отказывался пахать как пёс, но вам не кажется, что от меня было бы куда больше пользы, занимайся я другими вещами?

— Раз так, то пустой трёп в их список не входит. Животному не пристало читать нотации своему хозяину. Ты не пашешь как пёс, ты и есть пёс; и лучше бы тебе об этом не забывать.

— Но в жизни каждой собаки есть особенный, счастливый день, так ведь, Превосходительство? Так же как и то, что у всякого человека есть идеальное место чтобы отыгрывать свою роль - сцена! Мне должно стоять на собственной сцене, определяющей само моё естество! Жизнь слишком коротка!

Винсент вздохнул в ответ на реплику молодого человека, у которого, казалось, было припасено возражение на всё, что бы тот ему ни сказал.

Что касается самого молодого человека, то он в ответ сжал губы, но стоило ему заметить Приску, он тут же воскликнул: — О! Только поглядите на эту прелестную юную леди. А какие глаза у вас красивые. Смотря на своё отражение в этих рубинах, мне кажется, что выгляжу я довольно мужественно. Вы так не думаете?

— Ты вправе держать при себе шута, братец, но мне невыносима его крикливость. Мне это всё не по нраву. — Приска оперлась рукой на подлокотник кресла и уткнулась подбородком себе в ладонь.

— Шут? А что, тут такой есть...? — Но молодой человек, который тут же стал изучать комнату, был глух к её ремаркам. — Шут, шут, шут, не вижу здесь таких. Погодите, может, вы имели в виду щенка? Один такой определённо задремал, стоя подле вас.

— Щенок? Я? — Аракия наклонила голову и показала на себя, будучи, очевидно, застигнутой врасплох внезапной сменой темы.

— Естественно, а ты видишь здесь другого щенка? Твои висячие ушки такие очаровательные, щеночек. Но не кажется ли тебе, что ты маленько... не одета? Даже по меркам тех, кто обожает привлекать к себе внимание? Будешь вот так расхаживать, привлечёшь к себе внимание нехороших людей.

— Не одета... маленько не одета... Щенок... — Аракия посмотрела на Приску, ожидая от неё какого-нибудь намёка на то, как ей отвечать на поведение этого мальчика и справляться с молниеносным потоком его слов.

Приска, мгновенно уловив значение её взгляда, взялась за подбородок. — Братец.

— Хммм?

— Советую тебе подыскать себе нового шута.

Не успела она договорить, как Аракия будто бы исчезла. В мгновение ока она очутилась на потолке гостиной. Она оттолкнулась, устремляясь всем телом в сторону Винсента и того мальчика.

— Гав-гав — сказала она. На конце её вытянутой руки начало светиться голубое пламя, готовое вот-вот поглотить мальчика.

— Ну и ну, какая вспыльчивая. Но должен отметить, совсем не против я реакции такой. По правде говоря. Она мне даже по душе. — У мальчика в руке уже был его меч - *когда он успел его обнажить?* - которым он принял удар нанесенный ладонью Аракии, сводя на нет её внезапную атаку.

В руках его было довольно редкое оружие, которое называли катаной, а родом оно было из Карараги, столицы великой нации, живущей на западе. Он ловко орудовал ей, мастерски избегая смертельно опасных ударов Аракии. Более того, он успел обнажить второй меч, чьё лезвие он уже держал возле шеи Аракии.

— ....

Если бы рука мальчика хоть немного дрогнула, то его клинок тут же лишил бы Аракию её головы; фехтовальные навыки молодого человека были отточенными до безупречности. То, что ему удавалось скрывать свою воинственную натуру, словно клинок в ножнах, чётко указывало на уровень его мастерства.

— Я подобрал его на поле битвы, — сказал Винсент. — Копавшегося в куче брошенного оружия.

— Я просто не мог найти того, что искал. Я надеялся снискать себе славу в боях, а затем на заработанное золото купить хороший меч, но не успел и меня заприметил Его Превосходительство. — Ловким движением молодой человек убрал свой клинок с шеи Аракии, и вложил оба меча в ножны на бедре. — О, не стесняйся снова на меня нападать. Может узнаем, смогу ли я уклониться, в этот раз не пытаюсь физически остановить твою атаку? Так я буду смотреться даже ещё круче чем сейчас, и тогда... Ойййееёоооой!

— Достаточно. Не позволяй случившемуся затмить твой разум. Я не намерен враждовать с Приской. Пока не намерен. — Винсент с силой потянул

молодого человека за ухо, прежде чем его заносчивость успела выйти из под контроля. Затем, все ещё не отпуская его уха, Винсент вытолкнул его вперед со словами: — Представься. Будет полезно, если она тебя запомнит.

— Я чрезвычайно рад нашему знакомству, мадам. Меня зовут Сесилус Сегмунт, доверенное лицо господина Винсента Абеллюкса, человек, которому суждено однажды стать сильнейшим во всей Империи - ярчайшей звездой на небосклоне этого мира!

— ..... — Его, всё прибавляющее в уверенности, представление впервые заставило глаза Приски слегка округлиться от удивления. Её губы разомкнулись и она воскликнула: — Ха! Слушай сюда, павлин напыщенный! Что раздражает в тебе сильнее всего, так это то, что нет в словах твоих ни капли лжи!

— Ну, надо полагать, у меня нет веской причины, чтобы лгать. Кхм. Госпожа... Приска, как вас там? Ваш щеночек тоже не промах. Даже на фоне того, что она не ровня мне.

— Этот человек... ненавижу, — сказала Аракия, чьё внимание привлёк хохочущий Сесилус. Она надула щёки от негодования, но тут Приска подозвала её к себе; Аракия подошла и устроилась подле её колен, в то время как Приска гладила её по голове. Всё ещё поглаживая Аракию по голове, Приска сказала: — Итак, братец, ты “пока” не намерен враждовать со мной?

— Эх, а ты всё держишь ухо в остро, сестра. Да, именно так я и сказал.

— Я знаю, что ты меня обожаешь, потому выражайся яснее. И так понятно зачем ты нарочно оговорился. Ты же хотел намекнуть на...

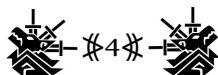
— Ты всегда всё схватывала на лету, сестра. — Лицо Винсента расслабилось и на нём проступила улыбка, которую с натяжкой можно было охарактеризовать как приятную.

Аракия и Сесилус, неуверенные в том, что понимают о чём говорили брат с сестрой, могли лишь глазеть на них в недоумении. Однако, в отличие от застенчивой Аракии, Сесилус без колебаний выпалил свой вопрос: — Намекнуть на что? Кажется вы оба в курсе о чём речь - это имеет какое-то отношение к сегодняшнему визиту?

Услышав вопрос Сесилуса, Винсент поднялся с дивана. — Значит ты всё понял... или же, полагаю, в твоём случае, ткнул пальцем в небо. И да, разумеется, что это связано с нашим визитом. Тебе должно быть известно, что мы не можем просто так нагрянуть друг к другу в гости для дружеской беседы. — С высоты своего роста Винсент взглянул на девушек сверху вниз. Алые рубины Приски посмотрели в его чёрные глаза.

— Она всё таки начнётся? — спросила она.

— Да, начнётся. Церемония Императорского Отбора. Приска, тебе надо готовиться к поездке в столицу. — Винсент на мгновение замолчал, но затем всё же продолжил: — Наш отец... Император, да покроется славой имя его, скоро покинет этот мир.

Священная Империя Волакия была огромным государством, которое доминировало в южной половине большинства существующих карт. Её территория была гораздо больше, чем у трёх других Великих Государств. Благодаря умеренному климату и плодородным землям, Империю Волакия можно назвать самой пригодной для жизни из всех этих стран. Во всяком случае, если говорить исключительно о природной среде.

Ибо люди, жившие и процветающие в этом благодатном месте, естественно, хотели становиться всё сильнее и сильнее. В Империи стало традицией, что сильные почитались, а слабые страдали. На протяжении долгих веков истории эта система ценностей не менялась - более того, груз веков превратил её в незыблемый закон, связавший нацию по рукам и ногам.

И самыми главными представителями образа жизни нации, теми, кто наиболее полно воплощал её этику силы, были Император Волакии и Императорская Семья.

— Должна признать, это впечатляющее зрелище - видеть всех нас, братьев и сестёр, собранных в одном месте, — заметила Приска, оглядываясь по сторонам и проверяя присутствующих.

— И вправду, — ответил Винсент.

Единокровные братья и сёстры сидели бок о бок, опрокидывая стаканы с алкоголем. Приска и Винсент вряд ли смогли бы пересчитать количество своих братьев и сестёр по пальцам. У Приски их насчитывалось не менее шестидесяти шести, хотя, если считать только тех, кто ещё жив, число сразу же сокращалось до тридцати одного.

— ....

У неё было восемнадцать братьев и тринадцать сестёр, и все они (все тридцать два человека, включая Приску) были кровными детьми Драйзена Волакия.

Империя Волакия была плавильным котлом многих народов, и Император выбирал самых сильных представителей из каждой части Империи, не обращая внимания на то, к какой группе они принадлежали, после чего брал их себе в супруги, производя на свет многочисленное потомство. У Драйзена было всего шестьдесят семь возможных наследников, поэтому его часто высмеивали как бесплодного мальчика-Императора. Такие насмешки были вполне естественны, когда его предшественники регулярно рожали по сто или двести детей, как само собой разумеющееся.

— И не сказать, что от сего легче стало тем из нас кого он произвёл на свет, — заметила Приска, которая была одной из них. — С более чем шестидесятью братьями и сёстрами тяжело помнить, какие лица да под какими именами. Ах, если б дети мудрого царя всегда рождались мудрецами.

Ситуация была настолько мрачная, что среди присутствующих были и те её братья и сёстры, кого она видела впервые и с кем её связывали одни лишь кровные узы. С чего бы ей любить этих людей? Возможно, точнее будет сказать, с какой стати ей вообще стоит с ними церемониться?

Винсент говорил о взаимной выгоде - вот это была связь, которую невозможно отрицать.

— Оооо, вы посмотрите кто тут у нас. Приска, и кажется она не очень рада встрече.

— ..... — Приска хранила молчание.

— Вот это да! Никакого тебе приветствия после столь долгой разлуки? Ты доведёшь свою старшую сестру до слёз.

Голос девушки, назвавшейся старшей сестрой Приски, был до того приторно сладким, что его можно было бы намазывать на хлеб словно мёд. Приска, в свою очередь, относилась к ней весьма прохладно. У них были одинаковые оранжевые волосы, но у этой молодой женщины были слегка опущенные в уголках, прищуренные глаза. Между Приской и её старшей сестрой было не более пяти лет разницы в возрасте, и её более женственная фигура свидетельствовала об этом. Она действительно была одной из сестёр Приски, и звали её...

— Сгинь, Ламия. Слушая твой говор, я испытываю тошноту. Я нахожу звук твоего голоса куда более опасным, чем отравленный кинжал, — сказала Приска.

— Холодная, жестокая и язвительная. Что наш дорогой Винсент нашёл в тебе, всё никак не пойму. Не хочешь просветить меня, брат?

— Мне нравятся дерзкие.

Слова Приски были не просто холодными - они были колючими, практически смертоносными, но Ламия и не думала отступить. Более того, она снисходительно улыбнулась, при этом даже не пытаясь скрыть то, что в голосе её был яд. Она уже очень давно являлась неотъемлемой частью жизни Приски. Подобную привязанность можно было счесть милой, будь она продиктована жаждой внимания своей маленькой сестрички, но Ламией двигала чистая, незамутнённая враждебность.

Словно пытаясь её подчеркнуть, она сказала, — Ах, да, — а затем заботливо улыбнувшись: — До меня дошли вести, что на тебя напали твои же слуги - ещё и в твоём собственном особняке? Право, какой кошмар. Мне больно думать, что тебе не найти покоя даже в стенах родного дома.

— Значит сучка эта, непременно, жаждет пасть свою разинуть.

Будь обстоятельства иными, Ламия ни за что бы не допустила раскрытия подобных сведений - это было признаком её уверенности в том, что это покушение было невозможно связать с ней. Приска грозно на неё посмотрела, зная сколь коварной могла быть Ламия.

Ламия была в откровенном восторге от реакции Приски. — Мне любо дорого это выражение на твоём лице, Приска. Выражение жалкой, маленькой девочки, которая ничегошеньки не знает. — Она потянулась к губам Приски и рукою растянула их в фальшивую улыбку. Затем, будто тот час же утратив интерес к своей младшей сестре, она, взамен, придвинулась поближе к Винсенту. — Не могу не поинтересоваться, зачем собирать нас всех сегодня в этом флигеле¹? Почему не в Кристальном Дворце? Не находишь ли ты всё это до боли странным - ещё и в такое время, когда в воздухе витают все эти слухи об угасающем здоровье нашего отца?

— Не сомневаюсь, за этим действительно стоит что-то важное. Кристальный Дворец является символом столицы - он не может позволить его разрушить. Вместо этого, он избрал этот флигель, до которого ему нет дела.

— Так ты думаешь что...? — Ламия чуть было не улыбнулась, когда пыталась узнать о чём же на самом деле думал Винсент. Но, не успела она задать вопрос, как что-то началось.

— ...

Дверь в большой зал с шумом отворилась, собрав на себе взгляды всех присутствующих. Медленным шагом кто-то вошёл в дверь - это был седовласый, престарелый мужчина. У него были тонкие руки и шея, а кожа

была болезненно бледной. Однако же в его алых глазах всё ещё теплилась жизнь; но не она приводила это тело в движение, а сила воли.

— Это Император... Драйзен Волакия, — прошептала Приска при его появлении.

Да, это был нынешний правитель Священной Империи Волакия, отец тридцати двух отпрысков, собравшихся в этом зале, Драйзен Волакия.

— ..... — Собравшиеся дети преклонили колени при виде приближающегося Драйзена, тем самым выказывая своё уважение. Голоса, что совсем недавно заполняли этот зал, совсем утихли, и в наступившей тишине, с громким эхом зазвучали шаги Драйзена. Наконец, он добрался до похожего на трон кресла на другом конце обширного зала. Он тяжело вздохнул и оценивающе посмотрел вокруг.

— Хотел бы я сказать, что рад видеть всех вас, собравшимися здесь.

— .....

Все продолжали молчать.

— Но я вижу, что некоторые из вас не сочли нужным поклониться мне.

Те, кто всё же преклонил колени, в удивлении подняли головы, обнаружив тех кто не последовал их примеру. Сильнее прочих выделялась Приска. Винсент и Ламия также стояли прямо. Таких как они набралось чуть меньше десяти...

— Позвольте поинтересоваться, что, по-вашему, вы себе позволяете? — требовал от них ответа один из старших братьев. — В присутствии нашего отца, Его Превосходительства Императора. Какая Дерзость..!

— Дерзость, значит? Не смей меня. Если мы с тобой оба являемся истинными членами Императорской Семьи Волакия, то и так ясно кто из нас прав. И это точно не безмозглый болван, истративший единственную извилину на соблюдение церемонии, — ответила Приска, не зная пощады.

— Чт..?! — воскликнул старший брат. В том случае, когда братьев и сестёр насчитывалось более шестидесяти голов, разница в возрасте между самым старшим и самым младшим из них порой заставляла видеть в них скорее родителей в компании их чад. Приска, будучи младше него на целых двадцать лет, задала ему такую головомойку, от которой лицо мужчины покраснело и начало дёргаться. — Приска, поганый твой язык - как смеешь ты распускать его в адрес своего старшего брата!

— Старшего брата? Ах да, конечно. Прошу меня простить. Вас ведь так много, но благодарна я судьбе, что лишь немногие из вас достойны места в памяти моей. Совсем забыла, что брат ты мне.

— ..... — Не в силах более терпеть насмешек, брат бывший их объектом, резко вскочил на ноги, красный от злости. Казалось, что он вот-вот накинется на свою младшую сестру.

Но их остановил Драйзен, который просто сказал: — Прекратите.

— Хнгх... Но, Отец...

— Неуважение ко мне, говоришь? Если она делает это напоказ, то подобное даже глупостью нельзя назвать. Но я не стану порицать её, за то что не склонилась передо мной. Отнюдь, мне это более по нраву.

Этими словами Император разрешил спор между его детьми, но не в пользу старшего брата. Вернее будет сказать, что поведение Приски получило его одобрение. В доказательство, Драйзен скрестил свои костлявые пальцы, посмотрел на Приску и сказал: — Приска. Почему ты не преклонила передо мной колени?

— Уверена, мне нет нужды всё тебе разжёвывать. Причина в том, что перед собой не вижу я того, кто был бы достоин поклонения. Ты постарел, отец. Ты едва ли похож на того, кому есть место на вершине Империи, которая первым делом предписывает своим подданным “быть сильными”.

— Бвф-ха! — Так, будучи обхаянным девочкой едва ли старше десяти лет, Император не прогневался, отнюдь, он громко рассмеялся. Он вскользь окинул своими алыми глазами тех, кто последовал примеру Приски.

— ..... — Они не стали опровергать правдивость слов Приски. Все они были более или менее согласны с ней. По их мнению, нынешний Император не стоил того, чтобы они ему кланялись.

— Именно такими должны быть члены Императорской Семьи Волакия. Такими должны быть мои дети!

— Отец...!

— Роммель, минуту назад ты говорил о дерзости. Дерзость! В чём польза от подобных качеств? — Драйзен сделал паузу, а затем продолжил: — Роммель, не хочешь ли ты испытать себя?

— Испытать себя...? — Мужчина по имени Роммель в ответ на слова Императора насупил брови. Вслед за этим Император поднял руку вверх и с

силой махнул ею. Пространство напротив Роммеля начало искажаться и закручиваться, а из образовавшегося разрыва резко показалась рукоять меча.

— ..... — Роммель глазел на него в изумлении. Остальные присутствующие резко вздохнули. Настолько красивой, была возникшая только что рукоять меча. Ножны и меч, покоившийся в них, были украшены столь искусно, что кто-то даже невольно воскликнул.

— Меч Света, Волакия, — сказал Драйзен.

— Меч, передаваемый из поколения в поколение Императорской Семьи Волакия... — пробормотал Роммель, который выглядел так словно его переполнял жар. Он доверился словам своего отца; его лицо сковало от страха и в то же время от возбуждения, затем Роммель нервно сглотнул и сделал шаг вперёд. — Т-такая тяжёлая ноша и вместе с тем огромная честь. Ваше Превосходительство...

Роммель едва ли не трясся от радости, но ответа от Драйзена так и не последовало. Присутствующие с ожиданием в глазах смотрели на Роммеля, который, набравшись смелости, коснулся ножен парящих в воздухе.

Меч Света, носивший имя своей Империи, существовал с самого зарождения этой нации. Как следует из его названия, лишь правителям Волакии было дозволено им владеть – даже Приска ещё ни разу не видела его собственными глазами.

Не довелось ей также собственными глазами узреть истинное значение слов “лишь Император способен владеть мечом”.

— Хаа? — в исступлении промолвил Роммель, схватившись за рукоять и попытавшись обнажить меч. И всё же у него могло бы получиться, и ненадолго ему даже удалось, на руке его родилось пламя, мгновенно ставшее пожаром, которым вскоре был он поглощён.

—...! — Роммель, объятый пламенем уже не был способен даже кричать. Первыми сгорели горло и лёгкие, лишив его дара речи. Он умер, не издав при этом даже предсмертного хрипа.

Вместо Роммеля, в отчаянии подали голос, те кто преклонил колени перед Императором. Но от этого было мало прока. Сожжённый дотла, Роммель, рухнувший на ковёр, уже был мёртв, так и не успев познать агонию. Он обгорел так сильно, что было невозможно понять, упал он на спину или на грудь.

Нескольких секунд хватило Роммелю, члену Императорской Семьи, чтобы сгореть заживо.

Несколько братьев и сестер, выглядящих так будто их вот-вот стошнит от вони источаемой горелой человеческой плотью, стали подниматься, но Ламия, нахмутив бровь, лаконично подытожила: — Агх. А как смердит. — Что до Приски, которой не так давно довелось стать свидетелем того, как вся её прислуга обратилась в пепел, то разыгравшаяся здесь сцена казалась ей отнюдь не отталкивающей, а скорее удивительной.

И даже в этом случае, её удивление было вызвано не самой гибелью Роммеля, а скорее её причиной: Мечом Света.

— Лишь Императору дозволено касаться его. Этот факт предельно ясен. — Лишь десять человек из числа испуганных братьев и сестёр спокойно восприняли гибель Роммеля. Разумеется, Винсент, в пол голоса изрекший сие наблюдение, был одним из этого не робкого десятка, равно как и Приска, которая пришла к схожему выводу.

— О-отец! Что всё это озна..?

— Молчать, — сказал Драйзен, стирая с лиц выражение ужаса от лицезрения смерти Роммеля. Престарелый Император осмотрелся вокруг, переводя пронизывающий насквозь взгляд от одного своего отпрыска к другому. Пока суровый блеск его алых глаз разил их одного за другим, Приске удалось что-то заметить.

— Ч-что происходит? — робко спросил кто-то из присутствующих, тоже это заметив.

А именно то, как пространство перед каждым из них стало искажаться и закручиваться, являя им алую рукоять меча. То же явление случилось и перед Приской, Винсентом, а также Ламией. То была какая-то шутка? Из ниоткуда появился тридцать один Меч Света по числу присутствующих в комнате братьев и сестёр (за исключением почившего Роммеля).

— Теперь мы начнём Церемонию Императорского Отбора, — провозгласил Драйзен. Не придавая значения столь ошеломляющему зрелищу перед его глазами, он говорил, не повышая своего голоса. Внезапно, он перестал походить на высохшее дерево, престарелого правителя, или угасающее пламя не достойное поклонения. Его глаза были широко открыты, а сам Драйзен был словно бушующий огонь.

— Меч Света сам выбирает себе хозяина. Быть избранным мечом есть первый шаг на пути к трону Империи.

— .....

Никто не проронил ни слова.

— В лице меча перед вами предстаёт ваша судьба. А теперь! Обнажите его. Такова участь, от которой не может быть спасения.

Продолжая свою речь, Император, а вернее бывший Император, Драйзен Волакия поднялся и над его головой также возникла рукоять меча. Он потянулся вверх и крепко ухватился за неё, и его тело было тут же объято пламенем.

— .....

Случившееся означало то, что меч отрёкся от старого Императора и теперь готов избрать нового владельца. Со смертью Драйзена Волакия, трон опустел. Гибель старого правителя знаменует собой начало состязания за трон, Церемонии Императорского Отбора, с помощью которой на протяжении многих поколений определялись Императоры Волакии.

Пока все остальные замерли при виде их сгоревшего заживо отца, Винсент промолвил: — Приска. — Он смог предвидеть смерть теперь уже бывшего Императора, но знал ли он, что всё случится именно так?

Это уже не имело значения. Приска повернулась на его голос и её алые глаза встретились с чёрными очами брата. Они понимали мысли друг друга.

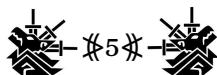
А затем, без колебаний, Приска потянулась за мечом находящимся перед ней...

— Сей мир меняется в угоду мне.

Меч позволил себя перенести из ножен в её руку.

Церемония Императорского Отбора, которой суждено определить будущего правителя Империи Волакия, только что началась.

Между братьями и сёстрами Империи началось безжалостное, лишённое и тени сожаления, кровопролитие.

Император Волакии, Драйзен Волакия, погиб.

Известие об этом, а также о начале Церемонии Императорского Отбора, пробежались по Империи удивительно тихо.

Трудно было не согласиться с тем, что на закате своей жизни Драйзен как нельзя лучше подходил на роль Императора Волакии, но, по крайней мере,

его последние мгновения на этом свете - перед своими детьми и в объятиях ревущего пламени - были наполнены положенной им гордостью.

Смерть Императора означала, что трон некоторое время будет пустовать, однако жители привыкли к таким пробелам в правительстве, когда преемники были определены, и ни гибель государя, ни вакантное место на троне их особо не расстраивало. После безмолвной скорби по погибшему правителю, интерес людей склонялся к тому, кто станет победителем церемонии, спора за преемство. Они перебирали детей Императора, болтали и смеялись, гадая, кто же станет следующим правителем.

Участники церемонии были свидетелями жертвоприношения бывшего Императора, и теми, кто прошёл первое препятствие на пути становления следующим: Меч Света, который определил достойных.

И говоря о них...

— Итак, одиннадцать человек пережили обнажение Меча Света. Не уверена, много это, или же мало, тем не менее. — Приска оперлась на подлокотник и вздохнула.

Церемония Императорского Отбора началась, и битва, которая определит следующего Императора, была уже не за горами. Естественно, Приска стояла среди тех, кто обнажил меч и выжил. После смерти Императора, которая, кстати говоря, произошла после расправы над глупым братом Приски, Роммелем, осталось всего тридцать её братьев и сестер. Не каждый из них попробовал обнажить Меч Света, однако, в конце концов, число потенциальных наследников сократилось до одиннадцати. Это означало, что у Приски было десять противников, десять соперников за Имперский Трон.

— Противники... Это почти что смешно, оказаться посреди смертельной игры со своими братьями и сёстрами, о существовании которых я едва догадывалась до вчерашнего дня. — Приска положила свой стройный подбородок на палец в довольно экстремальной позе.

Одиннадцать кандидатов на трон. Все остальные либо отказались обнажать меч, боясь своего сожжения, либо по своей глупости встретили пылающую судьбу, переоценив себя, или же бездумно приложив свою руку к тому, что было им не по силам. Ни трусы, ни мёртвые больше не беспокоили Приску.

Таким образом, её единственными настоящими противниками были другие десять претендентов на преемственность, и конечно же, Винсент Абеллюкс был в их числе. Все братья и сёстры, на данный момент, могли согласиться, что он был одновременно величайшей угрозой, и главнейшим препятствием на пути к трону среди них.

И так...

— Союз?

— Господи, это так странно звучит для тебя? Я полагала, что в такой ситуации совместить силы было бы первым, о чём можно было подумать. Ну... Возможно не для тебя, Приска. Ты никогда не предпочитала сотрудничество. — Ламия Годвин улыбнулась своими алыми губами, но это лишь придало ей вид ядовитого цветка.

Единокровная сестра Приски была одной из тех детей, которые успешно обнажили Меч Света, и кроме того, она была из тех людей, которых Приска презирала больше всего на свете. Ламия, вероятно, питала такие же чувства к Приске. Они провели каждый день своей жизни в такой сильной ненависти друг к другу, что казалось, одна из них могла убить другую задолго до того, как церемония дала бы им повод это сделать. Ожидается, Приска могла лишь ухмыльнуться, когда Ламия посетила её поместье, и принесла с собой такого рода предложение сразу после начала борьбы за трон.

Пока Приска раздумывала над предложением, Ламия, сидя на диване, позволила глазам разгуляться по гостиной. — Этот дом кажется слегка пустым, разве нет? Слуг и близко не достаточно... Я знаю как ты любишь представить себя. Даже подумать жалко, что твоё личное гнёздышко пребывает в таком скудном состоянии.

— Боюсь, ты застала меня сразу после того, как я избавилась от каждого бесполезного слуги, которого имела. Кое-какая чертовка разместила целую гвардию идиотов в моём доме, а хорошую замену, как правило, тяжело найти..

— Чертовка? О боже. Должно быть, это ужасный поступок по отношению к тебе. — Ламия невинно улыбнулась и взглянула на свои ногти, предлагая малейший кусочек банального сочувствия. Учитывая поведение Ламии в момент смерти Императора, было ясно как день, что она приложила свою коварную руку к этому событию, однако Приску это не волновало прямо сейчас. У неё не было доказательств, тогда как Ламия явно была более чем готова ответить на любую претензию. Победа Приски должна была бы свести всю её подготовку на нет. В любом случае, на повестке дня дела гораздо важнее.

— ...

— ...? Что, Приска? В чём дело?

— Ничего. Я просто никогда не представляла себе, что слуги... Нет, что я буду когда-либо развлекать тебя в моём доме.

— Господи, ещё чуть-чуть, и я бы подумала что ты меня не любишь. Ну, я знаю, что ты недолюбливаешь меня. Как и я тебя.

Обязательства гостеприимства не имели смысла. В конце концов, Ламия даже не удосужилась попробовать чай, предложенный ей Приской. Дело усугубляло и то, что принятый гость был кровным родственником - таков был путь Императорской Семьи Волакия. Поступив иначе, человек выразит исключительное доверие к хозяину, или же покажет, что не желает никакой вражды с ним. В противном случае - это немыслимо.

И всё-таки, ни одно из этих условий не могло быть достигнуто, когда дело касалось Приски и Ламии. Однако благодаря их связи, при которой лишь кровью можно было перекрыть иную кровь, предложение Ламии стоило внимания.

— Что скажешь? Как тебе идея твоей любимой сестрёнки?

— Справедливо. По крайней мере ты заслуживаешь похвалы. Это было неожиданно. Никогда бы не подумала, что ты станешь первой, кто предложит мне стать союзниками. Я была уверена...

— Что я немедленно воспользуюсь поводом, чтобы наконец убить тебя? Ох, ты умеешь расстроить, Приска. Ты ведь не думаешь, что я сделала бы что-то настолько безрассудное, так?

Ламия жестоко улыбнулась и симитировала Приску, уперев подбородок об руку. Одним из способов установки взаимопонимания в разговоре было копирование поведения. Ламия поняла это, руководствуясь не логикой, а своим чутьём.

Естественно, такой приём не сработал бы на Приске, однако Ламия не собиралась сдавать позиции, продолжив: — Конечно, я бы соврала, сказав, что мысль о том, чтобы покончить с тобой, не пришла мне в голову сразу же. Но даже я знаю для чего мне дана голова, знаешь ли. Моя прекрасная, идеально ухоженная голова.

— .....

Приска ничем не ответила.

— Положим, я поступила бы опрометчиво и убила тебя, но что тогда? Что произойдёт после этого? Только идиот действует, не волнуясь о последствиях. Как те из нас, кто не принял вызов Меча Света. Хотя, не сомневаюсь, что те кто его всё же принял и потерпел поражение, были ещё глупее.

То как она глумилась над погибшими, которые к тому же были её родственниками, заставило Приску поморщиться. Но гнев не был вызван

словами Ламии. её раздражало то, что она в кои-то веки была абсолютно согласна со своей сестрой.

И вправду, пока что Приска была полностью согласна с Ламией. Она разделяла её отвращение как к их более трусливым братьям и сёстрам, так и к тем кто принял вызов меча и был сожжён заживо. К тому же её на мгновение тоже посетила мысль о том, чтобы сделать свой первый ход против самой ненавистной из своих сестёр.

Самой ненавистной, отнюдь не потому что они не ладили друг с другом, а по той причине, что Приска видела в Ламии своего самого опасного врага. Она не сомневалась в том, что Ламия была в числе тех, кого она желала устранить незамедлительно.

Однако же, был среди них ещё более опасный противник. А именно...

— Наш дорогой брат, Винсент Абеллюкс, — произнесла Ламия.

— Тебе всегда удаётся оставаться пренеприятнейшей из женщин.

— Пожалуй, сочту это за комплимент. — С триумфом заулыбалась Ламия, прочтя её мысли как открытую книгу. Приска почувствовала как в ней нарастает раздражение, когда она увидела едва скрываемую жестокость, сидящую глубоко в глазах Ламии. По крайней мере, она не была одинока в своей борьбе с испытываемым ею унижением от того, что ей приходится общаться с самой ненавистной из своих сестёр, предпринимая всё возможное, чтобы ситуация окончательно не превратилась в смертельную дуэль.

— Выстоять против нашего брата Винсента мы можем лишь объединившись вместе. И раз уж мне придётся работать с кем-то сообща, не вижу смысла мне размениваться на всякий сброд и прочее отребье. И раз уж ты прибегнешь к яду, то кто откажется от лучшего из них? К тому же я подозреваю, что ты отчасти согласна с моим суждением.

— И поэтому ты явилась ко мне с предложением союза? Именно подлости я от твоих махинаций и ждала.

— Подлости? Ты ранишь меня. Хотела б я, чтобы лукавством ты это назвала.

— Воистину - лукавство. Точнее слова не сыскать для такой лисицы как ты. Не стану возражать.

Ламия рассмеялась, издавая звук схожий со звенящим колокольчиком; это был смех человека, уверенного в том, что даже тут она не была загнана в угол. Ещё бы, ведь её Корпус Резчиков не дал бы Приске возможности

навредить ей. Так называлась её частная армия, признанная сильнейшей среди прочих личных ополчений Волакии.

Не то чтобы Корпус Резчиков прямо сейчас брал в кольцо особняк Приски, но ей всё же угрожало само его существование. Даже разговаривая она с Ламией наедине, или же в доме самой Приски, то даже тогда сёстры не были бы на равных. Ламия хоть и выглядела безобидной, но ни в коем случае не была такой на самом деле, и она прекрасно это осознавала.

— .....

Что Приска могла противопоставить армии Ламии? Лишь скромные по численности войска семьи Бенедикт, на которые она едва ли могла рассчитывать, а также Аракию.

Их союз ни при каких условиях не был бы заключён на равных правах. Для Ламии в объединении с Приской не было практически никакой выгоды, за исключением разве что чувства извращённого удовлетворения тем, что удалось заставить Приску преклониться перед ней.

— Я весьма высокого о тебе мнения, Приска. Мне совершенно нет дела до семьи Бенедикт. Мне нужна лишь ты.

— ..... — Приска ответила молчанием.

— Поэтому я решила с тобой подружиться прежде чем ты успеешь стать моим врагом. Разумеется, нам скорее всего придётся друг друга убить, когда всё это подойдет к концу, но от того лишь будет больше пользы, если на время зарыть топор войны...

— Считаешь, мне нужна защита, чтоб не растаять как снежинка? Должна отметить, это ужасно надменно с твоей стороны.

— Мне так жаль, что тебя это так сильно беспокоит. Но есть ли выбор у тебя? — Продолжая говорить, Ламия широко раскинула руки, отчего её грудь - чересчур роскошная для её шестнадцати лет - подпрыгнула. Затем она заглянула Приске прямо в глаза и сказала: — Я уже долгое время подготавливала почву, готовясь к этому самому дню. Зная возраст нашего ныне покойного Императора, мне было понятно, что долго ждать не придётся. Всё произошло на пару лет раньше, чем я рассчитывала, но это терпимо. Мне нечего опасаться, учитывая насколько все безалаберны и не подготовлены. За исключением...

— За исключением чего?

— За исключением кого. Вы с Винсентом отличаетесь от остальных. Все знают, что Винсент является угрозой. Но ты, Приска, даже если по тебе такого и не скажешь, тоже являешься таковой.

— .....

— Мне известно, что ты опасна. Вопрос в том, насколько опасна? Чем именно? Если ты протянешь животному руку, не зная ядовитое ли оно, то когда оно укусит, будет уже слишком поздно. И поэтому...

— И поэтому ты хочешь сказать, что меня нужно держать при себе, под надзором?

— Разумеется, одной сестричке ведь можно качать другую у себя на коленках? — Ламия сначала выпрямила, а затем вновь скрестила свои ноги, которые скрывала её юбка, прежде чем соблазнительно провела рукой по своему бедру. На лице её промелькнула лёгкая, не искренняя улыбка, так выглядела женщина, прекрасно отдававшая себе отчёт в том, что её красота была ещё одним оружием, призванным околдовывать окружающих. Многие мужчины без колебаний согласились бы совершить немислимое ради шанса прикоснуться к этому телу. А Ламия Годвин, в свою очередь, при помощи своих женских чар и обаяния подпитывала иллюзию того, что это когда-нибудь может произойти.

Её уловки не работали в случае Приски, сестры что ненавидела её, но предложение Ламии всё же обладало достаточной ценностью, чтобы та не спешила его отвергать. Поэтому она этого и не сделала..

Ламия взглянула на неё и с довольным видом кивнула. — Не думала, что мне представится шанс сказать такое в твой адрес, но тебе не обязательно решать здесь и сейчас. Подумай сколько тебе нужно, чтобы дать положительный ответ и скажи мне. — Довольно ухмыляясь, понимая что Приска не могла ей отказать на месте, Ламия медленно поднялась. Затем она тяжело, будто от сильной усталости, повернулась к Приске спиной, словно напрашиваясь на то, чтобы в неё тотчас же вонзили меч – нет, она скорее подчёркивала тот факт, что Приска не желала или не могла поддаться на эту провокацию. — Ах да, я ещё вернусь за положенным мне ответом... Уверена, ты знаешь, когда это случится.

— Когда ты покончишь с обрезкой, кто бы сомневался.

— Хе-хе. Так и есть! — Ламия, повернув голову, оглянулась на Приску, а затем её прекрасный и в тоже время злорадный образ покинул гостиную, громко хлопнув дверью.

— Чёртова лисица, — пробормотала Приска, смотря Ламии в след, не удосуживаясь проводить её из комнаты. Ламия и так достаточно хорошо знала особняк Приски и в эскорте не нуждалась. Имея в своём распоряжении Корпус Резчиков, что ждал её снаружи, для всей остальной Империи она была неудержима.

С уходом Ламии, Приска оставалась в комнате одна – пока не зазвучал новый голос. — Принцесса, всё хорошо? — Голос принадлежал Аракии - девочке с серебряными волосами, которая только что выскользнула из тени позади Приски. Будучи её слугой, она была единственной на кого Приска могла рассчитывать в бою, и лишь она одна присутствовала на встрече, наблюдая из тени. Но всё это было излишне; ведь в такой обстановке вероятность того, что Ламия напала бы на Приску, была близка к нулю.

На самом деле, Ламия, вероятно, была в курсе её присутствия.

— Нет во всём этом абсолютно ничего хорошего. Для меня нет никакой выгоды в том, что атаковать прямо сейчас. Как бы сильно меня это не бесило.

— Вам бы досталась её голова.

— Согласна, но подумай: сколь многое мы бы утратили взамен? Не сомневаюсь, что ты определённо лишила бы её головы, не настаивай я на том, чтобы ты воздерживалась от подобного.

— Я её ненавижу. Она насмехается над вами, госпожа Приска. — Упрямая словно дитя, Аракия продолжала гнуть свою линию; Приска уперлась подбородком в свою руку, довольная тем, с какой враждебностью сверкали глаза Аракии. Из-за того как открыто она выражала свои чувства и какую преданность она выказывала Приске, она, казалось, была ей как питомец. Эта очаровательная сторона её характера была причиной, по которой Приска держала её при себе. К сожалению, всё это уравнивалось тем фактом, что она отнюдь не была семи пядей во лбу...

— До чего же жестоко было сравнивать меня с нашим старшим братом. Как бы то ни было, я уверена, что ты последуешь моим указаниям. И если ты будешь придерживаться им, то вырастешь здоровой и сильной.

— ....? Да. Так и сделаю. Я поняла.

По голосу казалось, что она навряд ли всё поняла, но Приска была уверена, что она будет стараться изо всех сил. И этого было достаточно.

— А что касается той коварной стервы, то пускай пока думает, что я пляшу под её дудку. Не делай ничего безрассудного, Аракия.

— ..... — ответа от Аракии не последовало.

— Аракия, ответь мне, — Приска, встревоженная отсутствием ответа, нахмурила брови.

Наконец, Аракия коснулась алой пряди волос у неё на лбу и заговорила:
— Я не была вам достаточно полезной. Вы злитесь?

— О чём это ты?

— Я проиграла. Синеволосому господина Винсента.

— Ах, это. — Приска вспомнила: источником чувства неуверенности Аракии в себе было поражение, нанесённое ей молодым синеволосым мечником, которого Винсент на днях привёл с собой в особняк. Аракия редко заикливалась на чём-то, кроме Приски, подобное отношение она оправдывала своими особенностями как Пожирателя Духов и своей боевой доблестью. Её, должно быть, сильно тревожит то, что её уверенность в себе смог пошатнуть мальчик её возраста. Наверное, ей казалось будто она подвела Приску. Однако...

— Дурёха.

— Ой!

...Приска щёлкнула приунывшую Аракию по лбу, отчего глаза последней наполнились слезами. Приска сочла увиденное очень милым, но всё равно лишний раз повторила: — Дурёха. Во мне нет ни глупости, ни сумасбродства, чтобы я хранила инструмент в коем для себя не вижу пользы. И заруби себе ты на носу, Аракия - уж точно не тебе порочить мой инструментарий.

— И даже... саму себя?

— Считаешь, ты будто сама себе принадлежишь?

— ...

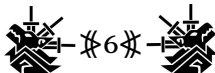
От такого глаза Аракии, которая быстро помотала головой, округлились. Её уши болтались вслед за её головой, сродни её вилянию хвостом. И как оказалось, она и вправду резво им виляла, быть может, ей стало легче.

— Но, Леди Приска, что означает... обрезка?

— Обрезка означает позволять дереву расти, срезая лишние ветви и листья. Одним словом, это рутинное занятие необходимое для взятия под контроль хода Церемонии Императорского Отбора. Я не собираюсь участвовать в подобной ерунде, но...

— Да, госпожа? Что такое?

— Я считаю, что Ламия первым же делом к ней приступит. Это как раз под стать её вульгарности.

Император Волакии избирался посредством Церемонии Императорского Отбора; это был неприкосновенный ритуал, и в его основе лежала одна вещь: резня между кровными братьями и сёстрами.

Император Волакии выбирал себе жён среди самых сильных его подопечных, и они рожали много, много детей, что было очевидным. И одному из них предстояло стать следующим государем. Церемония Императорского Отбора, начавшись со смерти бывшего Императора, продолжится до тех пор, пока не останется лишь один кандидат на трон, и таким образом, каждый, кто станет правителем по определению будет также убийцей своих младших и старших братьев и сестёр. Они убьют друг друга, а иначе не смогут заполучить трон.

“О гражданах Империи, будьте сильны...”

Таким было основоположное учение, фундаментальная ценность, устоявшаяся среди тех, кто звал себя жителем Волакии. Помимо прочего, таковым было железное правило, которое Императорская Семья Волакии, как и сам Император, должны были олицетворять собой. И именно это служило главной причиной того, почему Церемония Императорского Отбора не могла существовать без кровопролития.

— Однако тем, кто бездумно потакает традициям лишь из-за того, что они существовали веками, недостаёт утончённости. С годами перспективы меняются, и мы должны соответственно реагировать на любое событие. — взболтав вино, промолвил Бартрой Фиттс.

Двадцатисемилетний Бартрой стоял прямо между детьми бывшего Императора; самому старшему из его более чем шестидесяти братьев и сестёр было сорок, а младшему всего десять. Но их родственная связь не подразумевала хорошие отношения. Каждый ребёнок, рождённый в Императорской Семье Волакии всегда держал в уме церемонию. Настоящая дружба между ними была крайне редка. Сближение с кем-либо грозило развитию привязанности, и не позволяло им быть хладнокровными, когда это было необходимо. Поэтому дети обычно были склонны держаться на дистанции, либо открыто ненавидеть друг друга.

— Так ведь мыслит большинство. Ты согласна, Ламия? — Бартрой повернулся к своему гостю, его младшей сестре с красивыми алыми глазами, Ламии.

— Ох, да... — сказала она со слабой ухмылкой. — Бартрой, мой дорогой брат, я восхищаюсь твоим умом. И давно тебе стали приходиться такие мысли в голову?

— В то время, когда мне приходилось думать - и конечно, его было достаточно. Этот проклятый ритуал повторялся веками. И когда ты хватаешься за ржавую цепь голыми руками, есть шанс пораниться самому.

Другими словами, тщательные приготовления имели решающее значение.

Бартрой показательно сжал свой кулак; глубоко впечатлённая Ламия кивнула. Однако рука Бартроя не схватила Меч Света, в отличие от её руки, в день смерти Драйзена. Он отказался участвовать в Церемонии Императорского Отбора.

Девятеро других разделили его желание не касаться меча - все остальные приняли испытание, и десять из них сгорели заживо, оставив за собой одиннадцать претендентов на престол. Включая Роммеля, погибшего раньше всех, одиннадцать детей лишились жизни в тот день. И, откровенно говоря, Бартрой желал свести дальнейшие жертвы к минимуму.

— И поэтому я заключил с тобой соглашение, Ламия.

— Чтобы когда я вознесусь на трон, ты и другие отказавшиеся участвовать в церемонии, были под моей защитой. Я знаю.

— Именно так, — кивнул Бартрой. — Для этого я и убедил остальных девятерых примкнуть к нам.

Девять братьев и сестёр вместе с Бартроем — выбывшие — отказались от своего права участвовать в Церемонии Императорского Отбора ещё до её начала. В конечном итоге, те, кого Бартрой не переубедил, бросили вызов мечу, и их жизни унесло пламя. Тем не менее, его усилия были не напрасны. Десять человек, которые в ином случае были бы сожжены, спаслись от уничтожения мечом.

Опять же, как правило, братья и сёстры Императорской Семьи Волакии не были близки. Однако Бартрой стремился стать исключением. Он активно налаживал связь со своими братьями и сёстрами, и строил доверительные отношения, при которых они могли бы без опасений подойти к нему за советом или помощью.

Всё это было в предвкушении Церемонии Императорского Отбора.

— Позволь спросить, почему ты выбрал меня? Я всего лишь маленькая девочка среди всех наших братьев и сестёр, если так можно так выразиться.

— Такое должно быть очевидным. Поскольку именно ты вдохновила меня на подобные мысли, Ламия.

— Я?

— Именно. Я верил, что ты, как никто другой поймёшь меня. Будучи ещё малышкой, ты задавалась вопросом, не существует ли какого-то способа закончить это, не причиняя вреда друг другу.

В то время всё ещё молодой Бартрой искал что-то, что можно было бы сделать – и эти слова, произнесённые его сестрой, словно мимолётная мечта, снизошли на него, словно откровение. Он размышлял над ними и следовал им до тех пор, пока не оказался там, где стоял сегодня.

— Церемония началась так как ты и предсказывала, но кажется будто до победы тебе ещё далеко. Я и девять других наших братьев и сестёр будем с тобой сотрудничать. А затем, быть может...

— Затем, нам, быть может, удастся одолеть нашего брата Винсента? В этом твой замысел?

— Так и есть. — Бартрой кивнул, несмотря на то, что в его горле пересохло от одного только упоминания Винсента.

Винсент Абеллюкс был одним из единокровных братьев Бартроя. Но его величие, сила его характера были столь грандиозны, что к добру или к худу, но их сложно было принять за родственников. Этот молодой человек был гениальнейшим из стратегов и имел наилучшие показатели во всех областях знаний. Будучи пугающе проникательным, Винсент вернул дому Абеллюксов, некогда опустившемуся до уровня мелкого дворянства Волакии, их утраченное благосостояние, при этом проложив себе дорогу к званию Верховного Графа с помощью одних лишь навыков и своего таланта.

Винсент по праву считался главным претендентом на Имперский Трон. И как следствие, для Бартроя имело бы смысл обратиться к нему со своим предложением о сотрудничестве.

— Хотя я сильно сомневаюсь, что от Винсента стоит ждать симпатии к родственникам.

— Такая морока, не так ли? Вести переговоры с тем, кто и без твоей помощи может заполучить всё, что только пожелает.

— Ты воистину проникательна, Ламия.

— Хе-хе. Не волнуйся. Я не сержусь. В конце концов, это значит, что раз ты не можешь подступиться к Винсенту, то первой о ком ты подумал, была я. Не так уж и плохо.

То, сколько гордости и эгоизма было вложено в замечание Ламии, заставило Барತ್ರоя слегка улыбнуться. И, разумеется, она была абсолютно права. Вслед за Винсентом, Ламия, казалось, была ближайшей претенденткой на победу. Не сказать, что те кто входил в лидирующую десятку не были достаточно хороши, но по мнению Барತ್ರоя, именно у Ламии были все шансы одолеть Винсента.

Шансы были и у другой моей младшей сестры, но симпатии к окружающим в ней было не больше, чем в Винсенте.

— Она может и достаточно юна, но у неё есть все необходимые ей качества достойного правителя Волакии...

Начнись церемония пятью годами позже, то в очереди на наследование имперского престола она стояла бы на первом месте. Но этому попросту не было суждено случиться. И поэтому, со своим предложением Барತ್ರой обратился к Ламии.

— Ну что ж, мой дорогой брат, давай обсудим наше будущее.

— Мм, да, прошу меня извинить. Я немного ушёл в себя. Что касается будущего. Да, это очень важно. — Барತ್ರю было необходимо сообщить остальным девяти отказавшимся о том, что они теперь намерены предпринять. На данный момент, никому из них не было известно о том, кто был его сообщником. План, который он вынашивал вместе с Ламией, мог перечеркнуть саму Церемонию Императорского Отбора, наиважнейший ритуал во всей Волакии - утечка информации могла произойти откуда угодно. Ему никак нельзя было ослаблять бдительность.

Однако близился тот день, когда приложенные им усилия наконец-то будут вознаграждены. Она сдержит своё обещание, говорил он себе.

— Я знаю, что всё это было ради спасения наших братьев и сестёр, но я сожалею, что из-за меня ты была обязана принять вызов Меча Света. В тот день, если бы...

— Было бы весьма хлопотно, если бы я тогда тоже сгорела, не так ли?

— Лучше и не скажешь! Кхм, однако ж дело это совсем не шуточное. — Барತ್ರой потряс своей головой, укоряя себя за ироничную улыбку,

промелькнувшую на его лице. Быть может, именно чувство выполненного долга за достижение его великой цели, было виной тому, что его напиток столь быстро вскружил ему голову. Или же ему не хотелось признавать тот факт, что даже в момент их разговора, люди с которыми они были связаны общей кровью, абсолютно не таясь, продолжали убивать друг друга.

Громко глотая, он выпил ещё вина.

— Кстати, Бартрой. Я тут кое о чём думала, так, мимолётный пустяк.

— О? И о чём же?

— Знаешь, говорят будто человек способен на проявление небывалой силы в момент, когда его одолевают гнев или отчаяние?

— Гнев... или отчаяние? — Бартрой поглядел на Ламию со своего места на диване, не будучи уверенным, что понимает отчего вдруг разговор перешёл на эту тему. Его сестра сидела неподвижно и лишь кивнула, подняв вверх два пальца.

— Да, именно. Те девять братьев и сестёр, что ты привёл ко мне, Бартрой... Так вот, они знают в каком положении оказались. Уверена, что отчаяние заставит их сотрудничать со мной. Но тебе не кажется, что кто-то из них будет в добавок ещё и напуган?

— Что ж, прирождёнными бойцами их и вправду не назвать.

— И всё же нам надобно объединиться вместе для достижения общей цели. Им нужен гнев. Ярость достаточно сильная, чтобы сокрушить их страх. Такой как...

— Такой... такой как что? — медово сладкий голос Ламии вдруг зазвучал для Бартроя как-то странно, как будто бы издалека. Его голова потяжелела, а мир вокруг стал каким-то... иллюзорным. Его голова качнулась вперёд. Его горло сильно пересохло. Ему срочно нужен был ещё бокал. Должно быть так и есть. Он налил себе ещё вина, затем ещё и ещё, пока оно не полилось через края бокала. Пока, наконец, тот не был опрокинут, начав окрашивать ковёр алым цветом.

— Вот, например, что если их дорогой, старший брат, на которого они все так рассчитывали, вдруг станет жертвой столь бессердечного обмана?

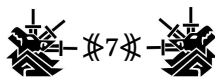
Но слова Ламии теперь даже не доходили до его ушей.

Пересохло. Так сильно пересохло в горле. Ему хотелось ещё вина. Да... Того вина, что Ламия преподнесла ему в качестве подарка.

— ...

Вина...

Ламия взглянула вниз на Барತ್ರоя, который рухнул вслед за своим бокалом на испачканный вином ковер. Её старший брат уже перестал дышать; он даже не дергался.

По какой-то прихоти она сжала пальцы, взяв свой бокал, из которого не выпила и капли, и вылила его содержимое на голову Барತ್ರоя.

Её брат по-прежнему не шевелился.

— Батюшки, вынуждена признаться, что я удивлена. Подумать только, он ничего не предпринял, чтобы защитить себя. — Ламия до последнего не исключала возможности, что Барತ್ರой лишь симулирует смерть, но её осторожность оказалась весьма неуместной. Он умер по одной простой причине: он не был осторожен.

Ламия выбросила пустой бокал на пол и с ухмылкой посмотрела на труп своего брата, её красные глаза сузились. — Все эти годы ты готовился... лишь для того, чтобы умереть собачьей смертью. Ты и вправду был тупицей, брат.

Ламия никогда не понимала ход мыслей Барತ್ರоя, в каких заблуждениях он пребывал. Он говорил о некоем откровении, которое, как ему казалось, она ему дала, но, насколько Ламия понимала, она лишь играла роль простодушной младшей сестрёнки, направляя его в выгодном для неё русле. И она даже не мечтала, что это приведёт к тому, что не менее десятка потенциальных соперников даже не поучаствуют в отборе.

— Хотя, если честно, все десять из них, вероятно, были бы сожжены заживо, если бы осмелились схватиться за Меч Света.

Она просто не знала, о чём думает Барತ್ರой; похоже, он считал, что может сослаться на кровное родство как на единственную причину, по которой она должна даровать защиту ему и его когорте. Гордыня, когда человек верит, что может спасти других, была лишь забавой, дозволенной только тем, кто имел власть. В тот момент, когда Барತ್ರой решил расположиться к кому-то, кто сильнее его, в тот самый момент, когда он решил использовать свой ум в попытке вызвать их симпатию, он отбросил свою лучшую надежду на исполнение своего желания.

— И потому ты сейчас мертв, дорогой брат, — сказала Ламия.

О гражданах Империи, будьте сильны! Неписаное правило Империи Волакия, обычай могущества, согласно которому сильный имел право терзать слабого. Согласно этому обычаю, сильный питался слабым, даже если тот был членом Императорской Семьи. А сильные могли наживаться на смерти слабых по своему усмотрению.

— Ваше Превосходительство, мы их благополучно одолели, — скрипучим голосом произнёс мужчина, пока Ламия продолжала смотреть на своего мёртвого брата. Они находились в особняке Барತ್ರоя, куда она была приглашена в качестве гостя, но человек, появившийся в приёмной, не принадлежал к домашнему персоналу; это был один из агентов Ламии. Он был пожилым человеком, с роскошными, целиком седыми волосами, и умными глазами, спрятанными посреди глубоких морщин на лице. Он обратился к Ламии как "Ваше Превосходительство" - термин высшей чести в Волакийской Империи: он был главным стратегом Ламии Годвин...

— Прекрасная работа, Беллстетз. Полагаю, у вас не возникло никаких проблем?

— Никаких. Как указало Ваше Превосходительство, мастер Бартрой держал здесь, в своём особняке, лишь самый минимум персонала.

— Хм. Интересно. Представьте себе, мы были кровными родственниками, но ему и в голову не пришло обезопасить себя.

— ... — Человек, которого она назвала Беллстетзом, почтительно поклонился и умолк. Полезные люди не говорили без очереди. Ламия ненавидела пожилых людей, но только потому, что большинство из них были совершенно никуда не годными. Пока они могли держать себя в руках, она не возражала против их существования. Тем не менее, она считала, что пожилые люди слишком охотно говорят, и лучший способ управиться с ними - заткнуть их.

— Этим-то меня, по крайней мере, преданность моего дорогого покойного отца делу и восхищает. Он знал, что столь жалким образом усопнув на смертном одре, он лишь омрачит все свои достижения. А мы бы этого не хотели.

Независимо от того какими бы сильными и мужественными ни были люди в молодости, возраст делает дураками всех. По мнению Ламии, система императорской преемственности, которая заменяла правителя до того, как это могло произойти, была в высшей степени логичной. Она тоже надеялась, что занавес над её жизнью опустится до того, как она состарится, а её ум и красота завянут.

— Хотя я планирую, чтобы она продлилась настолько долго, насколько это только возможно, — заметила она.

Беллстетз сделал паузу, затем сказал: — Очень хорошо, Ваше Превосходительство. Если у вас нет возражений, могу ли я продолжить работу над планом?

— Да, пожалуйста.

Стратег был заинтересован не в том, чтобы развлекать Ламию шальными замечаниями, а в том, чтобы продолжать свою работу. Она не стала ни винить его за это, ни упрекать - лишь кивнула и подмигнула.

Бартрой был мёртв, а глупые братья и сестры, которых он сплотил вокруг себя, потеряли своего знаменосца. Уже не имея права участвовать в отборе, беспомощно гнущиеся, словно ветки на ветру, у них был только один выбор: искать кого-то нового, кто поведёт их. Они найдут Ламию.

— Мы имеем дело с шайкой, собранной моим братом Бартроем. Я могу лишь предположить, что их головы пусты, все до единой. Как только они узнают, что наш брат мёртв, обвести их вокруг пальца будет проще простого.

Он был таким же глупцом, как и те братья и сестры, которые, неверно оценив свои способности, попытались схватить Меч Света и были уничтожены; таково было истинное мнение Ламии о Бартрое. Однако в том, что его глупость в конечном итоге принесла ей хоть какую-то пользу, была своя доля ценности.

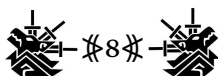
Собираясь выйти из комнаты, Ламия остановилась и обернулась к трупу брата, лицо которого всё ещё было погружено в пол. — Скажи, Бартрой... Дорогой брат. Я хочу, чтобы ты знал: я не ненавидела тебя - ни в коем случае.

Ответа не последовало - конечно, не последовало. Но Ламия и не искала его. Она не пыталась извиниться или как-то успокоить свою совесть. Она лишь констатировала факт.

— Просто тобой было проще всего манипулировать. Самым восприимчивым к невинной болтовне миленькой маленькой девочки.

Она давала ему понять, что всё это было не более чем вступительным гамбитом, стратегическим ходом, сделанным, когда она была ещё очень молодой. Это был её последний подарок мёртвому человеку, а затем она ловко выскользнула из комнаты, предоставив остальное своему стратегу, который стоял со склоненной головой. К тому времени, когда она покинула двери особняка и начала садиться в ожидавшую её драконью карету, она уже позабыла лицо своего брата.

Тогда она сладко усмехнулась. Её внимание уже было приковано к следующей цели. — Итак, обрезка закончена. Я не могу дождаться того, что будет дальше, Приска.

Если взглянуть на Церемонию Императорского Отбора под другим углом, то она предстанет в виде внутреннего конфликта в пределах Империи - гражданской войны.

Битва за трон была состязанием, в котором члены Императорской Семьи проявляли ум, изобретательность и боевую доблесть, а все земли страны превращались в поля сражений; любое место в её границах могло в любой момент стать ареной для решающей конфронтации. И, разумеется, во время гражданских войн, отношения с соседними государствами становились более напряжёнными. Неизбежная потеря части военной мощи страны была вполне естественной, беря во внимание творящийся разброд в сфере внутренних дел.

Это было сродни тому как десятилетия назад Королевство Лугуника было вынуждено проявлять повышенную бдительность на случай вторжения - не в последнюю очередь со стороны Волакии - когда в её пределах разыгрался масштабный внутренний конфликт. И хотя это едва ли было единственной причиной этому, она всё же объясняла почему церемония имела обыкновение столь скоро подходить к концу. Нельзя было позволить, чтобы трон Империи пустовал годами. Возможно, именно такая утилитарная логика и стояла за тем, что обычно церемония длилась не более одного года.

Суть была в том, что...

— Я думаю, это станет кульминацией Церемонии Императорского Отбора, — сказала про себя Приска, прислоняя к своим губам красный складной веер, во время осмотра только что возведённой заставы. Она встала лагерем на вершине невысокого холма, под защитой частной армии семьи Бенедикт. Все они были облачены в красную броню - согласно личным предпочтениям Приски - но они не дотягивали до статуса элитных войск, им недоставало подготовки и их первый бой всё ещё был впереди. Но, по крайней мере, боевого духа у них было хоть отбавляй.

— Я не требую от них звёзд с неба, мне лишь нужно, чтобы они чётко следовали моим указаниям. Ты там, Аракия?

— Мм... Рядом с вами, — сказала Аракия, внезапно возникшая посреди строя Красных Пластин, откликнувшись на зов Приски. Она слегка ошарашила солдат, до этого момента совершенно не подозревающих о её присутствии.

Приска подняла руку вверх, чтобы унять роптание толпы, и затем посмотрела на Аракию. Как и всегда, на ней был самый минимум одежды, а руки были тонкие как веточки, но она всё же была готова к бою. По сравнению с солдатами в полном обмундировании, она казалась очень хрупкой, но для её скудного одеяния была веская причина. Мальчишка-мечник на службе Винсента может и высмеял её за это, но оставляя свою кожу открытой, она в полной мере раскрывала свои способности Пожирателя Духов. По словам самой Аракии, низшие духи ценят гармонию с природой и не приемлют чего-либо созданного руками человека. Таким образом, её открытость в стиле одежды служила приманкой для этих духов - её пищи.

Всё это было ради того, чтобы Аракия могла использовать весь потенциал своих сил. И если для этого ей необходимо оголять себя до такой степени, то Приску это ничуть не волновало, пускай хоть щеголяет голышом, если так будет нужно.

— Быть может, я бы думала иначе, будь она уродливой...

— ...? Что вы хотите этим сказать, Принцесса?

— Только то, что ты хороша собой. Достаточно красива, чтобы выстоять даже перед мои испытующим взором.

— Благодарю вас... Наверное? — Аракия наклонила голову, застигнутая врасплох тем, что её внешность внезапно стала темой для обсуждения. Но Приска не собиралась более её развивать. Как бы то ни было, время для пустой болтовни подошло к концу.

— Докладываю, Ваше Превосходительство! — сказал гонец, подбежавший к Приске. Он протолкнулся сквозь ряды солдат, и, гремя своей красной бронёй, преклонил перед ней колени, вручая свиток. Аракия взяла его, сломала печать, и передала его Приске.

Приска просмотрела его и проворчала: — Хмф. Кто тебе его дал?

— Граф Беллстетз Фондальфон, стратег семьи Годвин!

— Беллстетз... Древнее ископаемое, — заключила Приска, вспоминая лицо, идущее в комплекте с именем, а затем закрыла один глаз, погружившись в свои мысли. Ей не пристало помнить грязь под ногами, а, следовательно, тот факт, что Беллстетз ей запомнился, указывал насколько он был ценен и достоин того, чтобы его запомнить.

В качестве своей стратегии Ламия предпочитала яд. Ум и жестокость были среди её основных черт, но эти её врождённые дарования были обращены отнюдь не одной персоной. Среди них был и Беллстетз. Если сравнивать Ламию с ядовитым цветком, то Беллстетз был из числа садовников, что поливали её водой и помогали ей цвести.

— Принцесса. Письмо... Что в нём?

— Ничего важного. Когда начнётся осада замка, нам предписано быть в арьергарде.

— Арьергард²...

— Другими словами, нам следует с задних рядов наблюдать за тем как сражаются другие.

Аракия не раз переменилась в лице, пока впитывала содержание послания. Сперва, она в недоумении нахмурила бровь; затем, глаза её широко открылись; и наконец, она от недовольства надула щёки. — Принцесса... Я думаю, что они, возможно, насмеются над нами.

— Да, уверена, что она преследует цель нас унижить. Эта лисица никогда не пренебрегает возможностью свершить своё очередное жалкое злодейство. Но она недостаточно беспечна, чтобы поставить под удар свой шанс на победу.

— Что тогда?

— Я думаю, что она считает будто сможет победить, не прибегая к нашей помощи. Хотя, при такой армии как у неё, не сказала бы, что я всецело виню её в этом. — Пытаясь успокоить раздражённую Аракию, Приска жестикулировала подбородком указывая на что-то. Аракия посмотрела в том направлении и заметила целую вереницу из знамён; вокруг них лагерем стояло ещё

несколько частных войск, на манер того, что было у Приски. Объединённая армия шести участников отбора, которых Ламия Годвин призвала на поле битвы.

Было не ясно, предложила Ламия остальным те же условия, что и Приске или же нет, но во всяком случае, она переговорила с четырьмя участниками отбора и составила план, который они в данный момент приводили в действие. А именно...

— Взятие Винсента Абеллюкса в оцепление.

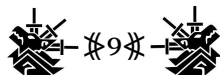
Вдалеке, удобно устроившись в лесу, располагался замок семьи Абеллюкс. Объединённое войско наблюдало за ним сверху, обосновавшись на обрывистом утёсе, а Приска, бывшая теперь в рядах сил угрожающих её брату, который, в свою очередь, был самой большой угрозой для неё самой, улыбнулась.

План был весьма разумным. Винсент был ближе всех к трону; если они без промедления избавились бы от него, то объединение усилий с братьями и сёстрами, которых впоследствии всё равно пришлось бы устранить, обрело бы смысл. Даже Приска была вынуждена одобрить этот замысел.

Исторически так сложилось, что для успешной осады, число войск атакующей стороны должно в три раза превышать количество обороняющихся - так, одной только численностью они превосходили силы под командованием Винсента в пять раз. Не удивительно, что войска Приски находились в приподнятом настроении, даже несмотря на то, что их навыки всё ещё нуждались в полировке. У них не было причин чувствовать себя иначе; они отдавали себе отчёт в том, что обладали подавляющим преимуществом.

Как бы сильно не хотелось Приске это отрицать, но Ламия распланировала идеальное оцепление. Оставалось только...

— ...узнать как сильно мой братец рассчитывает отбиваться теперь, когда он оказался в охотничьих угодьях лисы.

Ламия Годвин была непревзойдённым совершенством.

В этом были убеждены солдаты Корпуса Резчиков на службе у семьи Годвин. Их вселяющий страх, облик, с головы до ног закованный в соответствующие ему доспехи с огромными ножницами в руках, был известен во всей Волакии.

Их боевые заслуги получили широкую огласку, когда Ламии было девять лет от роду. Это случилось в то время, как семья Годвин оказалась втянута в восстание начатое одним из графов, и которое стоило им почти половины их владений. В Волакии, где чтут сильных, а бунт против волка ценится куда выше чем служение свинье, и поэтому, ни один чужак не предложил семье Годвин помощь, когда те пытались подавить это восстание.

Той, кому удалось усмирить мятежников, и снова склонить чашу весов в пользу своей семьи, была никто иная как Ламия Годвин. Она вынудила главу семьи отречься под предлогом того, что его здоровье пошатнулось, а сам он вероятно скоро покинет этот мир, а взамен она взяла бразды правления семьёй, воспользовавшись сим коварным приёмом, дабы одолеть армию графа. Она даже обнаружила и изобличила подстрекателя, толкнувшего графа на путь восстания, тем самым она продемонстрировала недюжинную политическую хватку, о которой в Империи будут говорить ещё долгие годы.

Всего этого она достигла с помощью специально созданного ею Корпуса Резчиков, которому было суждено стать козырной картой в колоде семьи Годвин. Все они носили маски, скрывающие их лица, а при помощи своих огромных ножниц, они нещадно прорезались сквозь ряды любого противника. Молва об их жестоком пренебрежении человеческим достоинством и воинской гордостью, а также о том сколь бесчеловечную кару они обрушивали на своих врагов, вскоре распространилась по всем уголкам Империи, а вместе с ней и имя Ламии Годвин.

Дабы обратить обычных, способных чувствовать, людей в этих хладнокровных солдат, из ран которых не лилась кровь, и чьи глаза разучились плакать, требовалось внушение, граничащее с религиозным - кому-то требовалось заставить их принять определенный тип веры. Так эта девушка и поступила. И именно поэтому Ядовитая Принцесса, Ламия Годвин, была самым совершенством.

Истинным назначением Корпуса Резчиков было приведение в жизнь замыслов принцессы.

— ...

Это являлось чем-то вроде фатализма, оно граничило с отречением от здравого смысла, но в конечном счёте для них это было единственным способом сохранить свои сердце и разум. В основу Корпуса Резчиков не могли лечь идеи, полностью лишённые безумия. Вместо этого они жертвовали своим здравомыслием взамен на веру в то, что каждое их деяние было правым или же являло собой воплощение самой справедливости - и, таким образом, они и выполняли отдаваемые им приказы. Это было их качеством, а также даром, полученным от той, что стояла над ними. И так...

— Убейте Винсента Абеллюкса! За Госпожу Ламию!

— За Госпожу Ламию!

Весь Корпус Резчиков разом взревел и ринулся в наступление на вражеские позиции. Вместе с ними, на замок Аббеллюксов стала быстро надвигаться остальная объединённая армия. Даже тогда, когда звуки их шагов превратились в раскаты грома, под которыми, казалось, содрогалась земля, войска Аббеллюксов не сдвинулись с места.

Защитники замка располагали преимуществом, но против столь огромного численного превосходства шансы их виделись уже не столь оптимистичными. Быть может, они, поддавшись отчаянию и признав своё поражение, и вовсе не собирались сражаться. Если это было правдой, то появление Корпуса Резчиков заставило бы их лишний раз утвердиться в своём выборе.

— Приготовиться! — прокричал кто-то, и на них обрушилась первая волна.

— Ахх! Какую бодрость духа здесь я наблюдаю. Совсем не против я. По правде говоря, мне это по душе!

И в тот же миг солдатам в авангарде показалось будто мимо них пронёсся легкий ветерок. Настолько ошеломительно быстрым было нечто, пролетевшее перед ними, слишком стремительно чтобы заметить это невооружённым взглядом.

Только это не было лёгким ветерком; в этом они заблуждались. Но вот последствия его нельзя было ни с чем спутать.

— Оу...

Целая группа солдат Корпуса Резчиков замерли на месте, схватившись за головы, сражённые тем как неожиданно всё начало плыть перед глазами. Они побросали свои ножницы, пытаясь удержать свои внезапно отяжелевшие головы. Но это было уже бесполезно. Ибо они были начисто отсечены от их шей, на которых тем было положено держаться.

— ..... — Не способные более держать свои головы, они тщетно пытались закричать. Но прежде чем они успели рухнуть на землю, остальные члены отряда, всё ещё шедшие в наступление позади них, столкнулись с ними, топчя их тела, пока, наконец, те не расстались со всем, что было выше шеи.

Лишь в тот момент остальные осознали, что авангард был уничтожен, но было уже слишком поздно.

— На поле битвы быстрым должно быть ваше всё. Ваше чутьё, ваше суждение и ваша рука, сжимающая меч. Думаю, всё это делает меня довольно-таки особенным, но вам не кажется, что вы все какие-то чересчур медленные?

Недоумение распространялось в рядах солдат с той же скоростью, с которой серебряная вспышка несла за собой смерть и разрушение. Солдаты, казалось, гибли едва ли не прежде чем могли осознать это; к тому моменту как они заметили присутствие столь грозного мечника, количество голов на земле уже не поддавалось подсчёту.

— Эх, Его Превосходительство и впрямь невероятен! Он прямо как знал, что если дать мне меч, что я искал, то я стану вдвое эффективнее в бою! — То были слова синеволосого мальчика, который весело смеялся, смахивая кровь со своего меча. Он был симпатичным юношей, одетым в розовое кимоно и сандалии дзори³, с двумя мечами на бедре, но с первого взгляда было очевидно, что смертоносная аура витала вокруг этого жнеца, забравшего великое множество жизней.

Корпус Резчиков разом содрогнулся, и все они направили на молодого человека свои ножницы. — Будьте начеку! Окружите его и убейте! — прокричал кто-то.

— Ооо! Нравится мне как быстро вы взяли себя в руки. Очень хорошо. Я тут подумал, что моя минута славы не была бы такой уж впечатляющей, если бы вместо врагов я всё это время нарезал кучу соломенных чучел. Если человек не знает как с должной помпой умереть, то как, скажите на милость, можно главному герою на их фоне выгодно смотреться?

— Парнишка спятил...! Ты из людей Винсента Аббелюкса...?

— Спятил? А вот это уже обидно. Но, отвечая на твой вопрос, да. Абсолютно. Очень даже спятил. Правее ты и быть не можешь! — Мальчишка повернул голову, разглядывая Корпус Резчиков прежде чем стильным движением поднять свой меч. Это не было удобной боевой стойкой; казалось, что он просто хотел выглядеть круто.

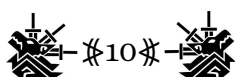
Он нарочно скользнул сандалиями по земле и заявил: — Имя мне Сесилус Сегмунт! Доверенное лицо Его Превосходительства Винсента Аббелюкса, и мне суждено однажды снискать славу как величайшего мечника Волакии! Я есть украшение и главный герой пьесы этого мира, и я истреблю всех вас, дабы расчистить для Его Превосходительства путь к трону Империи!

— ...

Корпус Резчиков ничем не ответил.

— Что же это такое? На этом месте должны были последовать ваши овации и аплодисменты... Ну же, не стесняйтесь. — Мальчишка резко поднял голову, отчего его собранные волосы всколыхнулись. Но долгожданных аплодисментов Сесилус так и не услышал - вместо этого, гнев стал охватывать ряды солдат Корпуса Резчиков, посчитавших это за оскорбление. Они ринулись на него, угрожающе лязгая своими ножницами. Сесилус почесал голову. — Наверное, стоило сперва узнать ваши имена, прежде чем представляться самому?

И затем, всё ещё будучи во власти этого заблуждения, он принялся встречать удары их огромных ножниц своим мечом.

— Элитные войска семьи Годвин вступили в бой с силами Абеллюксов!

Так началось сражение. Боевой клич сотрясал воздух внизу. Начиная с частных войск Ламии, Корпуса Резчиков (существовала ли когда-либо вооружённая банда с ещё более мрачной репутацией?), кольцо вокруг Винсента стало сужаться. Линия фронта неуклонно приближалась к замку Абеллюксов.

Однако...

— Первая линия обороны должна была пасть практически моментально. Раз уж этого всё ещё не произошло, полагаю, это значит, что тот проклятый мечник и вправду настолько хорош. — Приска захлопнула свой складной веер и алыми глазами оглядела передовую линию. На таком удалении солдаты выглядели маленькими словно фасолины, но она всё же могла разглядеть плоды трудов невероятно могучего мечника, сдерживающего натиск войска Ламии. Он был тайным оружием Винсента, которое тот намеренно раскрыл ей ещё до начала Церемонии Императорского Отбора. Она прекрасно знала, что он превосходил даже Аракию, но всё же... — Видеть его за работой - зрелище завораживающее.

В это было трудно поверить, но он, без преувеличения, стоил целой армии, стойко держась против всего вражеского войска.

На осаду этого замка Ламия стянула в пять раз больше сил, которыми располагал Винсент, однако её расчеты исходили из того, что каждый отдельный её солдат был равен одному воину Винсента. Естественно, что один единственный боец, способный единолично сдерживать натиск тысячного войска, сводил такие вычисления на нет.

— Тревожно мне...

— Он так сильно тебя беспокоит, Аракия?

Повинуясь воле Приски, Аракия ждала, наблюдая за ходом сражения, а её губы скривились от негодования. — Да. Да, беспокоит, — ответила она. — Ничего, если...? Ничего, если я пойду туда?

— Как бы сильно мне не хотелось тебя уважить, но дать согласие на это не могу. Остайся здесь со мной. Тебе, быть может, не представится возможность схлестнуться с ним на этом поле, однако...

— Однако...?

— ...в нужный момент твоя сила будет весьма кстати.

Сказанного Приской было достаточно, чтобы выражение на лице Аракии сменилось. Она единожды моргнула, и её недовольный вид преобразился в обличье воина. Приска одобрительно кивнула и затем отдала стоящему возле неё солдату приказ подготовить небольшой отряд. Численность схлестнувшихся в битве войск находилась в пределах допустимого, хотя едва ли находилась.

Приска уже готовилась к совместной вылазке со своим отрядом, как вдруг, она услышала голос. — Приска. Куда ты направилась?

— ...

Внезапный вопрос заставил её вздрогнуть. Никто из стоящих рядом не только не заметил её реакции, но и не ответил на раздавшийся вопрос, ибо никто не мог его слышать. Голос транслировался напрямую в разум Приски. Это был метод односторонней связи, являвшийся по своей сути телепатией. Ей был известен лишь один человек, способный на такое, и который как и она сама, находился на этом поле на правах участника Церемонии Императорского Отбора.

— Следи за своими манерами, Палладио. Кто позволил тебе обращаться ко мне?

— ...Не знал, что для разговора со своей собственной сестрой мне нужно особое разрешение.

Телепатия требовала определённой сноровки, но Приска смогла незамедлительно ответить ему, что, похоже, удивило его, но лишь слегка. Всё было ради того, чтобы воспользоваться способностью телепатии повергать неподготовленного собеседника в шок.

— До чего же жалкая уловка. Ловушки, да дешёвые фокусы, на большее Племя Злого Глаза уже ли не способно?

Немного помедлив, Палладио ответил: — Ламия сказала тебе оставаться в тылу. Я бы посоветовал тебе воздержаться от самодеятельности.

— Марионетка готовая на всё, что ей ты только ни прикажешь. Как мило. Тебя я тоже в платье наряжу, коль пожелаешь. Что до меня, то под лисью дудку танцевать мне вовсе не с руки.

— Предательство... значит? В такой-то момент?

— Ха! Ну вот, меня ты смог развеселить. Я собираюсь брешь во фронте устранить.

Беспокойство Палладио было на лицо даже через телепатическую связь. Данный метод общения подразумевал, что голос исходил от сердца, а это сильно осложняло попытки скрыть свои эмоции, что было его очевидным изъяном. И чем более жалкими были чувства его пользователя, тем очевиднее они становились во время сеанса телепатии. Палладио не был исключением. Вместе с тем, презрение и язвительность в голосе Приски были столь же очевидны и для него.

— Пред свиньями я бисер метать не собираюсь, — сказала она. — Ламии можешь передавать всё, что пожелаешь.

— Грубость засела в тебе так глубоко, что никто бы не поверил, что я твой старший брат. Никогда тебя не любил, Приска.

— Что ж, есть у меня приятнейшее для тебя известие. Чтобы на ремарку жалкую твою ответить, решила я собственноручно голову твою снести. — Она садистски улыбнулась и оборвала телепатическую связь, испытывая раздражение. Зловещая способность проникать напрямую в разум другого человека принадлежала Палладио, но, кажется, ему нечем было возразить. — Трус, — пробурчала себе под нос Приска.

Он принадлежал Племеню Злого Глаза; где-то на его теле располагался Злой Глаз, дарующий необычные способности. Подобный дар был крайне редким, но он был потрачен впустую на кого-то столь неуверенного в себе.

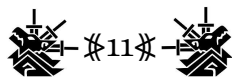
— Принцесса...?

— Ничего. Просто человек, мнящий себя моей нянькой, пытался указать мне на моё место. Думает, что будет на меня доносить. Всё уже готово?

Аракия утвердительно кивнула. Приска улыбнулась, прищуриив свои алые глаза, и расправила свой складной веер. Звук, с которым тот рассекал воздух, был необычайно громким, привлекающим внимание её малого отряда.

Основные силы сражались на передовой, но Приска, стоя с важным видом перед своими солдатами, повела их в совершенно ином направлении.

— Мы собираемся убить Винсента Абеллюкса, — сказала она. — Вам всего лишь стоит следовать за мной.

— Прошу, смотрите под ноги, Ваше Превосходительство. Тут грязно.

Из-за деревьев показался стройный, черноволосый мужчина по имени Чиша Голд, за собой он вёл другого статного молодого человека, призывая того ступать осторожнее.

Эта местность охранялась солдатами, прошедшими тщательный отбор, сильнейшими среди сильных, но Чиша чувствовал, будто он вытянул короткую соломинку. Он был ближе всего к своему господину и ненавидел каждое мгновение происходящего вокруг.

Данный пост достался Чише отнюдь не по праву рождения; его положение в обществе не дало бы ему права служить представителям знатного рода, подобного семье Абеллюксов. Он был обыкновенным подданным Империи. По чистой случайности он оказал помощь драконьему экипажу, чьим владельцем оказался принц. И этот принц, Винсент, в свою очередь лично призвал Чишу к себе на службу. Императорская Семья Волакии славилась своей эксцентричностью и когда Винсент стал свидетелем того, какую расчётливость проявил Чиша, возвращая в строй карету, колесо которой отвалилось, угодив в сточную канаву, то он тотчас же забрал его с улицы.

С этого момента Чиша стал служить Винсенту лично, хотя он чётко отдавал себе отчёт в том, насколько он не соответствовал занимаемой должности. И то, что ему было не место на поле битвы подобном этому, в войне за престол, называемой Церемонией Императорского Отбора. Сколько ночей он провёл, задаваясь вопросом почему он здесь?

И всё же никому другому нельзя было доверить столь важную роль, отчего он оставался единственной кандидатурой. Он очень не любил давать развёрнутые указания, но так или иначе, насущным оставался вопрос о том, кому мог доверять его господин. В этом отношении, в число возможных вариантов формально входил Сесилус, но Чиша считал, что от этого безмозглого пса нельзя ожидать чёткого следования заданной стратегии. И поэтому, после долгих раздумий, Чиша пришёл к выводу, что если работу нужно было выполнить на совесть, то ему придётся заняться ею лично.

— Кажется, тебя всё это не радует, Чиша. Ты ещё бледнее обычного.

— Полагаю, так и есть, Ваше Величество... Я лишь недоволен своим нынешним положением.

— Недоволен? Чем же?

— Во-первых, я не питаю любви к планам, сопряжённым с риском для моей жизни. А во-вторых, я не только предложил этот план, но ещё и согласился в нём участвовать, что из моих уст звучит весьма странно. — Он провёл рукой по своим аккуратно уложенным волосам и драматично вздохнул, как бы подчёркивая сколько хлопот всё это ему доставляло.

Голос его был тихим словно лёгкое покашливание, но как ни странно, никто никогда не жаловался на то, что его речь было сложно расслышать или разобрать. В этот раз он говорил всё так же тихо, но его господин, слушая его, лишь посмеялся.

С какой радостью он бы его прервал, напоминая, что для смеха время было неподходящим? Разумеется, для подобного Чиша был слишком рационален, а его господин слишком важен, чтобы его упрекать.

Они слышали как вдалеке слившиеся воедино звуки битвы перемежались с криками. Вспышка из жизней, спасённых и отнятых, в противовес ценностям друг друга. А в эпицентре всего этого был человек, стоявший рядом с Чишей - Винсент Абеллюкс.

На момент старта церемонии Винсент был фаворитом в гонке за трон. Само собой разумеется, что на него нацелятся остальные претенденты, но данное оцепление было куда свирепее чем ожидалось. Атакующая сторона, с которой они схлестнулись, находилась на вершине шкалы угрозы, которую они могли предвидеть. И тем не менее...

— Это всё ещё в пределах ожидаемого. А это означает, что происходящее всё ещё находится под моим конт...

— Понимаю, понимаю. Ты обзавёлся весьма недурственными пешками, братец. Моё тебе почтение.

— ... — негромкое бормотание Чиши было прервано пылким голосом, который, казалось, обжигал его барабанные перепонки. На короткое мгновение он почувствовал будто сами его мысли были в огне. Этот голос, сильный и непреодолимый, принадлежал девочке переполненной уверенностью в том, что её пламя способно поглотить абсолютно всё.

Лицо Чиши напряглось, а сам он почувствовал сильное желание сглотнуть. Он увидел как из тени вышла целая группа: принцесса, облачённая

в алые одежды, в окружении солдат из Красных Пластин, а подле неё девочка с серебряными волосами.

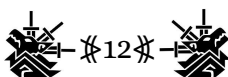
— Приска Бенедикт. — Стоя напротив невозмутимой девушки, Чиша вдруг понял, что в горле у него как-то странно пересохло. Он забыл о почтительном обращении к собеседнику, пока шептал её имя, но сама Приска решила не делать замечаний по этому поводу. Воистину, это... он... не стоил её внимания.

Её взгляд пал на Винсента, минуя ошеломлённого Чишу, стоящего возле него.

— Рад, что ты пришла, Приска. Надеюсь, что ты в добром здравии.

— Разумеется в добром, братец. Только представь сколь было бы оно добрее, коль голова твоя рассталась бы тотчас с шеей.

Они глядели друг на друга, а перед ними разверзлась непреодолимая бездна крови, в которой утопало их воссоединение. Но оба они улыбались.

За три месяца с начала Церемонии Императорского Отбора гражданская война в Империи успела достичь своего апогея.

Целый ряд потенциальных правителей Волакии взял в кольцо Винсента Абеллюкса, наиболее вероятного из кандидатов на престол, и уже затягивал петлю на его шее. Каждый из них привёл за собой внушительную и закалённую в боях личную армию, и в данный момент они орошали земли Верховного Графа Абеллюкса кровью, распространяя по полю битвы смрад смерти и разрушения. Наполненные гневом и ненавистью крики, доносившиеся с обеих сторон, рисовали чёткую картину того, какой жестокой и беспощадной была эта кровавая война. Любой здравомыслящий человек отвлёл бы взгляд, был бы травмирован подобной трагедией. Исключением, пожалуй, был весьма конкретный круг людей.

Члены Императорской Семьи Волакии стремящиеся стать следующим Императором; их верные вассалы, служившие им щитом и копьём, а также “выбывшие”, они же те, кто унял свой губительный эгоцентризм и теперь работал исключительно над достижением собственных целей.

Этих людей можно было считать, в определённом смысле, избранными; они, и только они, были способны безучастно наблюдать за трагедией, которая разворачивалась вокруг них, за тем как вспыхивали и так же внезапно гасли огоньки чьих-то жизней на поле боя. Подобного можно было достичь лишь

располагая уникальным набором качеств, которым обладали только такие люди как они.

В каком-то смысле, они были Сверхлюдьми⁴, теми, кто был прирождённым правителем, или же мог однажды им стать.

Глубоко в лесу мужчина и женщина столкнулись друг с другом, за спиной каждого из них был небольшой отряд из их сторонников. Кровные братья и сёстры не были исключением из этого правила, на самом деле, именно поэтому эти двое являлись идеальным его примером. В тот момент для них обоих значение имели лишь они одни. Само их существование могло повлиять на судьбы великого множества людей и кардинальным образом изменить будущее Империи. Они оба это знали и действовали соответственно.

Оба понимали, что путь, по которому они шли, вёл в будущее их народа...

— Хэ!

Лицом к лицу вновь встретились брат и сестра, их воссоединение было неистовым как раскат грома. Стоя среди зелени, они лаконично обменялись любезностями, а затем, как по щелчку пальцев, оба протянули руку вверх. В мгновение ока в их руках алым светом засиял прекрасный меч.

Говорят, в этом мире существуют Десять Мечей Силы, наделённых невиданным могуществом. И Меч Света был одним из них, и если его касалась рука недостойного, то тот в то же мгновение сжигал её обладателя дотла. Этот меч из поколения в поколение передавался в Императорской Семье Волакия, и, на время Церемонии Императорского Отбора, Мечей Света было столько же сколько и кандидатов на престол. Никто не ведал, что именно было тому причиной.

Но делало ли присутствие множества Мечей Света их сияние менее ярким? Категорически, нет.

— ...

Подобно солнечным лучам, клинки-близнецы разрубали лесную мглу. Приска и Винсент спокойно приблизились друг к другу, предложив партнёру обмен ударами меча, изящными как танец, поливая лес дождём из красно-белых вспышек.

Враждующие языки пламени переплелись, усиливая жар друг друга; это было великолепное зрелище. Одно пламя пожирало другое, грозясь поглотить любого кто посмел бы его коснуться или же просто приблизиться к нему. По всем законам, нескольких таких мечей не должно было существовать

одновременно; увидеть как их стравили между собой, было словно видение за пределами самых смелых фантазий.

Свита, сопровождавшая брата и сестру, отреагировала с запозданием; они почувствовали как их кожу опалил жар, и только тогда они осознали происходящее. Лишь тогда до них дошло, что их господа уже вступили в схватку не на жизнь, а на смерть.

— До чего серьёзный просчёт! Выходит на то, чтобы глазеть и удивляться времени у меня не было! — Жаркий ветер, коснувшийся его кожи, привёл Чишу в чувства и заставил жалеть о совершённой им ошибке. Он порылся в складках своей одежды и достал оттуда складной веер, сделанный из железа, что превращало его в полноценное оружие войны. Он приготовился оказать содействие своему господину.

Однако прежде чем ему удалось присоединиться к бою, его отбросило в сторону от той точки, что он был намерен использовать в качестве опоры для прыжка в гущу сражения. Удар был свирепым как укус дикого зверя. Чиша сердито посмотрел на того, кто нанёс его, а потом он улыбнулся своими миндалевидными глазами.

— Принцесса сейчас занята. Я не позволю тебе вмешиваться. — Аракия стояла спиной к жаркому противостоянию между Винсентом и Приской. Она была молодой представительницей собачьего народа, кожа её была смуглая, и немалая её часть была на виду. В руках у неё была абсолютно ничем не примечательная веточка; казалось, что она стояла в полностью расслабленной позе, она выглядела весьма уязвимой. Но, между тем, Чиша поймал себя на том, что щёки его напряглись, а сам он нервно сглотнул.

Он осознал, что она была диким зверем, таким же как Сесилус.

— Я не из тех, кто утруждает себя физической работой, — сказал он. — Ты, должно быть, тайное оружие Леди Приски.

— ...? Я Аракия. Я сражаюсь во благо принцессы.

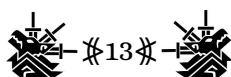
Её ответ был предельно краток, но одного этого было достаточно в качестве доказательства её нерушимой верности. Чиша тяжело вздохнул. В таком случае, их разговор в любом случае зашёл бы в тупик. Он встал в боевую стойку со своим железным веером в руках, в то время как, стоявшие позади него, солдаты Винсента так же достали оружие.

— Лично я и эти солдаты хоть и сражаемся во имя другого, но столь же самоотверженно. Боюсь, что я не стану принимать участия в чём-то столь неэффективном как дуэль. Ты должна меня за это простить.

— Эм...?

— Буду краток, я намереваюсь взять тебя числом. — Заявил Чиша, а солдаты сочли это за сигнал к атаке, к которой они с упоением приступили, подняв вопли и крики.

Глаза Аракии округлились. Она оглянулась назад на сражавшихся позади неё, Приска с упоением орудовала Мечом Света, а Винсент принимая каждый её удар, отвечал тем же. Аракия сделала шаг вперёд, намеренная предотвратить любое вмешательство. — Сложные вещи, мне не ясны. Но всё это ради принцессы. За неё я готова умереть.

Каждый солдат, прижавший её, был окутан пылом битвы...

Лишь меч и копьё служили их инструментами выражения страсти к бою; они вонзят их в кожу Аракии, разорвут её плоть, разобьют её кости, и лишат её жизни. Бой был просто ритуалом для достижения подобного итога. Жизнь противостояла жизни до самого конца.

Что ж, Аракия тоже могла провести этот ритуал.

— Ааам... — довольно лениво она проглотила духа. Это было очень вовремя: низшие огненные духи, растревоженные битвой между Приской и Винсентом, начали собираться вокруг. Аракия просто впитала одного своим телом и преобразовала его силу в свою. Это было естественным для Пожирателя Духов.

— Рррваф! — Аракия пригнулась, а всё её тело слабо светилось синим огнём. Оно было слишком красивым, чтобы описать его такими обычными словами как адское пламя, но независимо от этого, невозможно было избежать лицезрения её фигуры, охваченной огнём. Как только войска были мгновенно шокированы при виде этих священных одеяний, Аракия влила свою силу в ноги и прыгнула на них. Её тело парило подобно ветру, пролетая первую линию солдат. Она легко уклонилась от их атак, и мужчины, попытавшись снова окружить Аракию, заметили кое-что: их тела оказались захвачены синим пламенем.

— Нггххаааа!

Солдаты завывали в агонии, поглощённые с головы до пят палящим теплом. В отличие от Аракии, которая носила огни будто они были плащом, подходящим богам, пламя, что охватило солдат не казалось для них красивым или приятным. Мужчины бросались на землю, пытались обмазаться грязью,

но огонь не затухал. Пламя вгрызалось в само их существо, отбирая их жизни и выжигало абсолютно всё, пока от них не остался лишь пепел.

— Держать строй! — крикнул кто-то. Это были личные солдаты Винсента, и решив, что их убитым товарищам уже ничем не помочь, они решили немедленно атаковать Аракию.

Но как печально - даже рассчитанное число насилия не могло противостоять ещё большему насилию. Числа часто решали исход битвы. При равных условиях два человека были сильнее одного, и сотня сильнее дюжины. Это естественно. И всё же, показателем опытности стратега была его способность преодолевать такие отличия в количестве сил.

— Что ж, это уже откровенно надоедает... — Чиша, командуя солдатами, положил свою свободную руку на вторую, держащую веер железной войны. Он действительно знал, что его миссия - стратегия; его роль - хоронить врага. Это был именно тот талант, который искал Винсент, подняв его из низов; именно поэтому в этой ситуации он был с Винсентом.

Составить план, проконтролировать обстоятельства, уничтожить оппозицию и быть ответственным за стратегию - его обязанности. Он выполнял это на многих полях битвы, а поэтому знал. В этом мире существовали высшие существа, которые рушили любые стратегические расчёты, потому что они превосходили само число.

Мальчик, которого Винсент прибрал к своим рукам пару месяцев назад, был одним из них. И эта Аракия, прорывающаяся через бойцов Чиши словно дикий зверь, была такой же.

— Гах!

— Гхаа?

— Гьяааааххх!

Череда криков раздалась от крупных, сильных мужчин, когда они были подброшены в воздух. Некоторые были целиком уничтожены; другие очнулись с искалеченными лицами и сломанными конечностями, а кому-то было суждено оказаться разорванным на земле, никогда больше не встав.

Аракия двигалась на четвереньках как животное; её единственным оружием была обыкновенная палочка, однако её было достаточно, чтобы расколоть мечи солдат, отобрать их гордость и жизни.

Чтобы отобрать у них всё. — Достаточно... — Чиша, приняв тяжёлое решение ради того, чтобы остановить эти бессмысленные потери, шагнул вперёд. Потратить столько рядовых солдат на того, кто был выше любых цифр

- пустая трата жизней. Будучи тем, кому доверили эти жизни, Чиша не мог позволить этому продолжаться.

— Солдаты, отступите, прошу. — сказал Чиша. — Я разберусь с... этим.

Как только он приказал отряду отойти, Аракия остановилась. Она продолжила стоять на земле словно собака, но взглянула на высокого молодого мужчину, наклонив голову и внимательно наблюдая за ним.

Молодой мужчина вздохнул на этот почти что звериный жест. — Я стратег Винсента Абеллюкса, Чиша Голд.

— Я собака Принцессы Приски, Аракия.

Знакомство завершено, и двое ближайших соратников участников Церемонии Императорского Отбора бросились друг на друга. Но это было всего лишь одно столкновение, поединок решился в мгновение ока.

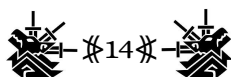
Аракия приблизилась с земли к Чише со своим железным веером войны. Распознав атаку снизу, Чиша взмахнул веером, вбивая его в голову девушки. Её серебристые волосы, с единственным красным локоном окрасились тёмной кровью - по крайней мере, именно этого ожидал Чиша. Однако за мгновение до того, как его удар достиг цели, Аракия широко открыла свой рот, и проглотила щепотку света. Внезапно она исчезла; он не мог её видеть.

Пока Чиша стоял с широко раскрытыми глазами, Аракия, всё ещё сидящая на земле отбросила его ногой. Его стройная фигура взмыла в воздух от этого удара, и казалось, он пронзил его тело насквозь. Затем, палочка Аракии прошла его тело со спины до живота, прибив прямо к земле.

— Гахх...хха... — прохрипел он. Выкашляв впечатляющее количество крови, пока палочка держала его на месте, Чиша не мог даже упасть на землю.

Аракия быстро отступила от него, смотря в его сторону лишь чтобы сказать “Вот и всё”. Она повернулась, чтобы доложить своей госпоже о победе над врагом — Прин....

Но секундой позже, красный свет сверху поглотил Аракию вместе со всем лесом.

Ламия Годвин никогда не забудет ту самую садовую вечеринку⁵.

Это мероприятие устраивали каждый год в честь дня рождения её отца, Императора, Драйзена Волакия. Оно длилось семь дней, и все братья и сёстры

императорской крови обязаны были на нём присутствовать, вынужденные собраться вместе, хотели они того или нет. Разумеется, с Церемонией Императорского Отбора на носу, они обычно старались составлять своё расписание так, чтобы видеться с остальными как можно реже. Но всё же, имея более шестидесяти братьев и сестёр, вечно избегать их всех было абсолютно невозможно.

— ...

В том году, Ламия, тогда ещё только девяти лет от роду, разыскивала своего брата Винсента, который, как ей было известно, должен был прибыть в тот же день, что и она, дабы поприветствовать их отца.

Многие императорские дети выросли не по годам. В подобном окружении, цыплёнок сразу отправлялся в суп, если не успевал вовремя опериться; ты либо рос быстро, либо умирал. Как следствие этого, не было в Ламии и толики той добродушности, что обычно свойственна девятилетним девочкам; она уже являлась умной и проницательной молодой женщиной. К тому времени, она уже училась оценивать окружающих, отдавая предпочтение способным людям. Именно поэтому она искала встречи с Винсентом; разговоры со своим интеллигентным и статным братом заставляли её сердечко биться чаще.

Она успела исходить весь необъятный Кристальный Дворец в поисках Винсента, тем временем, втираясь в доверие к своему брату Бартрою, который всегда был слишком беспечен в общении со своими младшими братьями и сёстрами. И только ей удалось найти искомого ей брата, как вдруг...

— Приска Бенедикт. Вот моё имя.

— ...

...напротив Винсента она обнаружила маленькую девочку в ярком платье багрового цвета.

Три коротких месяца спустя Ламия Годвин приняла жёсткие меры, дабы сместить беспомощного главу семьи и покарать взбунтовавшегося графа.

— Подтверждён орудийный залп магическим камнем. Когда дым рассеется, я доложу вам о его результатах, — отрапортовал Беллстетз.

— Для меня не имеет значения, используй ты хоть весь наш запас магических камней; просто убедись в том, чтобы я получила желаемое. Ты обязан держать меня в курсе того, как и когда будет развиваться ситуация, — сказала Ламия.

— Миледи, — ответил Беллстетз, отвесив уважительный поклон. Ламия подпёрла подбородок руками и посмотрела на лес, который превратился в пылающее поле света. Она улыбнулась. Ей удалось собрать вместе так много братьев и сестёр для оцепления Винсента. То, что она привлекла к этому делу даже своего заклятого врага, Приску, отнюдь не было символом того, как сильно же она хотела убедиться, что у неё хватит сил одолеть своего брата.

На деле же это значило, что присутствие Приски само по себе являлось ядом, способным прикончить Винсента.

— Разве я тебе не говорила, Приска? Я о тебе очень высокого мнения. Опаснее тебя только наш дорогой брат... Среди нас лишь ты обладаешь схожим с ним образом мышления. Поэтому я знала, что тебе будет под силу его обнаружить. Я была в этом уверена.

Винсенту было бы известно, что с самого начала церемонии он станет главной мишенью для остальных её участников. Скорее всего, он даже предвидел то, как коалиция из его братьев и сестёр возьмёт его в оцепление, и так как битва будет проходить на землях Абеллюксов, он, несомненно, подготовил множество путей отступления. Как бы сильно она не хотела этого признавать, Ламия затруднялась предсказать каким именно образом Винсент выскользнет из её сетей. Но она установила простое правило: если она не могла чего-то достичь, то она попросту должна положиться на того, кто сможет.

Так она и поступила.

— *Винсент и Приска находились в одной и той же точке. Уверен, что они оба попали в эпицентр взрыва.* — Телепатический доклад от сообщника Ламии, Палладио, заверил её в успешности плана. Он держал в секрете от остальных братьев и сестёр то, что в его жилах текла кровь Племени Злого Глаза и что его способности позволяли ему с невероятной точностью отслеживать положение конкретной цели. Для этого ему требовался какой-нибудь фрагмент тела объекта, а Ламии не удалось добыть ничего подобного в случае с Винсентом, что...

— Ты, без сомнения, не думал, что я проделаю весь этот путь до твоего дома, чтобы просто загнать тебя в угол, — сказала Ламия. Она вынашивала план использовать способности Палладио с момента начала церемонии. Винсент, бывший её истинной целью, был крайне осторожным человеком. Но ей и не нужно было выслеживать его напрямую, ей лишь было необходимо проследить того, кто, как она знала, окажется рядом с ним.

Приска как никто иной подходила на эту роль. Именно поэтому Ламия лично поехала к ней с предложением об альянсе и убедилась в том, чтобы Приска приняла участие в оцеплении.

По этой причине Ламия целых семь лет противилась своему желанию убить Приску.

— С моего сердца наконец-то пал тяжкий груз, Приска, — сказала Ламия, положив руку на свою роскошную грудь, рисуя в памяти омерзительное лицо своей единокровной сестры. Как только она бы убедилась в том, что Винсент и Приска оба мертвы, всё что тогда оставалось, так это, используя Корпус Резчиков, истребить остатки войск Винсента, а затем поставить мат остальным её братьям и сёстрам. Фаворит и тёмная лошадка были бы устранены, а остальные братья и сёстры Ламии Годвин даже в подмётки ей не годились.

— *Ламия, когда всё это закончится...*

— Да-да, я знаю. Я дам тебе ноготь, клочок своих волос или что ты там хочешь. Ты сможешь прийти за мной в любое время дня и ночи.

Её альянс с Палладио продлится лишь до момента гибели Винсента. Уговор был таким, что после этого Ламия передаст ему какую-нибудь часть своего тела, но даже Злой Глаз, за которым было уникальное преимущество в информационной войне, бывшей ключом любой победы, становился бесполезным в руках слабоумного идиота. К несчастью для него, Палладио попросту не было суждено одолеть Ламию. Он мог бы попытаться объединить других братьев и сестёр против Ламии, так же как она это сделала против Винсента, но это никуда бы его не привело. Ей уже были известны все уязвимости, слабости и тёмные секреты большинства куда более могущественных кандидатов; они бы не стали присоединяться к Палладио.

Винсент и Приска были единственными кто мог надеяться победить Ламию. А Палладио собственноручно помогал с тем, чтобы исключить такую возможность. Самым нелепым здесь было то, что даже он сам этого не заметил. Он не сильно-то отличался от, умершего собачьей смертью, Барತ್ರоя, которого обвела вокруг пальца его же собственная младшая сестра.

— Собственно говоря, тот факт, что он действительно верит, будто может меня одолеть, делает его ещё глупее нашего дорогого Барತ್ರоя.

— Ваше Превосходительство, дым рассеивается.

Использование орудий заряженных магическими камнями было запрещено из-за их колоссальной разрушительной силы, и по мере того как мгла стала отступать от леса, всем стало ясно почему. Разруха, учинённая десятью орудиями разом, говорила сама за себя.

Мощь такого орудия определялась тем, какого размера и насколько чистым был магический камень, заряжаемый в него, но независимо от этого,

разрушения, причинённые на одном из участков поля битвы, служили свидетельством искреннего желания Ламии сразить свои мишени наповал.

Она заполучила магические кристаллы, которые являлись камнями высочайшей чистоты. Огневую мощь, которую они могли произвести, в пределах Империи превосходили только камни, использованные при строительстве Кристального Дворца в столичном городе Рапгане. Камни были настолько мощными, что орудия не выдерживали получаемой на выходе силы, и их разрывало на части в процессе стрельбы. Даже члену Императорской Семьи Волакя было не под силу избежать подобной атаки, оставшись невредимым. Даже если бы их было двое.

Это было гениальным ходом Ламии, который обеспечил бы ей победу. И теперь...

Было слышно как один из разведчиков, смотрящих в подзорную трубу, пробормотал: — Этого быть не может! — Должно быть, при помощи телескопа ему удалось разглядеть последствия атаки, недоступные невооружённому глазу.

Даже она не могла разобрать, что именно там происходило, однако Ламия всё же понимала, что что-то пошло не так. Лес, который должно было разнести в щепки шквальным огнём, уцелел в одном месте, даже деревья там всё ещё стояли прямо. Что могло стать причиной столь невообразимого положения дел?

— В точке столкновения кто-то есть! — прокричал трясущийся разведчик. — Сребровласая девочка собака... Она правая рука Приски Бенедикт!

Глаза Ламии широко открылись. Правая рука Приски: Ламия вспомнила молчаливую, невыразительную шавку...

— Отдаю тебе должное, Приска... — проворчала она. Затем она поднялась и стремительно подошла к разведчику, выхватывая из его рук подзорную трубу. Через неё она могла видеть эпицентр взрыва, где навзничь лежала маленькая подруга Приски, выдыхавшая дым. Так или иначе, этой шавке удалось свести на нет канонаду, устроенную Ламией.

Девочка из собачьего народа была абсолютно неподвижна; Ламия не могла разобрать, была ли та всё ещё жива или нет. Но её это ни капли не беспокоило. А вот что имело значение, так это масштаб разрушения на том клочке леса, а скорее отсутствие такового. Приска и Винсент никак не могли быть мертвы.

Что означало провал первой фазы её плана. Но у Ламии в колчане была припасена другая стрела, а за ней ещё одна. — Я и подумать не могла, что мне и вправду придётся воспользоваться страховкой, доставшейся от Барತ್ರоя...

Она припоминала совет, который ей дал её брат, тот что добровольно отрёкся от своего права на трон. Остальные девять братьев и сестёр, кто так же отозвали свою кандидатуру, были лишь картами в её руке, и она была намерена их разыграть, дабы прикончить раненых Винсента и Приску одним махом.

Ламия опустила подзорную трубу и стала раздавать следующие указания: — Приступить к засаде. Им может и не достаёт мотивации, но они, по крайней мере, их задержат...

— Ваше Превосходительство! — вмешался чей-то суровый голос.

Не успел этот голос прозвучать, как перед взором Ламии возникла тень. Она рефлекторно подняла руку, а Меч Света опалил воздух, через который он прошёл, сжигая стрелу летевшую в неё.

Она может и отразила первую атаку, но стрелы лились подобно дождю; отреагировав с опозданием, солдаты окружили её, дабы своими телами укрыть её от стрел.

— Но как им удалось вычислить мой лагерь? — вопрошала она. — Погодите... быть не может! — Предчувствуя ответ на собственный вопрос, Ламия выглянула из-за спин своих солдат, чтобы посмотреть на атакующих. Глядя прямо на надвигающуюся на неё лавину врагов, она поняла, что её догадка была верна; это были выбывшие братья и сёстры, те, которых она увела у Барತ್ರоя, те, кого она пыталась использовать, чтобы сомкнуть вокруг Винсента кольцо оцепления. Трусы, которым никогда бы не хватило смелости восстать против неё.

Что? Неужели узрев битву, они все разом вновь воспылали желанием взойти на трон? Нет, на подобную решимость они были попросту не способны. Тому могло быть лишь одно объяснение.

— Винсент Абеллюкс...

Бороться против одного оцепления, используя другое. Зубы Ламии заскрежетали, когда та осознала, что её оппонент был достаточно изворотлив, чтобы исполнить такой манёвр. В её сознании всплыло симпатичное лицо Винсента, человека, поставившего её в подобное положение, и она подумала о том, как же сильно она его ненавидела.

Это было классическое двойное предательство. Ламия, Ядовитая Принцесса, позволила яду проникнуть прямиком в круг её приближённых. Когда всё это началось? Ламия была настолько проницательной, что только она об этом подумала, как её тут же осенило.

— Только не говорите мне, что... он всю дорогу работал сообща с моим дорогим братом Бартроем?

Бартрой, умерший собачьей смертью, тот, кому должна была достаться роль главного неудачника. Братья и сёстры, которых он собрал во имя его высшей цели, стали остриём контрнаступления Винсента. Ламия содрогнулась от одной только возможности того, что её мог переиграть Бартрой, осознавая, что Винсент стоял на своём куда крепче неё. Вероятно, позволить ей атаковать при помощи магических орудий также входило в его планы. Таким изящным движением они были выведены из уравнения, открывая возможность поймать её в ловушку, воспользовавшись образовавшейся уязвимостью.

Но этот план включал в себя то, чего попросту не могло случиться. Чтобы защититься от канонады Ламии, Винсенту была необходима девочка-собака, принадлежавшая Приске. Если он хотел преуспеть, то в этом деле доверие и помощь Приски были незаменимы. Всё это вело к одному единственному выводу... — Ты всё это время работала с ним сообща, не так ли, Приска?

Тайный союз между Приской и Винсентом был неременным условием необходимым для успешного взятия Ламии в оцепление. Когда это условие оказалось выполненным, наступление на, оказавшуюся теперь по ту сторону засады, Ламию, усилилось.

— Ваше Превосходительство! Предоставьте это нам. Вы должны добраться до Корпуса Резчиков и отступить. — Командир на её службе, Беллстетц, видя как противник одерживает верх, порекомендовал Ламии спастись бегством. На мгновение она от злости едва ли не пренебрегла его предложением, но Беллстетц был прав. Хладнокровный расчёт очень скоро возобладал на ней; останься она здесь и её ждала бы только смерть.

— Беллстетц, на тебе линия фронта. Удерживайте их здесь даже ценой собственных жизней. — приказала она.

— Да, Ваше Превосходительство. Берегите себя.

Наскоро попрощавшись, Ламия покинула свой лагерь, который стал полем битвы. С собой она взяла лишь элитный отряд её личной охраны. Тем временем, Беллстетц уже вёл решительное наступление на предавших их братьев и сестёр, но ему больше не было места среди её размышлений. Она уже

думала как будет выбираться из этой ситуации и что будет делать, когда ей это удастся.

Казалось, что все её планы заканчивались похожим образом.

— Если вы манипулируете ими, давя на их чувства, то тот, кто давит на них сильнее, может прийти и отнять их у вас. Есть кое-что куда проще и доступнее чем зависть или жадность. И это страх.

— ... — Ламия практически слышала звук, с которым планы рушились в чертогах её разума, а виновником этого, уничтожившим все плоды её стараний, был никто иной как человек преспокойно стоящий перед ней. Истинный истребитель людей на службе у Винсента.

— Приветики. Дико извиняюсь за то, что целую вечность сюда добирался. Я пытался управиться поскорее, правда пытался, но быть первым мечом на сцене - это тяжкий труд. Хотя, кажется, я уже уловил местный настрой. Может, хоть концовку я отыграю без лишней фальши, — улыбнулся он, молодой человек, будто искупавшийся в крови, и с мечом в руке.

Сколько же людей он порешил? Он был практически весь красный от запёкшейся крови, его необычное кимоно было так сильно заляпано, что от его оригинального цвета осталась лишь память. Однако же ненормальным его делало отнюдь не то, что с головы до ног он был покрыт кровью, а тот факт, что ему не было до этого совершенно никакого дела; то, как он говорил и двигался с абсолютным безразличием, и его преобладающее, почти что демоническое присутствие, исходящее от него - всё это не оставляло никаких сомнений в том, что его единственным ремеслом была смерть. То была самая странная и чудовищная из его черт.

— Ваше Превосходительство... — Солдаты, одетые в форменную броню Корпуса Резчиков, вышли вперёд, становясь между Ламией и этим молодым человеком, избрав судьбу живого щита на его пути к ней. Каждый из них понимал, что для них этот выбор означал смерть.

— Хмм, да! Вы засияли от выдающейся решимости защитить свою госпожу. Великолепный настрой! Воистину грандиозный. Совсем не против я такой трагедии. По правде говоря, мне это по душе!

— Мы не позволим такому монстру как ты приблизиться к Её Превосходительству!

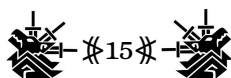
Молодой человек бил по ним словно разряд молнии; солдаты принимали его удары своими огромными ножницами. В момент столкновения был слышен не ужасный звук лезвий разрезающих плоть, но эхо от того с какой силой одно оружие врезалось в другое.

Ламия знала, что её солдаты гибли; и всё же, она переступила через тела членов Корпуса Резчиков, убегая туда, где этот мальчик и его меч не могли её достать, сбегая в то место, где он не смог бы её преследовать, она бежала, бежала и бежала.

И вот когда Ламия Годвин наконец достигла этого самого места...

— Не волнуйся, Ламия. Ему тебя здесь не достать... Ведь хоронить тебя собственноручно буду я.

...Её ждала Приска Бенедикт, сжимавшая в своей руке Меч Света.

— Приска Бенедикт. Вот моё имя.

Именно это горделиво объявила она в момент их первой встречи на садовой вечеринке. Приске тогда было пять лет от роду; эта садовая вечеринка была для неё первой. Винсент, на чьих поисках Ламия была так сильно сосредоточена, представил их друг другу, но Ламия была до того обескуражена, что едва ли она слышала о чём говорил её брат после этого.

Интуиция подсказывала Ламии Годвин, что этой девочке суждено стать её злейшим врагом на всю оставшуюся жизнь.

— О? Я Ламия Годвин, милейшая старшая сестрёнка. — Она усилием воли натянула на лицо улыбку, но у Приски было точно такое же предчувствие. Она с ходу уловила истинные чувства Ламии. С их самой первой встречи сёстры сочли друг друга соперницами.

— ...

Лишь пристальный, как у ястреба, взгляд Винсента мешал Ламии придушить Приску прямо на месте. Он был интеллигентным молодым человеком; напряжение возникшее между двумя сёстрами не обошло его внимания.

Ламия довольно-таки регулярно посылала убийц за головой Приски, но она всегда понимала, что её сестре это будет лишь досаждать. Она так же признавала то, что покуда Приска была жива, привлечь Винсента на свою сторону будет решительно невозможно. А это значило, что оба они были не более чем препятствиями на пути Ламии.

Пространство для манёвра, которым как ей казалось, она располагает, было утрачено. В таком случае самое время было закатать рукава.

— Скажи мне, Бартрой, мой дражайший брат... Почему не можем мы, братья и сёстры, отпраздновать день рождения нашего отца всем вместе в спокойной обстановке?

— О, Ламия... Сей вопрос печалит и меня. Но нам это попросту не суждено.

— Не суждено нам всем поладить? Это... Это так печально...

— ... — Бартрой ничего не ответил.

Ламия, которая всё для себя решила, уже сделала первый ход в своей игре.

Она сажала семена, поливала их, когда те прорастали, и взращивала ростки возможностей. Когда цветки начинали распускаться в изобилии, она проверяла какие из них были ядовиты.

— Да... Ты права. Всё так как ты и сказала, Ламия. Ах, если бы братья и сёстры могли двигаться по жизни не вредя друг другу...

Она до последней ноты отыгрывала роль невинной маленькой сестрички, а Бартрой и рад был с потрохами на всё это купиться. Со стороны казалось, что он был тронут до глубины души. Таким образом, Ламия готовила почву под ногами, прокладывая путь, по которому она в дальнейшем собиралась идти.

Но в итоге...

— Подумать только, я потратила семь долгих лет в попытках аккуратно тебя посадить, стараясь вырастить из тебя ядовитый цветок, дабы погубить нашего брата Винсента. — Голос Ламии был полностью лишён эмоций в тот момент, когда она резко остановилась, прервав свой побег.

Подле Приски, стоявшей напротив неё, не было ни единого солдата. То же касалось и Ламии, которая поручила своей дублёрше спасаться бегством в компании её личных стражей, делая это как можно более демонстративно.

Здесь, Ламия и Приска были наедине.

Ламия ни в коем случае не была настолько глупа, чтобы поверить будто Приска могла её недооценить.

— Воистину, из младших сестёр ты ненавистней всех... — Ламия одной рукой поправила причёску, смотря на Приску, которая стояла, скрестив руки. Взгляд алых глаз Приски не был холоден; ведь они пылали ярко, как в тот самый день на садовой вечеринке. Приска глядела на Ламию, а та на неё, как

отражение в зеркале, идеально повторяя тот день, когда они увидели смертельного врага друг в друге.

— Как твоему щеночку удалось укрыть тебя от моей канонады? Если бы не она, я бы одним махом стёрла вас с Винсентом с лица земли.

— Мне известно насколько хорош твой слух. Уверена, ты осведомлена насчёт того, что таких как Аракия называют Пожирателями Духов. Её сила зависит от поедаемых ею духов, думаю, достаточно доходчивое объяснение. Такой ответ будет для тебя понятнее некуда.

— Ты предлагаешь поверить, что она съела духа достаточно сильного, чтобы отразить такой удар? Сомневаюсь я, что такое вообще... — Она собиралась добавить “существует”, но затем остановилась. Она посмотрела на землю и кивнула как будто всё это вдруг обрело для неё смысл. — Я предполагала, что Винсент, зная, что его окружают, избрал это место так как этот замок достаточно прочен, чтобы отразить осаду. Моё предположение было ошибочным, не так ли?

— Наш брат с самого начала планировал покинуть замок. Он избрал это место отнюдь не из-за укреплений, а благодаря самой земле, на которой их возвели.

— Я полагаю, выражаясь точнее, дело в духе что дремлет в этой земле, да?

Приска не стала этого отрицать. Наблюдая за реакциями своей младшей сестры, Ламии удалось ухватить суть того почему её привели сюда и из-за чего её орудейный залп не возымел успеха.

— Мюспел. Глыба.

Приска кивнула. — В данный момент мы находимся на краю того, что зовётся его священной землёй.

Мюспел, Глыба - это имя одного из четырёх наиболее известных духов этого мира. Поговаривали, что так называемые Четыре Великих Духа свободно бороздили просторы Волакии. Если бы кому-то удалось поглотить одно из этих могучих созданий, то вполне возможным стало бы защитить своего хозяина от артиллерийского огня, организованного Ламией.

— И твой мелкий щеночек выжила, вобрав в себя силу одного из Четырёх Великих Духов?

— Она поглотила лишь небольшую его часть, но даже этого было бы достаточно, чтобы уничтожить столь малый сосуд. Но победа не плывёт в чьи-то руки сама по себе. Она требует жертв.

— Я полагаю, ты сделала всё это, зная, что случится, если поглощённый Великий Дух впал бы в безумную ярость, — сказала Ламия.

Приска решила, что её стратегия требовала от одного из ближайших её доверенных лиц рискнуть собственной жизнью. Ламия понимала теперь, что план включал в себя применение силы одного из Великих Духов. Но Глыба был созданием выходящим за рамки материального, общение с ним было невозможным, не говоря уже о том, чтобы контролировать или отдавать ему приказы. Может Аракия и вобрала в себя лишь малую его часть, но всегда существовал риск, что вместо этого само её естество было бы поглощено, а она сама устроила бойню, впав в бешенство.

— Есть у меня ещё вопрос, — проворковала Ламия. — Как Винсенту вообще удалось пленить Глыбу в этом месте? Похоже, что не только лишь людей способен втянуть в свои планы наш дражайший брат.

— Планирование и манипуляции без сомненья нашего брата специализация. Но средства несущественны, ибо важна лишь цель, достигнутая мной.

— Да... Да, ты права.

Приска, уже решившая, что ей не интересна долгая беседа, подняла Меч Света. В ответ на это, Ламия вытянула из воздуха свой собственный меч и встала в боевую стойку. Никто из них не стала мешать другому обнажить оружие, но это не являлось знаком доверия. Этим словом нельзя было назвать их смирение с тем, что для них было давно predetermined. Сёстры просто знали, что именно так и поступят. Так как понимали, что это дело они скоро разрешат собственноручно...

— Со дня нашей встречи, Приска, я не переставала тебя ненавидеть.

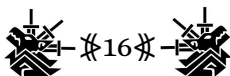
— Не тревожься. Из тех, чьим именам позволено остаться в памяти моей, ты для меня презренней всех.

Старшая сестра схлестнулась с младшей, выставя их враждебность и неприязнь во всей красе. Они не поступили бы иначе, не сказали бы иных слов, даже если бы оказалось, что они видят друг друга в последний раз в жизни.

— ...

Они сделали шаг навстречу друг другу, скрещивая мечи, озаряя мир раскалённой вспышкой красного и белого. Всё вокруг Ламии потеряло для неё значение; во всём мире теперь была лишь она и Приска, и она смеялась, более чем уверенная в том, что ей следовало прикончить эту девчонку при первой же встрече на той вечеринке.

Сёстры ненавидели друг друга до последнего, и ругались пока их отношениям не пришёл конец.

— К этому моменту, Приска и Ламия должны вот-вот закончить улаживать свои дела, — сказал Винсент, глядя на еле живую Аракию. Полностью истощённая и обмякшая, она с вытянутыми ногами лежала, прислонившись к большому дереву.

Удивляться было нечему; она единолично отразила залп из орудия, заряженного магическими камнями, способного уничтожить целую армию, а чтобы это сделать, она приняла в своё крохотное тельце одного из Четырёх Великих Духов. Последствия подобного были суровыми; Аракия совершила этот поступок, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что она могла поплатиться за это своей душой.

Таким образом, план Винсента увенчался успехом, а Аракия сыграла в нём решающую роль.

— Скорее всего, это было нелегко. Приске повезло снискать такую поддержку. Это я пожалуй признаю.

— Я сделала это... ради принцессы...

— Да, уверен так и есть. Я не подвергаю тебя сомнению. — Для Винсента было большой редкостью высоко оценить подобную преданность. Практически каждый на службе Императорской Семьи был верен ей, по крайней мере, не меньше Аракии, а некоторые даже сверх того. В это число входила персональная гвардия Винсента, которых использовали в качестве наживки для врага, не ведавшая, что между Винсентом и Приской было заключено тайное соглашение. — Полагаю Чиша мне за всё это выскажет потом, — пробормотал Винсент.

Он смотрел на Чишу, который сразу после того как Аракия проткнула его насквозь, оказался в месте, где канонада столкнулась с мощью одного из Четырёх Великих Духов. На нём сейчас проводили рискованную операцию, но на его теле не было живого места. Шансы его выживания висели на волоске. Он был толковым стратегом, преданным слугой, которому Винсент мог доверить высокий пост в будущем, и всё же он был частью его плана, способом реализовать заговор, дабы убедиться, что его не распознают и он будет успешным.

И тем не менее, Винсент был уверен, что цель оправдала средства. — Я того же мнения о Ламии, что и она насчёт меня с Приской. Церемония ещё

только началась, но таким образом я уже устранил ближайших соперников в битве за трон.

В плане амбициозности и одарённости, а также вероятности в действительности взойти на трон, по мнению Винсента, волноваться стоило только из-за Ламии и Приски. К сожалению для всех остальных братьев и сестёр, всем им было далеко до Винсента. Однако был среди них тот, кто, хоть и не угрожал его претензиям на трон, но таки умудрился застать Винсента врасплох несколько иным образом.

— ... — По всей видимости, я тоже недооценил своего старшего брата Бартроя.

Бартрой Фиттс, который покинул этот мир вскоре после начала Церемонии Императорского Отбора, подрезанный Ламией. Ему была ненавистна сама идея, во имя которой братья и сёстры убивали друг друга, и он стремился свести смерть, что несла за собой церемония к минимуму с помощью плана, вызвавшего удивление даже у Винсента.

— По собственной воле, отказавшись от участия в церемонии, он пообещал обеспечить повиновение со стороны ещё нескольких братьев и сестёр в обмен на мои гарантии сохранности их территорий и населения. Смелый ход, если не сказать больше.

Если бы он сработал, то в борьбе за трон Винсенту пришлось бы снести на десять голов меньше. А если каждый из них призвал свою личную армию для участия в споре за престол, то людские потери были бы только больше. Предложение это было продиктовано мировоззрением прямо противоположным куда более адекватной оценке ситуации за авторством Винсента, заключавшейся в том, что никто из его братьев и сестёр не должен был пережить церемонию.

Грубо говоря, у плана его побега из-под оцепления Ламии было два ключевых элемента. Первым была Аракия, способная применить мощь Великого Духа, дабы нейтрализовать канонаду; другим же было неожиданное для Ламии двойное предательство - другими словами, братья и сёстры, а также их войска, которых Бартрой в тайне доверил Винсенту. Конечно, в случае их успеха, они по сути почтили бы свои обязательства перед мертвецом, но Винсент попросту не смог бы счесть их утратившими свою законную силу. Нельзя отказывать ни в награде, ни в наказании - таким был принцип, который Винсент, как член Императорской Семьи Волакия, всегда держал в уме.

Братья и сёстры, коих Бартрой убедил оставить свои притязания на трон, безусловно, отчаянно боролись во имя триумфа Винсента, во имя того, в ком они видели своё спасение. Истинная природа этой сделки была сокрыта от них. Бартрой унёс её с собой в могилу. Ради получения желаемого он был так

убедительно дружелюбен и мил. Винсента в особенности впечатлило то, что Бартрой был готов даже вписать в свой план собственную смерть, если это потребовалось бы для достижения его цели. Бартрой Фиттс, был, поистине, достойным членом Императорской Семьи Волакия.

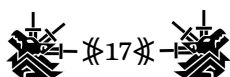
— ... — Дыхание Аракии было поверхностным, а самой ей было нечего сказать в ответ Винсенту, предававшемуся воспоминаниям. В конце концов, она всегда была не более чем преданной собакой, выполняющей команды Приски. Не было у неё ни собственного мнения, ни желания думать за себя. Она была полезной, лишённой амбиций, девочкой, той чей разум никогда не посещали мысли о предательстве. И всё же Винсент сомневался в том, что Приска так сильно её ценила за одну только полезность.

Приску и Аракию объединяло нечто большее, чем просто отношения хозяйки и её слуги. Между ними была искренняя привязанность. Аракия без колебаний пожертвовала бы всем ради Приски, хотя им обоим недоставало воображения, чтобы полностью осознать истинное значение этого.

— Говоришь, тебя зовут Аракия, да?

— ...? Да... Так и есть. — Аракия с подозрением посмотрела на Винсента. Он подошёл и встал перед ней, так что она смотрела на него словно крохотное, пугливое животное, а затем он подмигнул ей.

— Я хочу кое-что тебе предложить. От меня... — И тут, Винсент остановился, слегка мотнув головой. Выражение его глаз оставалось неизменным, когда он поправил себя: — От лица твоего Императора.

Минуло два месяца со дня неудавшейся попытки взять Винсента Абеллюкса в оцепление.

— Что б тебя, Приска...!

— Молчи, негодяй. Вести с тобой беседу мне пользы никакой.

Выражение лица длинноволосого мужчины, словно маска, застыло в гневе, пока он доставал из пустоты Меч Света. Однако рубящий удар, начетав в воздухе алый полумесяц, был отражён атакой сверху, выбивая магический клинок из руки мужчины. Потеряв оружие, он широко распахнул глаза, когда увидел вспышку, взмах меча куда более изящный и жестокий чем у него.

И это стало последним, что он когда-либо видел.

Резкий удар мечом с лёгкостью отделил голову мужчины от тела, гарантируя его смерть. Разлученные друг с другом голова и торс одновременно загорелись, покрывшись огромными языками пламени, что обратили тело в прах.

Такими были последние мгновения жизни Палладио Манэска, сына Императорской Семьи Волакия.

— В конце концов, ты был всего лишь очередной посредственностью. Это был твой предел. — Приска сурово оценила судьбу её недалёкого старшего брата, укрывшегося в своём замке в ожидании собственной смерти.

Жалкий перебежчик так тяжело трудился, чтобы спеться с Ламией и изменить ход Церемонии Императорского Отбора. Приска, как и обещала, собственноручно снесла его голову. Честь, по-видимому, более не имела ничего общего с теперь уже мёртвым мужчиной, но среди мыслей Приски прискорбному положению Палладио теперь не было места. Всё было занято тем, что она устранила ещё одно препятствие, отделявшее её от трона. То был единственный факт стоящий внимания.

— Принцесса...

— Аракия? Здесь я уже прибралась. Как дела с остальным?

— Никаких проблем. Всё закончилось.

Отправляя Меч Света обратно в пустоту, Приска повернулась к только что появившейся Аракии. Та была то тут, то там, разбираясь с солдатами, которыми кишел замок Палладио, служивший ему оперативной базой, но на её открытой коже не было ни царапины.

Возможности Злого Глаза Палладио были отличительной чертой его фракции, но ему не хватало либо ума, либо сторонников, дабы раскрыть весь их потенциал. И так Аракия повсюду умело избавлялась от его рук и ног, в то время как Приска отсекла его голову.

— С Ламией, по крайней мере, было весело. Не представляла я, что буду “скучать” по этой ехидной злодейке.

— ... — Аракия ничего не ответила.

— В чём дело, Аракия? Выглядишь такой серьёзной, на тебя это не похоже. — Приска демонстративно уселась на трон своего почившего брата, а затем вопрошающе посмотрела на притихшую девочку.

— О... — ответила наконец Аракия, а потом моргнула. Спустя мгновение, она сказала: — Вы скоро вступите в бой? С Господином Винсентом?

— Моим братом? Да... Да, полагаю, что так. Случится ли это скоро, сказать не могу, но нам, рано или поздно, придётся уладить наши дела.

Приска, понимая, что поведение Аракии как-то связано с затянувшимся пребыванием Винсента на этом свете, позволила себе смягчиться и улыбнуться. Винсент был её главным соперником в рамках Церемонии Императорского Отбора, её истинным испытанием. С того самого дня, когда она помогла ему сбежать из оцепления Ламии, она наблюдала за тем как его войско всё прибавляло в численности, а он устранял остальных братьев и сестёр, других претендентов на трон, одного за другим.

Ламия знала, что так будет; именно по этой причине она и стремилась атаковать Винсента на ранних этапах, даже если это значило работать с остальными сообщами. Если бы тем самым остальным хватало бы ума, то они бы продолжали сотрудничать даже после того как оцепление провалилось, в то время как Винсент, по крайней мере номинально, был загнан в угол. Но они свой шанс упустили, а Винсент успел зализать свои раны и использовал возможность восстановиться.

— За подобную глупость они не заслуживают ничего кроме собственного истребления, — сказала Приска. В итоге, когда один из них выйдет победителем Церемонии Императорского Отбора, то вместе с тронном Империи Волакия ему достанутся и все обязанности с ним связанные. Те братья и сёстры продемонстрировали то, что они никогда бы не смогли нести это бремя. Теперь, когда Ламии больше нет, а Палладио был казнён, всё что оставалось сделать...

— Ах, Госпожа Приска, ваша пронизательность не перестаёт удивлять. — Беседу между хозяйкой и её слугой прервало лёгкое постукивание туфель по полу одновременно с появлением нового действующего лица. — Должен выразить моё искреннее восхищение.

Приска положила подбородок на руки и перевела свои алые глаза на новоприбывшего, который с вычурным изяществом ей поклонился. Это был молодой человек с белыми волосами. Лишь на мгновение Приска прикрыла один глаз, перебирая свою память, но вскоре она вспомнила кем он был. Только вот смотрелся он теперь несколько отлично от того каким его помнила она.

Насколько Приска могла вспомнить, в их прошлую встречу, волосы его были чёрными.

— Я вас чем-то удивил, миледи? Приношу свои извинения. Моё несостоявшееся свидание со смертью, в миг нашей прошлой встречи, лишило меня красок.

— Понимаю. Странные вещи воистину имеют место быть. От любопытства была намерена я отказаться, ведь облик твой меня лишь на мгновенье озадачил. Ты Чиша Голд, не так ли?

— Весьма польщён тем, что вы меня помните. — Чиша поклонился вновь; он действительно был тем молодым человеком, кого она видела при её сражении с Винсентом. Приске, которая была занята тем, что разыгрывала с Винсентом бой на мечях, а затем переключилась на Ламию, не были известны все детали, но из того, что она слышала, Чиша и Аракия столкнулись в ближнем бою и он получил практически смертельные ранения.

— Я принёс с собой небольшой знак уважения от Его Превосходительства, дабы отметить это событие. Может показаться слегка поспешным, но мы надеемся, что вы его примите.

— Всего пара минут прошла как я сняла с плеч голову врага, и тут как тут, мой братец умудрился гонца сюда прислать. Как на него похоже. И что в это поздравленье входит?

— Изысканное вино, если вам угодно. — Чиша достал бутылку вина снискавшего в этих краях славу как одного из лучших.

Даже в столь нежном возрасте как двенадцать лет, Приске уже был знаком вкус спиртного. Даже для той, кто гордилась тем, что владела лишь только лучшим, в чём она ни разу себе не изменила, это вино было довольно сложно достать.

И тем не менее, она сказала: — Аракия, разбей её.

При этих словах бутылка в руке Чиши разбилась, звенящий звук разлетелся по комнате, а вино водопадом полилось на ковёр.

Улыбка Чиши была почти как у рептилии. — Некоторые благородные господа были бы готовы последнюю рубашку продать за бутылку подобную этой.

— Об этом я осведомлена прекрасно. Не будь мы посреди Церемонии Императорского Отбора, её я может даже приняла бы. Но должен братец мой осознавать, что во времена такие любой подарок от него на части буду рвать.

— И он осознаёт, — кивнув, сказал Чиша, не подавая вида, что всё это хоть немного его расстроило.

Среди Императорской Семьи Волакия за дарами обычно всегда усматривали какой-нибудь скрытый мотив. Учитывая то, сколь популярным было убийство через отравление, просто так выпить что-то, преподнесённое кем-то из семьи и без должной проверки, было абсолютно немислимым.

Такая реакция была, вне всяких сомнений, вполне ожидаемой, но тем не менее, молодой друг Винсента смотрел на Приску с таким спокойствием как будто эмоции совсем покинули его следом за цветом его волос.

— Возвращайся и скажи моему братцу, что все очевидные препятствия устранены и дело наше скоро мы уладим. Не можем более друг с другом вести себя как прежде, и этого желать мы не должны.

— Если вы простите мне мой вопрос, Госпожа Приска, вы искренне верите в то, что сможете победить моего господина?

— Определённо. Ибо сей мир меняется в угоду мне.

На это высказывание философии Приски, Чиша ответил вежливым поклоном. Приска посмотрела в сторону, махая ручкой будто говоря, что их беседа подошла к концу. Она думала, будто Чиша вернётся к Винсенту и известит его о том, что им пора готовить к финальной битве. Однако...

— И если в мире всё для вас во благо, то каким вам видится будущее?

— Что? — Приска вновь взглянула на Чишу, пристально, ища смысл этого влекущего важные последствия вопроса. Затем глаза её широко открылись, ибо кто-то встал перед ней на колени.

— ... — Это была Аракия, чьи колени находились в луже вина; она склонялась над выпивкой, запятнавшей пол. По мере того как жидкость растекалась, она потянулась к ней своим дрожащим язычком и принялась громко её лакать.

— Аракия, что это ты вытворяешь? Ни одной моей служанке не пристало вот так ронять своё достоинство, чтобы...

— Принцесса. Мне... жаль... — Аракия посмотрела на изумлённую Приску, подняв свои полные слёз глаза. Она впервые видела свою молочную сестру⁴ настолько опечаленной, и даже Приска могла лишь замереть на месте. Но переставать удивляться было ещё рано, ибо затем силы покинули тело Аракии и та рухнула на пол.

Аракия лишь простонала что-то невнятное: — Ах...хх...Хкк! — Её конечности свело судорогой, глаза закатились и было очевидно, что в свои последние моменты жизни она страдала.

— ... — Приска не долго наблюдала за происходящим, прежде чем, судя по её взгляду, начать применять холодный расчёт. Пока Аракия была на смертном одре, бесчисленное множество возможных вариантов рождались в разуме Приски, вспыхивали и угасали.

Обыкновенный человек перебирал бы их слишком долго; Аракия могла бы умереть пока он делал свой выбор. Но Приска не была в числе обыкновенных. Не был и Винсент, предвидевший её действия.

Поэтому у этого брата и этой сестры, которые были близки как никто другой, не было иного выбора кроме как вступить в смертельное состязание.

— Чёртова дурёха, — пробормотала Приска, приближаясь к свалившейся в конвульсиях Аракии. Она взяла её в свои руки, придав ей сидячее положение, и словно продолжая предыдущее действие, прижала свои губы ко рту Аракии и начала высасывать из неё отравленное вино. Она сплёвывала его в сторону, глоток за глотком, как высасывала бы яд из раны. Этот яд, однако, был достаточно силён, чтобы одолеть даже Аракию; большинству людей одного только контакта с ним хватило бы для того, чтобы он на них подействовал.

— Грр... — Приска тоже ощутила на себе его эффект, но даже когда яд разъедал её тело, она продолжала вытягивать его из Аракии и выплёвывать его в сторону.

— Ужаснейшая пара, — заметил, наблюдавший за ними, Чиша, на языке которого вертелись слова неподдельного восхваления. Как для Приски, умудрявшейся, пускай недолго, терпеть яд, вытягивая его из Аракии; так и для Винсента, который увидел в этом единственный способ отравить свою чрезвычайно бдительную сестру. В глазах Чиши оба, и брат и сестра, были совершенством, непревзойдёнными гениями заговора.

Конвульсии Аракии прекратились, и хотя она и была без сознания, её жизни уже ничто не угрожало. Приска, сумевшая её стабилизировать, вытерла свои губы, и, не будучи способной скрывать дрожь в голосе, спросила Чишу: — Как моему брату удалось убедить Аракию сотрудничать с ним?

— Разве вам самой неизвестно? — спросил Чиша, в недоумении наклоняя голову, так как всё ещё был под впечатлением от её смелости. — Кажется мне, что вам, Госпожа Приска, ход мыслей Его Превосходительства виднее чем мне.

— Хмф... И всё же главную роль в своей крохотной пьесе он доверил именно тебе.

— Я могу лишь сожалеть о том, что не могу отплатить ему за его доброту.

Приска медленно поднялась и вернулась на трон. Чиша был втайне поражён тем, что походка её всё ещё была уверенной. Но вместе с тем, он, всё также про себя, почувствовал облегчение при виде того как она прислонилась к спинке, выдавая то, насколько тяжёлыми были для неё последствия отравления.

PRISCILLA'S
SERVANT

Слова, сказанные Чишей в следующий момент, были совсем не обязательны, но он всё же не удержался. — Госпожа Приска.

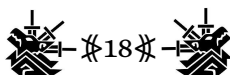
— Да, что?

— Если бы я уже не был предан Его Превосходительству, то я бы всем сердцем и душой служил вам, миледи. Жаль только, что не представилась возможность. — Он покачал головой.

— Ха... — Приска посмеялась, будто резко вздохнув. Затем она посмотрела вниз на, лежащую на полу, Аракию и её губы, окрашенные кровью, расплылись в улыбке. — Мне в неказистом клоуне нет нужды. Коль хочешь мне служить, изволь себя в порядок привести. Красивым стать. До чего нелепый простолюдин.

Она тяжело вздохнула, но до самого конца ей не хотелось изменять себе; финальную колкость она оставила за собой.

А спустя мгновение её дыхание прекратилось. Так ушла из жизни Приска Бенедикт.

— И так несчастная, милая принцесса угодила в западню врага и лишилась жизни. Её старший брат одержал безоговорочную победу, став Императором для целого народа, и, говорят, что он по сей день правит и процветает.

— К-какая захватывающая история! А что было потом?

— Не было никакого потом. Я ведь сказала тебе, разве нет? Главная героиня истории, Принцесса, в концовке погибает. В истории этой продолжению места нет.

— Что?! Но... но к этому ничто не ведёт! — Маленький мальчик в в расстроенных чувствах очаровательно вскинул брови. Для него подобное состояние было весьма необычным.

Прекрасная принцесса, читавшая ему историю... ээ, пожалуй, точнее будет сказать, Присцилла, подняла голову. Её оранжевые волосы словно водопад, сверкая, заструились с её плеч. Она скрестила руки на своей роскошной груди. А затем она пожурила разбушевавшегося мальчишку: — Перестань, Шульт. Где это ты надменности набрался, чтобы историю, выбранную мной критиковать? Что в сказке этой тебя могло так сильно опечалить? Скажи мне, если сможешь.

— Да, миледи! Просто принцесса в ней была такой, такой печальной! Она так усердно работала и изо всех сил старалась, но её обманул и брат, и её ручная собака, тоже... Ох, я просто не знаю как мне быть! — Шульт надул свои побагровевшие щёки.

Приска поймала себя на том, что она улыбается. Она хоть и искадила пару деталей, но в целом её история была правдивой. Реакция Шульта, как таковая, была особенно трогательной, если учесть, что он лично знаком с этой “печальной принцессой”. Однако...

— Какие только чувства на сей счёт в себе ты не нашёл, принцессы век к финалу подошёл, поставив в сказке этой точку. Её не изменить. В том суть сказаний, которые решаем мы поведать.

— Ааа... Но это так грустно. От того становится так больно.

— Как изволишь с этим поступить, тогда? Время разбазаришь на жалобы и огорчение?

Если именно так он намеревался себя повести, то мнение Присциллы насчёт Шульта могло кардинальным образом перемениться. Его будущее, действительно, находилось в подвешенном состоянии, и зависело от того как отзовётся он о сказке, которую она по собственной прихоти рассказала ему.

Шульт пребывал в блаженном неведении, когда он скрестил свои короткие ручки и смущённо кивнул. Присцилла не стала его торопить и ожидала каким же будет его ответ. В конце концов, Шульт разжал свои скрещенные руки, посмотрел на Присциллу и сказал: — В таком случае... В таком случае я сам допишу эту историю!

— Что? — Она подняла бровь. Такого ответа она и представить себе не могла.

В ответ на её реакцию, Шульт решительно сжал свою ручку в кулак. — Леди Присцилла, вы сказали, что в сказке уже поставлена точка. Но я буду думать о том, что было дальше, чтобы для принцессы всё не закончилось так печально!

— ... — Присцилла ответила не сразу. Так значит Шульт, с его скромными навыками владения языком, собрался переплести нить повествования уже законченной истории. Присцилла сделала лёгкий вдох, а потом задумчиво прикрыла один глаз. — Продолжить то, что уже завершено, так? Что ж, как она продолжится? Какое будущее ты уготовил почившей принцессе, Шульт?

— Ну, аа... Ну, сперва, принцесса выпила яд, но не погибла от него! Она лишь погрузилась в глубокий, глубокий сон, а позже она проснулась вновь!

— Хо. Она просыпается, да? И почему же? Яд был довольно смертоносным. Его было достаточно, чтобы с лёгкостью человека лишить жизни.

— Но принцесса и её собака приняли его по половине! Вот почему! — Да, яда там было достаточно, чтобы убить любую из них, но просто приняв одну половину и другую, ни принцесса, ни её ручная собака, не умерли. Примитивная логика, стоявшая за этим и бездумное применение элементарной арифметики, были по-детски искренними, но именно так Шульц намеревался связать всё воедино, и Приска не стала с ним спорить. Вместо этого она просто взъерошила его розовые волосы и улыбнулась. — Леди Присцилла? — сказал он.

— Ты размышляешь о вещах наистраннейших, Шульц. Переиначивать законченную историю в угоду своим предпочтениям. Не кажется ли тебе такое поведение высокомерным? Прежде всего, в лицо плевать тому кто произвёл её на свет?

— Эм... Аа, я был не прав, что так сделал?

— С чего бы быть тебе неправым? Зазорного нет ничего, коли историю ты не приемлешь, и форму ей придашь себе по нраву. И вовсе это не зазорно. По правде, я впечатлена.

Рыдал бы Шульц в полнейшем отчаянии пока не уснёт, Присцилла бы без сожалений, без задних мыслей и с большой вероятностью выбросила его как если бы он был не более чем избалованным дитя. Но Шульц не обманул её высоких ожиданий.

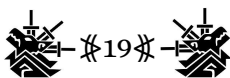
— Надеюсь ты мне поведаешь продолжение истории несчастной принцессы. Расскажи мне ту сказку, что будет по душе тебе.

— ...! Д-да, миледи! Ну, сперва, принцесса не умерла от яда! А потом кто-то очень добрый помог ей...

Шульц, чьи глаза теперь сверкали, с позволения Присциллы, принялся плести продолжение истории. Присцилла подперла подбородок рукой и наблюдала за тем как восторженный мальчишка продолжал свой детальный рассказ, а свободной рукой она бережно поглаживала обложку книги. Та в свою очередь вдохновила её на то, чтобы рассказать эту сказку. Ей трудно было оценить сколь важным было получить такое вдохновение. Для кого-то это могло вовсе не иметь значения. Для лиц неосведомлённых эта книга могла показаться бессмысленным потоком букв. Но для неё...

— Леди Присцилла? Вы слушаете?

— Ну конечно же слушаю. Ты за кого меня держишь? — Присцилла погладила Шульта по голове и улыбнулась. Она припоминала другую голову, которую ей доводилось гладить всё с такой же улыбкой...

Приске не суждено одержать надо мной верх. Она куда более уязвима чем я. Как следствие, если мы вступим в схватку друг с другом, Приска погибнет и это неизбежно.

Однако даже я не желаю убивать младшую сестру, что мной любима больше всех. И поэтому, по достоинству оценив твой сегодняшний подвиг, я дарю тебе возможность. Шанс спасти Приску.

Касаемо того как именно...

— ...

— Наконец-то проснулась, да? — заговорил кто-то, стоявший в профиль подле её кровати, в то время как с дрожью распахнулись её глаза. Она обнаружила, что смотрит на незнакомый потолок, но после беглого осмотра она заметила мужчину в необычных одеждах, белого с головы до ног. Его... имя...

— Ты весь белый...

— Чиша Голд. Я бы хотел, чтобы ты потрудилась запомнить хотя бы моё имя. Разумеется, это лишь моё личное мнение. — Чиша, как он сам себя звал, несмотря на свою жалобу, нисколько не переменялся в лице. Девочка на кровати, Аракия, пропустила его возражения мимо ушей. Она почувствовала, что что-то было не так; она поднесла руку к своему левому глазу. Порой, спросонья мир вокруг кажется нечётким, но то каким туманным он выглядел сейчас, несколько отличалось от привычного. Словно она ослепла на один глаз.

Когда он увидел как Аракия потирает пальцем своё веко, Чиша спокойно пояснил: — Считай это платой за то, что тебе сохранили жизнь. Аналогично тому как я стал белым как снег. Но важнее то, что оба мы несомненно живы.

Известие о том, что она ослепла на один глаз, не стало для Аракии особо серьёзным потрясением. Она совершила свой поступок, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что он мог стоить ей жизни. Её больше удивляло то, что она вообще была жива.

Более того, её пребывание в мире живых само по себе говорило об успешности плана Винсента. Иначе яд определённо стал бы её погибелью.

— Принцесса. Где?

— Ты имеешь в виду Госпожу Приску? Боюсь, что она несомненно мертва.

— ...! — Аракия сделала резкий вдох. Чиша говорил с тем же спокойствием с каким объяснял ей состояние её глаза, но она всё же не могла проигнорировать сказанное им. Её, всё ещё зрячий, правый глаз, широко открылся и она яростно потянулась к Чише, желая свернуть его бледную шею.

— Оп! Рановато ещё, ты пока только идёшь на поправку. Утомись, щеночек.

— Гаа!

Только он успел, словно шутя, заговорить, как что-то твёрдое ударило её по лбу и она почувствовала как вся обмякла. Она моргнула, пытаясь понять, что произошло. Краем глаза она увидела размытое, но улыбающееся лицо. Силуэтом склонившимся над ней, возле места её падения, был синеволосяй мальчишка.

В ту же секунду как она поняла кто это был, Аракия, доселе едва ли проявлявшая эмоции, почувствовала будто сердце её разлетелось на миллион крохотных осколков.

— Улыбчивый шут...

— Ха-ха-ха! Знаю, ты, должно быть, рада меня видеть, но не надо же себя так обзывать. В конце концов, не родился ещё человек, у которого моё лицо не вызовет улыбку!

— ... — Своим, оставшимся в строю, глазом, Аракия грозно посмотрела на мальчика, врезавшего ей по лбу, проявляя весьма очевидное намерение его убить. Чиша медленно покачал головой. — Позволь мне принести извинения за его словоблудие. И за мой, вводящий в заблуждение, ответ тебе. Повторюсь, что Госпожа Приска мертва. Однако твоя принцесса всё ещё находится среди живых.

— Но... это...

— Его Превосходительство сдержит данное им слово. Ты стала ядом, погубившим Госпожу Приску, и по этой причине он не нарушит клятву. Однако...

— Я больше никогда... не увижу принцессу...

— ...Всё верно, — тихим голосом сказал Чиша и кивнул. Аракия почти полностью его игнорировала; она прижала руку к своему левому глазу и задержала дыхание.

Винсент сдержит своё слово. Если Чиша сказал правду, то Приска была и живой и мёртвой одновременно. Церемония Императорского Отбора завершилась для неё предательством Аракии.

— Принцесса... — Аракия представила себе прекрасное лицо, которое она так долго созерцала. Ненавидела ли она Аракию теперь? Испытывала ли она неприязнь к той, кто уступила плану Винсента и стала для неё отравой? К Аракии, которая не верила в безоговорочную победу Приски, и вместо этого действовала по собственной инициативе, дабы спасти принцессу от смерти?

Дело не в том, что она была очарована словами Винсента. Если Приска действительно не могла даже надеяться одолеть Винсента, то дело было бы отнюдь не в грубой силе или сообразительности. Причиной стало бы её сердце. Приска была такой искренне милосердной, такой доброй. Поэтому ей не суждено было победить холодного и жестокого Винсента.

— Оу... Оуу...

— Ну, ничего себе, она заплакала. Чиша, что будем делать с щеночком? Его Превосходительство говорит, что она теперь бродячая.

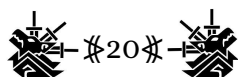
— Мне было велено позволить ей действовать по её усмотрению. Кстати, а что насчёт тебя? Молва о том, с какой жестокостью ты расправился с Корпусом Резчиков, расходится повсюду.

Чиша разговаривал с мальчишкой, стоя у ног Аракии; а сама она, прикрыв лицо руками, рыдала. До этих двоих ей не было никакого дела; вместо этого она всё плакала и плакала, и молилась. Хоть она и была Пожирателем Духов, по сути варваром, которому некому было вознести молитву, она всё же взмолилась, обратившись к Небесам. Она молила о том, чтобы правдивыми оказались слова, которые часто произносила её любимая принцесса.

Что сей Мир...

— ...меняется в угоду мне, — прошептала девочка, придерживая свои оранжевые волосы, дабы те не развевались на ветру, что норовил их растрепать.

Красивая девушка стояла на поле, устланном травой, созерцая могилу размещённую в тени каких-то деревьев. На надгробии было высечено имя Приски Бенедикт. Имя павшего в битве члена Императорской Семьи Волакия. Девочка посмотрела на него, и её алые глаза заулыбались.

— Принцесса, будете стоять открытая всем ветрам, заболаете и умрётё. — сказал кто-то позади неё. Это была старая женщина, облачённая в аристократического вида одежды, которые так хорошо на ней сидели будто она прямо в них и родилась. Позади неё стояло несколько слуг, чей вид буквально кричал о том, что эта женщина была именно той кем казалась с виду. Столь же очевидным было и то, что именно юная леди, к которой старушка обращалась с таким почтением, являлась среди них августейшей² особой. — Принцесса, — повторила старая женщина, — прошу, внемлите мне...

— Хватит с меня этой вашей “принцессы”. Это безрассудство. Приска Бенедикт мертва и под землёй погребена. А раз так, принцессой называть меня нельзя. Положено мне быть твоею драгоценной внучкой.

— ... — Старушка склонила голову. Девочка вела себя чересчур заносчиво для внучки.

Девочка могла спиной почувствовать оказанный ей знак покорности. — Хмф, — фыркнула она и вновь посмотрела на могилу. Тех кто погиб во время Церемонии Императорского Отбора обычно не увековечивали подобным образом. К побеждённым не было жалости; принцип, которому следовала церемония, был таким, что проигравших обычно обращали в пепел, не оставляя даже тел. Поэтому это надгробие Приски Бенедикт являлось необычным явлением. Таким же как и тот факт, что тело девочки было погребено под ним.

— Так сильно на меня была она похожа... Подумать только, что довелось ей послужить мне дважды.

Она подумала о той, что была её двойником и пожертвовала собой, во время покушения организованного ещё до начала церемонии. Девочкой с оранжевыми волосами как у принцессы, которую ей удалось защитить. Её телу воздали все почести, его вместе с достойной компенсацией отправили её семье. Но даже в могиле её не оставили в покое; ей доверили новую роль. После смерти она сыграет Приску Бенедикт, как делала это при жизни.

— Полезная вещь. — Вот и всё, что сказала девушка и затем с характерным треском раскрыла алый складной веер в её руке. Она забрала его у своей омерзительной старшей сестры, а теперь им обмахивалась она, поворачиваясь к старушке и слугам, стоявшим позади неё в ожидании. И наконец...

— Принцесса...

— Сколько раз мне повториться что б вы меня так не звали? Принцесса, носившая сей титул, печальный встретила конец. Трагичный даже, но большего она не заслужила, ведь не смогла с тревогой сладить приверженцев своих. Ту, что ныне перед вами, зовут... Хмф. Как там ещё раз? — Девочка в любопытстве наклонила голову.

Старушка закрыла глаза, и спустя мгновение ответила: — Присцилла.

— Да, именно так. — Девочка медленно кивнула и со щелчком захлопнула веер. Её старшая сестра имела обыкновение прятать его в своём декольте, а эта девочка так сделать не могла, но возможно, что в недалёком будущем ей это будет по плечу. Ибо она всё же была жива. И пока у кого-то была жизнь, было и будущее. В таком случае...

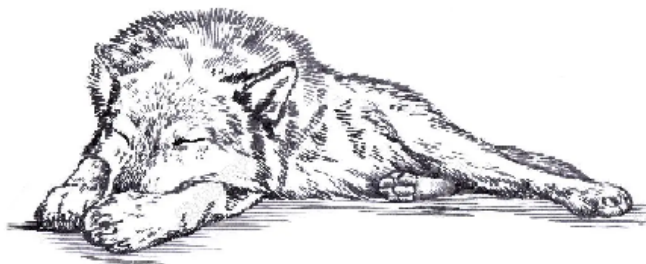
— Это значит, что мы можем продолжать. Ведь в конце концов...

Она посмотрела на небо. Зависнув в едва ли не омерзительно голубых небесах, солнце пылало так ясно, что казалось почти что алым. Она протянула к нему руку будто пытаясь его схватить, и она всё ещё могла ощущать тепло Меча Света в своей ладони.

Найдя утешение в этой теплоте, девочка - Присцилла - улыбнулась и сказала:

— ...сей мир меняется в угоду мне.

<КОНЕЦ>

1. **Флигель** - пристройка сбоку главного здания или дом во дворе большого здания. ⇐
2. **Аррьергард** - (фр. *arrière-garde* — тыловая охрана) часть войск или флота, находящаяся позади главных сил при походном движении и обеспечивающая безопасность тыла. ⇐
3. **Дзори** (草履) — вид национальной японской обуви, атрибут национального парадного костюма. Представляют собой плоские сандалии без каблука, с утолщением к пятке. ⇐
4. **Сверхчеловек** (нем. *Übermensch*) — образ, введённый философом Фридрихом Ницше в произведении «Так говорил Заратустра», для обозначения существа, которое по своему могуществу должно превзойти современного человека настолько, насколько последний превзошёл обезьяну. ⇐
5. **Садовая вечеринка** – официальный приём, обычно на открытом воздухе. А также мероприятие проводимое в Букингемском Дворце в Великобритании. "Хотя первоначально летние приёмы проводились днём, первые садовые вечеринки в 1860- х годах, проводимые Королевой Викторией назывались “завтраками”. Обычно они проходили только дважды в год и лист приглашенных состоял строго из представителей высших слоев общества и членов королевской семьи." ⇐
6. **Молочная сестра** - устар. дочь кормилицы по отношению к вскармливаемым ею чужим детям. ⇐
7. **Августейший\августейшая особа** — В 27 году до н. э. римский император Октавиан получил титул Август, что на латыни означает «священный» (в его же честь, кстати, был назван один из месяцев). Затем так именовали других императоров Рима. В последующие века слово «августейший» стало прибавкой к монаршему титулу и обозначало членов императорских семей, в том числе (с 1718 года) российской. ⇐

Глава II

赫炎の剣狼

Багровая Графиня и Гладиатор

Смертельный поединок всем кажется увлекательным когда это не их жизнь стоит на кону.

Может прозвучать как крайность, но с его перспективы, в ней была весьма ощутимая доля правды. От такого нельзя было играючи отмахнуться как от нелепого преувеличения.

Пока он катился кубарем по твёрдой земле, ему были слышны, доносившиеся сверху восторженные крики. Восторг сменило освистывание в адрес его неуклюжей попытки бегства, но ему было наплевать.

— В конце-то концов, это я здесь своей чёртовой жизнью рискую! — он сплюнул слюну с мокротой, прежде чем выставить перед собой огромный меч в своей правой руке. Этого было достаточно, чтобы контролировать его противника, который уже собирался продолжить атаковать в рукопашную. Надвигающийся на него, бледный, лысый мужчина держался расслабленно, обе его руки свободно болтались, пока тот ухмылялся.

У лысого человека в руках не было никакого оружия, что в этих местах являлось весьма необычным выбором. Но, в некотором смысле, было в его руках нечто куда более опасное чем любой меч или копьё.

Существовала техника под названием Отравленная Рука. Метод убийства, заключающийся в том, чтобы вымачивать свою руку в яде, вбирая его вплоть до того момента, когда он вот-вот

станет смертельно опасным. Постепенно, насыщенные токсины накапливались в ногтях, а это значило, что малейшая царапина могла погубить врага. Фиолетово-красные пальцы и ногти лысого человека свидетельствовали о его владении этой техникой.

— Вижу у нас тут шиноби, прославший важное устранение. — Одних лишь рук этого человека и его непоколебимой решимости убивать было достаточно, чтобы угадать его происхождение.

Шиноби были убийцами прошедшими жесточайшую подготовку и невероятным образом расширившими пределы возможностей своих тел. Некоторые сомневались в их существовании, говорили будто те были всего лишь городской легендой, но даже если и так, то они были легендой, в которую стоило верить. Их нанимали сильные мира сего в качестве элитных солдат для участия в игре “убей или будь убитым”, по правилам которой жили подобные им люди. Не ясно как конкретно этот сюда попал, но теперь он застрял здесь как и все остальные.

Ибо это была...

— Отвратная, ничтожная дыра, зовущаяся Гинунхайвом, островом рабов меча, где пленённые им вынуждены биться друг с другом.

Положение рабов меча соответствовало их названию, это касалось и тех двоих, что сражались в данный момент. Этими словами обозначали худших из худших; день ото дня литрами лилась их кровь, в избытке ломались их кости и гасли их жизни. И этот, так называемый остров рабов меча, где смертельные поединки выдавали за развлечение, был идеальным вместилищем для полчищ имперских подданных, ищущих утоления их жажды крови. Вполне естественно рассчитывать на то, что в столь бесконечно ожесточённых землях как Империя Волакия найдётся подобное место.

— Не то чтобы становилось хоть немного лучше от того, что они дёргают нас за ниточки! — прорычал мужчина, медленно поднимаясь, держа в руке тяжёлый меч. Судя по весу этого оружия, оно явно не предназначалось для того, чтобы им подолгу

размахивали одной рукой, но, к сожалению, у этого человека не было другого выбора кроме как положиться в бою на свою правую руку. Ибо левая рука, которая в противном случае могла бы оказаться полезной, отсутствовала.

— ... — Его длинные, непослушные волосы были собраны на его затылке, чтобы тот мог свирепо таращиться на своих противников глазами, которые некоторые называли злыми. Это всё чем он мог держать врага под контролем. Однорукий мужчина выдохнул. Его рука не входила в число его недавних потерь. Это случилось в далёком прошлом, и он уже давно приноровился к тому как это влияло на его равновесие. Это всё ещё создавало сильные неудобства, когда приходилось сталкиваться с противниками, требующими от него повышенной бдительности, такими как этот.

— А это значит, что мне не стоит сильно с этим затягивать, — сказал он. — Как тебе такая идея, Мистер Наверное-Шиноби? Скажем, мы с тобой сработаемся и нарочно забьём на этот матч?

— Забьём...?

— Хо, интересно стало, ага?

Человек с Отравленной Рукой настороженно вскинул бровь. Почувствовав возможность, однорукий мужчина стал напирать дальше. — Всё просто: я буду и дальше себе бегать от тебя, а ты атакуй меня да промахивайся. Если это продлится достаточно долго, то хозяин и зрители начнут понемногу терять терпение. Есть шанс, что у них там под рукой имеется зверодемон какой или что-то типа того и они могут отправить его сюда, чтобы расшевелить нас. И тогда нам не придётся бороться друг с другом, только с тварью.

— Если мы вместе её одолеем, то переживём этот день, ты это имеешь в виду?

— Ага, в этом вся задумка! Оу, до чего ж классно встретить парня, с которым я могу поболтать немн... Хгггх?! — Как только однорукий мужчина, расплываясь в улыбке, подумал, до чего же непринуждённый у них намечался разговор, как на него кинулся

Отравленная Рука с его остро заточенными ногтями. Однорукий мужчина едва успел уклониться, перекатываясь назад, дабы увеличить дистанцию между ним и его врагом.

Лысый человек ухмыльнулся ему в ответ. — Не глупи, — сказал он. — Объединиться с тобой чтобы биться со зверодемоном? И, вероятно, сгинуть при этом самому? Любой, поставь перед ним выбор между одноруким мужиком и зверодемоном, выберет калеку. Я не исключение.

— Эй, послушай, Я знаю что ты чувствуешь, ладно? Но я на правах твоего брата по разуму...

— К тому же, для меня это возможность козырнуть отточенными мной навыками. И я терпеть не могу, когда кто-то мешает мне веселиться.

— О! Прости. Я не знал, что ты из тех самых прирождённых убийц. Полагаю найти общий язык нам не удастся из-за разницы во взглядах, значит. — Он бы и рад был в полнейшем замешательстве почесать свою голову, но опустил он свою правую руку, его единственную линию обороны, то в тот же миг получил бы в свой адрес смертельный удар. Он обошёлся вздохом, а затем Отравленная Рука его оппонента дёрнулась.

Он чувствовал его приближение, или скорее, знал о нём. Началось бы всё с атаки ядовитой правой рукой, а если бы он от неё уклонился, этот человек ударил бы левой, хотя нет, то было бы лишь видимостью, отвлекающим манёвром. Он пустил бы в ход свою ногу, его козырной картой была отнюдь не его Отравленная Рука, а Отравленная Нога. Всё довольно запутанно.

Но фокус уже не способен застать вас врасплох, если вам известен его секрет.

— ...! — Сделав резкий вдох, однорукий мужчина уклонился от хука правой атакующего, но несмотря на то, что он видел движение его левой руки краем глаза, он всё же поднимал свой меч дабы встретить им летящую с разворота ногу этого человека. Лезвие вонзилось прямо в колено, отрубая ногу и разбрызгивая кровь

повсюду. Несколько капель упало на однорукого, которому пришлось уповать на то, чтобы хотя бы кровь его врага не оказалась токсичной.

— Всего-то неудача... или, мне стоит сказать, неудачная звезда, — сказал однорукий, а затем голова проигравшего, со всё таким же недоумевающим выражением лица, взмыла вверх по дуге, рассекая воздух.

— Ещё один день на волоске от гибели, да?

— Эй, мне бы хотелось более лёгких побед. Но эти старые косточки повидали уже более тридцати лет, да и с одной рукой эти неуклюжие маленькие победы - лучшее, что я могу сделать.

Однорукий мужчина удалился с арены, сопровождаемый радостными криками, через проход для рабов меча. Его встретил один из стражников - в действительности же один из тюремщиков, которые были расставлены вокруг Колизея. В их обязанности входил надзор за рабами, обеспечивающих развлечение, причём бойцы иногда ласково называли их “рабовладельцами”.

Большинство стражников относились к рабам с презрением, однако Орлан, один из них, отличался тем, что относился к бойцам почти что по-дружески. С учётом его добродушного отношения, его пригодность к службе в страже была весьма сомнительна, однако, очевидно, он был достаточно профессионален в ней, чтобы оставаться на своём посту последние несколько лет, и отношения с этим одноруким мужчиной у них были на уровне знакомых. На самом деле, они скорее были похожи на товарищей, нежели на раба меча и стражника.

— Лови, — произнёс однорукий мужчина, бросая Орлану своё залитое кровью оружие. Рабам меча не разрешалось иметь при себе оружие и пользоваться им, кроме как на самой арене, а за её пределами они и вовсе должны были носить наручники. Даже если они имели чисто декоративный характер для однорукого человека.

— Так, наручники надеты, — сказал Орлан. Затем он добавил: — Знаешь, я рад, что ты сегодня выжил. Наверное, это не моё дело, но, тот парень, с которым ты дрался, про него ходили ужасные слухи. Он схватил за руки несколько стражников, и все они умерли. Все утверждали, что это был несчастный случай, но...

— Но если с пользователем Отравленной Руки произошёл “несчастный случай”, разве это не равно сказать то, мол, что он сам отрубил им головы своим оружием?

— Ты прав. Но у нас здесь не так уж и много таких, как он. Он был слишком увлечён, чтобы задавать вопросы. Чёрт, жизнь стражников такая же дешёвая, как и жизнь рабов меча. Не говори никому, что услышал сейчас, хорошо? — Орлан тонко улыбнулся; он действительно не был создан для работы стражником. Хотя, возможно, дело было вовсе не в работе стражника — может быть, дело было в самом Гинунхвайве? Может быть, во всей Империи.

В Империи ценились материальные достоинства: непоколебимая решимость и готовность поставить на кон свою жизнь ради победы в сражении. Сердобольность и щедрость не заслуживают здесь уважения. Трудно жить с такими людьми, у которых такой жестокий взгляд на мир. Но такова была Священная Империя Волакия.

— В любом случае, это лучше, чем быть рабом, как я!

— Это не смешно... И, о, послушай, я не пытаюсь сказать, что рад твоей победе лишь потому, что тот парень был кретином. Это ещё и потому, что ты весьма приличный человек.

— Эй, послушай. Если ты будешь слишком сентиментальным, то в конечном итоге пойдешь по моему пути!

— Что ты имеешь ввиду под “путём”?

— А, не так важно. Давай уже поскорее свалим отсюда. — Однорукий похлопал всё ещё сбитого с толку Орлана по плечу, в попытке заставить его двигаться. Он не был заинтересован в том, чтобы стоять и переговариваться, к тому же, этот проход вёл на арену. Это означало, что по нему вскоре пройдут бойцы для следующего матча.

— Ооо, Боже. Мне было интересно, кто же мог здесь мельтешиться — это же мой любимый маленький Ал

— Угх...

Это было именно то, чего он так сильно не хотел - встреча со следующим соперником. Ал почувствовал, как его лицо исказилось в гримасе.

— О Боже, Боже, Боже, — сказала женщина-боец, своим звонким как колокольчик голосом, когда увидела Ала. Её длинное тело покачивалось, когда она подошла к нему с таким видом, будто бы её очень весело. — Угх, он говорит! Какая грубость! Я то думала, что мы друзья...

— Не дави на меня. У меня было бы много проблем, если бы я объявил нас друзьями. Максимум нас можно было бы назвать знакомыми, которые иногда беседуют.

— Хе-хе-хе. Ты говоришь такие забавные вещи, мой милый. — Сказала высокая женщина, с весьма красивой улыбкой, звонким хохотом и подстриженными тёмными волосами. На самом деле, она действительно была необычайно высокой - более двух метров. Она была одарена идеальной фигурой, с изгибами ровно там, где женщине хотелось бы их иметь, и она с гордостью выставляла их на показ, нося довольно откровенный наряд. В сочетании с угловатым лицом, всё это делало её похожей на сбежавшую из музея скульптуру.

Но было в ней то, что бросалось в глаза даже больше, чем её ослепительная внешность: её руки. Глядя на её высокое тело, можно было подумать, что её руки весьма длинные, однако они обе заканчивались в локтевом суставе.

Таким образом, она находилась в ещё более тяжёлом положении, чем Ал с его одной рукой, но тем не менее, она являлась цветочком, что всё же расцвел на фоне этих трудностей. Зрители не кричали и не освистывали её; наоборот, она всех восхитила. Она была самым главным событием здесь, на Гладиаторском Острове Гинунхайв.

— Я благодарен тебе, Хорнет, правда, но давай о наших с тобой положениях. Если бы такой крохотный муравей, как я, стоял рядом с тобой, меня бы разнесло.

— Ох, прошу тебя, не говори таких вещей. Ты меня расстраиваешь. Ты ведь мой самый, сааамый лучший друг, в конце концов.

— Сааамый лучший, да? Думаю, это значит, что остальные уже померли.

— Хе-хе-хе!

Пользуясь такой высокой текучестью кадров на этом острове, можно было бы очень быстро продвинуться по карьерной лестнице раба-мечника. Тот факт, что Хорнет не перечила Алу, было в какой-то степени приятным событием.

Благодаря своей незабываемой внешности, характеру и манере речи, Хорнет умела надолго приковать внимание публики к себе, не отпуская его. Она действительно была похожа на свою тёзку; два-три укуса её яда - и ваша жизнь окончена. По сравнению с этим ядом, яд Ядовитой Руки, с которым Ал сражался мгновением ранее, был просто детской забавой.

— Госпожа Хорнет, уже почти время...

— Ох, я знаю. Вы позволите?

Это был, хотите — верьте, хотите — нет, один из стражников, обратившийся к ней в таком почтительном тоне. Сослуживец Орлана встал на колени перед ней и снял с её ног кандалы, которые она носила вместо наручников. Но это действие было похоже на то, как мужчина склоняется перед своей королевой.

Именно за эту врождённую способность заставлять других преклоняться перед ней она получила прозвище Императрица Рабов Меча.

— Что ж, хочется верить, что и этот поединок будет прекрасным и элегантным.

Ал набросился на неё. Это привлекло внимание стражника, сопровождавшего Хорнет. “Брр, жутко”, — сказал он. Стражник стал человеком Хорнет до мозга костей — он без колебаний напал бы на Ала, однако она его остановила.

— Не делай глупостей. Лучше иди в мои объятия, милый.

— Да, мэм.

Всё ещё стоя на коленях, стражник кивнул, и из глубины коридора показался тюремщик низкого ранга, чьё лицо было закрыто шарфом; он тащил за собой тележку, на которой лежали два массивных меча. Каждый из них был размером со взрослого человека, однако их рукояти были весьма причудливой формы. Впрочем, это было понятно, ведь это оружие было изготовлено специально для Хорнет.

“Ииии понеслась!” — томно произнесла Хорнет, направив свои короткие руки в сторону мечей. Обрубки аккуратно вошли в пустые рукояти, закрепившись со звучным щелчком. Затем девушка весьма легко подняла огромные клинки, несмотря на то, что каждый из них весил больше 100 кг. Обычный человек не смог бы поднять даже один такой меч, не говоря уже о том, чтобы справиться с двумя. Именно это делало её стиль абсолютно уникальным - и именно это делало её сильнейшим бойцом на острове Гинунхайв.

— Может быть ты поглядишь на мою битву, прежде чем уйдешь, Ал, милый? Пожалуйста, сладкий. Ты же всё ещё здесь. Я хочу посвятить сегодняшнюю победу тебе и только тебе.

— Спасибо, но нет!

Он не смог удержаться еще от одного выстрела, не смотря на продолжающееся ослепление стражника Хорнет. Но даже после этого Хорнет продолжала улыбаться, и просто прошла на арену. Мгновение спустя раздались громкие возгласы: она вышла на арену, и толпа обезумела.

— Прекрасно. Я собираюсь вернуться под землю и немного вздремнуть.

— Что...?! Как ты смеешь так игнорировать госпожу Хорнет! — огрызнулся стражник.

— О чём ты? Я ей в лицо сказал, что не собираюсь смотреть. Она лишь улыбнулась на это. Для меня это достаточно хороший ответ. Я не прав?

Ал бросил на разгневанного стражника жесткий взгляд, наблюдая, как тот мигом вздрогнул от неожиданности.

Он был свеж после боя - только что он рисковал своей жизнью. Очевидно, этого было достаточно, чтобы даже его кровь вскипела. Стражник видел, как Хорнет усмехнулась и пропустила слова Ала мимо ушей, так что более у него не было оснований настаивать на своём. Ему оставалось лишь молчать, и он не был доволен этим.

“Чёрт возьми, она знает, как держать тебя в напряжении! Едва ли она ведёт себя как раб меча, верно?” — сказал Ал. Когда он проходил мимо умолкшего “слуги” Хорнет, удаляясь прочь от арены, Орлан опустил рядом с ним. Он практически сделал себя невидимым с момента появления Хорнет, и это был правильный выбор.

Хорошо это или плохо, но лучшее, что вы можете сделать для себя - постараться не сталкиваться с Хорнет. Если она проявила к вам интерес - это было опасно, а если не проявила, то это не значило, что вы в безопасности. Здесь это было негласным правилом.

— Эй, по крайней мере, похоже, ты ей нравишься, Альдебаран, — сказал Орлан.

— Дай мне передохнуть Орлан. И мне помнится, я уже говорил тебе... — одорукий человек, Альдебаран, подмигнул охраннику. — Зови меня Ал. Ты же знаешь, я ненавижу своё полное имя.

Остров рабов меча, Гинунхайв, расположенный в западных пределах Империи Волакии, был столь плотно окружён озером, что его впору было называть островом неумолимых вод.

На остров можно было попасть лишь по одному единственному мосту, подъемному, если быть точным, который обычно держали в поднятом и непроходимом положении. Допуск на территорию острова, равно как и отбытие с неё строго регулировался, а причиной практически полной изоляции обитателей острова была довольно простой: Нельзя было позволить рабам меча покинуть его.

Рабы меча являлись ровно тем, на что намекало их название: рабами, которым было позволено владеть мечами. Однако, подобное имущество разрешалось носить при себе лишь на время их участия в смертельных поединках на арене в центре острова, матчей организованных на потеху зрителей пришедших извне. Положа руку на сердце, остров служил сценой для извращенного зрелища, когда на всеобщее обозрение выставлялось убийство рабами себе подобных.

Большинство рабов меча были либо преступниками либо теми кому не оставили больше выбора кроме как добровольно отдаться такой жизни, не будучи способными выплатить долг. Хотя, пусть и довольно редко, но случалось так, что какого-то бедолагу без крыши над головой могли приволочь сюда. Каким бы ни было их происхождение, как только они были низвержены до звания раба меча, все они желали одного: прожить ещё один день, убив своего противника. И больше ничего.

— Я тут подумал, Ал. Ты действительно считаешь, что мы можем и дальше так жить?

В подземелье острова находились жилые помещения, где размещались рабы меча. Однако, “жилыми” они были весьма относительно; они были напроць лишены удобств и каких либо проявлений заботы, которые могли бы преобразить это место в нечто более уютное. Это было лишь пространством где рабы могли влачить своё жалкое существование.

Каждый из них занимал себе место для ночлега, а затем убивал время до тех пор пока его снова не уводили сражаться. Ала это тоже касалось.

Он просто валялся в своей койке, благодарный за то, что ему удалось пережить ещё один день...

— Эй, Ал? Ты там слушаешь? Эээээээй, Ал!

— ... — Приторно слащавый голос мужчины заставил его поморщиться и перевернуться, лёжа на твёрдом полу. Повернуться спиной к собеседнику обычно означало полнейшее отсутствие заинтересованности в беседе с ним, но он, по видимому, этого намёка не уловил.

— Эй, ну хватит уже, — сказал он, трясая Ала за плечо. — Говорю же тебе, ты должен это услышать. Я говорю кое о чём очень важном!

— Я тебя не слушаю, к тому же ты бы что помер, прояви ты к человеку немного сострадания? Я только покончил со своей работой и жутко устал. Я хочу завалиться спать. Это единственная доступная мне чёртова радость жизни.

— Опять двадцать пять? Ты же знаешь, что есть на острове и другие приятные вещи кроме сна. К тому же, ты, Ал, весьма популярен. — Мужчина улыбнулся и подбородком указал на нескольких персон стоящих вдалеке. То было несколько вызывающе одетых женщин, и хотя официально сами они были рабами меча, они всё же служили на этом острове в качестве жриц любви. Их никогда - ладно, почти никогда - не вызывали биться на арене, но взамен, от них ждали исполнения роли отдушины для других рабов меча.

Иметь среди них “популярность” для Ала было почестью, которой по его же мнению, он был не достоин...

— Агх, — было всем что он сказал.

— Уа! Ал, так нельзя - Это просто за гранью грубости! Мы ведь с тобой о красивых женщинах говорим! Их труд ничем не хуже твоего!

— Я предвзят к ним не от того чем они занимаются. Дело...как бы в чувствах. — Ал нахмурился, борясь с неприятным ощущением пришедшим вместе с этим шквалом критики.

Конечно, он мог бы овладевать женщинами и играть с ними. Они бы махали ему, улыбались, каждая в поисках нового клиента. Некоторые из них оказывались сломлены найденным. К этим женщинам никто не проявлял доброты. Но даже в таком месте, они старались жить так хорошо как могли. Да кем он вообще был, чтобы обращаться с ними так будто они хуже его?

— Ты неловко себя чувствуешь в обществе женщин, и все же с ними ты всегда обходителен. Недаром ты им по душе, Ал.

— Просто им особо не из чего выбирать. Будь у них побольше вариантов, то на такого потасканного старого пердуна как я, никто бы не позарился.

— Хо-хо, в выражениях мы не стесняемся! Но это пожалуй одна из тех вещей, которые мне в тебе нравятся, Ал. — Возмутительно красивый мужчина улыбнулся ему. Ал вздохнул, не уверенный в том как ему быть с заискиванием этого человека.

Симпатичный мальчишка с длинными серыми волосами - звали его Убирк- был привезён на Гинунхайв в качестве раба меча пять лет назад. Он

был красивым и стройным, но не особо способным. На самом деле, он не годился для сражений от слова совсем; было очевидно, что его втоптали бы в грязь не позднее чем через пару минут на арене. Так как же все-таки он умудрялся выживать здесь целых пять лет? Так же как и те женщины.

Хорнет может и была наиболее отличившейся из числа рабынь меча, но было немало и других женщин доказавших свою доблесть на ринге. Обязанностью Убирка было следить, чтобы определенное их число всегда оставались довольны, точно так же как это делали жрицы любви для рабов меча мужского пола. Его умения в данной области и были тем, что так долго сохраняло ему жизнь.

— Так вот, Ал, возвращаясь к тому о чём я там говорил...

— Ты меня не расслышал? Не в настроении я болтать.

— Ой, да будет тебе. У меня для тебя особое приглашение от самой Императрицы.

— Так ещё не интересней. — Ал нарочито поморщился; на какое-то время он не хотел ни видеть её лица, ни слышать её имени.

Убирк широко улыбнулся в ответ. — Вау, вот как ты позволяешь себе говорить о Хорнет! Тебя ничем не напугать, так ведь, Ал?

— Не смейся. Ты ж меня видел только что. У меня от женщин кровь стынет. И от Хорнет само собой тоже. ЧТД².

— Чеее тээ... Чего? Ещё одно забавное словечко с твоей родины, Ал? Никогда не понимал их значения! — Убирк наклонил голову, пытаясь усвоить необычные слова Ала.

Ал не собирался распинаться чтобы объяснить их значение. Окончательно свыкшийся с таким поведением, Убирк настаивать не стал. К несчастью для Ала, это не означало, что тот перестал говорить.

— Ну же, только послушай. А иначе, в следующий раз когда мы с ней будем предаваться плотским утехам, Хорнет может меня прихлопнуть. Тебя разве не будет грызть из-за этого совесть?

— Оо, да ради всего...Если выслушаю тебя, обещаешь не донимать меня во время моего отдыха? Если справишься, выделю пару минут на разговор с тобой.

— Ха-ха! Какой же ты приятный малый, Ал. Жаль с женщинами обращаться ты не мастак.

— Захлопнись, — проворчал Ал, отмахиваясь от подколов Убирка и в то же время требуя его поторопиться и говорить на одном дыхании.

Наконец, Убирк перешёл к сути. А именно: — Ходят слухи, что на арене скоро произойдёт некое крупное событие. Важные шишки со всей Империи съедутся сюда.

— В самом деле? Они уже много лет так не делали. Почему сейчас?

— Потому что... Ну ты знаешь. Император Волакии нас покинул, и теперь у нас появился новый. Другими словами все имперские кандидаты мертвы.

— Они все мертвы, и значит у нас новый Император? О, так ты имеешь в виду, что последний выживший кандидат занимает трон. Ага, думаю это значит остальных больше нет с нами.

Объяснение Убирка оставляло желать лучшего, но Алу хватило смекалки сообразить что тот хотел сказать. Он тихо подмигнул.

Даже здесь на уединённом острове, до них дошла весть о смерти Священного Императора Волакии и про так называемую Церемонию Императорского Отбора, которую проводили для выявления его преемника. Чем бы ни было это предстоящее событие, он должно наверняка задумывалось как празднование в честь нового правителя.

— Вряд ли они испытывают друг к другу тёплые чувства, но думаю даже они не прочь закатить вечеринку в такие времена. Ставлю на то, что для таких как мы новость эта прескверная, однако.

— Просто рабу меча с десятилетним стажем по опыту больше знать положено, да? Моё тебе уважение! — сказал Убирк, поровну смешав серьёзность с сарказмом.

Ал цокнул языком. — Хорош. Мысли о моей опытности меня только в депрессию загонят.

Поразмыслив над аналогичными ситуациями из своего прошлого, Ал знал, что празднование в честь нового Императора наверняка не обойдется без смертельных матчей “особого” толка. Привычные правила поединка один на один подвергнут изменениям или же вовсе отменят. Был по крайней мере один случай, когда на десятерых рабов натравили крупного Зверодемона, пойманного специально для того действия.

— Бой с огромным как гора зверодемоном четыре года назад... Вот он был самым тяжким. Если бы не Хорнет, зарыли бы нас прямо там на месте. Рога той твари всё ещё украшают этот зал.

— Воистину, о таких сражениях слагают легенды. Так жаль, что пережить её удалось только тебе с Хорнет.

— Даа, и именно поэтому ко мне теперь столько внимания от неё.

До того момента, она видела в нём лишь не подающую надежд мелкую рыбёшку, но то, что ему посчастливилось выжить в том кошмарном побоище, к превеликому огорчению самого Ала, пробудило в ней интерес. С тех пор она прохода ему не давала каждый раз когда они оказывались рядом друг с другом. Она поистине являлась творцом его кошмаров.

И всё же нельзя было сказать, что он не был ей обязан - благодаря ей он смог пережить ту ожесточённую схватку четыре года назад.

— Но порой, если не можешь бороться с течением, то плывешь по нему. Ну так что там? Чего хочет Хорнет?

— Обещаю, ничего замудрённого. Предстоит крупное торжество и поэтому будет много народа из тех кого обычно здесь не встретишь. А это значит...

— ... — Ал ничего не ответил.

Убирк перешёл на шёпот. — Мы могли бы просто взять в заложники кого-нибудь важного, может даже верховного графа или ещё кого повыше. А потом мы сможем потребовать нас освободить!

Ал снова поморщился. Как бы дерзко она ни звучала, но для него эта пластинка была уже заезженной. — Вы ребята всё никак не уймётесь, да? Сколько ты уже мусолишь эту затею?

Убирк уже не в первый раз заводит при нём свою шарманку об этой чрезвычайно несбыточной мечте, и Ал уже начал понемногу от неё уставать.

Убирк не был одинок в этом; многие рабы меча этого острова втайне помышляли о попытке побега. Покуда они пребывали здесь, ни один раб меча не был уверен наступит ли для него завтрашний день. Желать свободы было самым естественным из желаний во всём мире. И всё же...

— Я тебе зуб даю, что сотни, а может и тысячи людей вынашивали эту же самую мечту до тебя. И знаешь скольким удалось слинять? Ни одному. Удрать отсюда это нелепая и безнадёжная затея.

— Поверь мне, я в курсе. Но это лишь потому что они либо не продумали всё как следует, либо действовали спустя рукава. Тем планам было суждено провалиться, так и случилось.

— Думаю можно и так на это посмотреть. — Ал не стал возражать Убирку, но планы все составляли, держа в уме идеальные условия. Доводов Убирка было недостаточно, чтобы побороть равнодушие Ала к данной теме. — Всё равно, не могу себе представить, чтобы Хорнет подписалась на подобную хрень. Императрице здесь нравится. Она же берсерк³ и живёт ради битвы.

Хорнет жила без ограничений и ни в чём не нуждалась; она нашла для себя место, где исполнялся любой её каприз. Ал не мог понять с чего бы ей поступаться таким почётным отношением к её персоне. От того, в свою очередь, крайне подозрительно начинало звучать то, что приглашение исходило от самой Хорнет.

— Я тебя раскусил. Извинишься прямо сейчас, и я может быть тебя прощу. — сказал Ал.

— Ха-ха-ха-ха! Не сработало, значит? Хорнет ты похоже нравишься, Ал, вот я и подумал, что ты мог бы её уломать...Ааай!

— Я сказал, что *может быть* прощу тебя. — Ал стукнул простодушного с виду Убирка костяшкой пальца по голове, от чего глаза последнего наполнились слезами, а затем толкнул его в сторону.

Не отказав Убирку в мимолётной беседе, Ал лишь существенно ухудшил своё и без того печальное положение. И всё же, стоило наверное уделить внимание тому, что на острове скоро пройдёт крупное мероприятие. Особенно, учитывая то как много подобных событий ему довелось пережить в прошлом и сколько раз он был уверен что вот вот умрёт.

— Именно поэтому нам нужно преодолеть столь нелёгкие времена и...

— Исчезни уже отсюда! В следующий раз, я врежу тебе всерьёз! — пригрозил назойливому Убирку кулаком Ал, намереваясь избавиться наконец от мальчишки с дурным глазом.

Хоть язык у Убирка и был подвешен, но быть такого не могло, чтобы он всерьёз верил в свой план побега. Это было мечтой, которую рабам меча ни за что не претворить в жизнь, желанием которому не суждено сбыться.

К тому же Ал на своём веку в достатке повидал недостижимых грёз.

Он был рабом меча вот уже более десяти лет и уже не помышлял об иной жизни.

Мышцы пожилого слуги едва ли не скрипели от напряжения повисшего в комнате. Для ветхого старика дворецкого, служение другим было даром свыше. Вот уже более пятидесяти лет он работал на семью Пендлтонов, начиная ещё с родителей нынешнего главы семейства. Даже не будь он так сильно обязан своему хозяину, их всё равно связывали близкие отношения ведь последний рос у него на глазах. Всё вышесказанное значило, что дворецкий желал своему господину одного лишь добра.

И всё же...

— Хмм...

Чашка, поданная дворецким на стол, оказалась в руке и тонко очерченный нос вкушал аромат её содержимого. Он был уверен, что ему удалось соблюсти все основы как полагается - как долго заваривать чайные листья, температуру воды, и все остальные детали. Степень его самоотдачи могла бы вызвать изумление, но вкус чая может кардинально поменяться от малейшего отклонения по любой из целого ряда причин.

Взор, в коем блистали как красота так и знания о всех этих вещах, пристально изучал плоды его труда. Удастся ли ему угодить его обладателю? Такой была поставленная задача, которой был одержим каждый обитатель этого дома в данный момент. Работать лучше и усерднее дабы выказать должное уважение их господину. Не то чтобы это сильно беспокоило дворецкого, но, быть может, персону созерцавшая чашку его возмутила.

— Могу ли я спросить каким вы его находите, Госпожа? — Дворецкий не разогнулся, продолжая кланяться.

— Приемлемым я аромат желаю счесть. Остался только вкус. Теперь его узнаем... — Говорящей была персона бывшая второй по важности после самого хозяина дома: супруга Джораха Пендлтона, которому так долго служил этот дворецкий.

— ...

Губы цвета вишни коснулись края чашки. Дворецкий сбоку наблюдал за девушкой потягивавшей чёрный чай. Сей вид вызывал у него улыбку. Его господин так долго не встречал достойных кандидаток в жёны - а теперь, наконец, в своём преклонном возрасте, ему впервые посчастливилось жениться. Событие это было радостным. Даже несмотря на то, что супруге его было каких-то двенадцать лет от роду.

Разница в возрасте навряд ли была в диковинку среди аристократических супружеских пар, а браки по расчёту и вовсе были чуть ли не продиктованы этикетом как способ упрочить связи между знатными

семействами. Но чтобы мужчина за пятьдесят принял к себе двенадцатилетнюю невесту - даже дворецкий с его выслугой лет поймал себя на том, что был этим озадачен. Не в последнюю очередь потому как эта конкретная жена, казалось, не давала никаких преимуществ.

В то же время, элементарная порядочность Джораха не подлежала сомнению. Он обладал редчайшим среди имперской элиты качеством - добротой - и её было достаточно дабы вселить в сердце дворецкого непоколебимую верность. Эта преданность сподвигла его на то, чтобы стараться по мере своих сил оказывать этой девушке всяческое содействие, зная, что она будет подавлена сменой обстановки. Да, дворецкий со всей своей незыблемой решимостью принял молодую супругу своего господина.

Эта решимость моментально рассыпалась перед лицом самой этой девушки.

Да, девочке были двенадцать лет. И да, она явилась в усадьбу Джораха, имея за душой лишь юность, при отсутствии собственного домовладения. Но она была поразительно хороша собой, а душа её пылала ярче любого пламени.

Присцилла. Так звали эту волевою молодую особу, объявившуюся в его доме словно завоевательница. Присцилла Пендлтон.

— Недурно, — сказала девочка, чей голос, исходящий из её щуплого горлышка, будто бы впивался в мозг слушателя. Дворецкий не сразу понял, что та дала оценку его чаю. Причина его запоздалого осознания этого факта была проста: лицо этой девочки. Ничего особенного не произошло или не поменялось - она попросту была настолько хороша собой, что он был ею очарован; время по ощущениям словно прекратило свой ход.

И когда течение времени возобновилось, а до дворецкого дошли её слова похвалы, он затрепетал. Эта девушка, чей возраст не был равен и четверти прожитых им лет, своим комплиментом заставила кровь в его жилах бежать быстрее; чувство беспомощности сковало саму его душу.

Для этих старых костей просто быть дворецким уже было даром свыше. Вероятно, что для такого человека было вполне естественно кланяться перед той что была прирожденной правительницей. Ибо служить кому-то означало находиться в его полной власти.

— Покиньте нас, изволю я с супругом говорить.

— Да, сударыня. — Дворецкий, не задумываясь, покинул комнату. Его интересовало то сделает ли она ещё хоть один глоток чая, пока он будет выходить. Он задавался вопросом, одарит ли юная завоевательница его работу подобным знаком одобрения.

Старый дворецкий чуть ли не буквально пылал надеждой, тихо оставляя комнату.

Когда дворецкий вышел и они оказались одни, раздался слабый голос: — Кажется, ты всех держишь под своим каблучком, Присцилла. — Обладателем этого голоса был мужчина в годах, сидевший в наиболее удалённом от входа кресле, бывшем самым важным в этой комнате, что бы это ни значило. В нём проглядывались апатия и первые седые волосы, но он был хозяином этого дома - Джорахом Пендлтоном.

Можно было утверждать, что ему, как графу в Священной Империи Волакии, повезло с его происхождением и статусом в обществе. Его тяжёлый взгляд был сосредоточен на красивой девушке с глазами алыми как кровь и ярко-оранжевыми волосами, собранными заколкой с драгоценным камнем - Присцилле.

То каким образом Джорах начал их беседу предполагало, что разница в возрасте не была единственным барьером разделявшим эту супружескую пару.

На нерешительное обращение своего мужа к ней Присцилла ответила – Ба — и громко фыркнула. — Говоря со мной, изволь не пресмыкаться и не хрипеть, ведь разницу меж голосом твоим и слабым ветерком едва ли я могу узнать. Или погоди - ужели правда ветер мне только что случилось услышать?

— Н-нет, нет, не ветер. Это я с тобою говорил... Я лишь имел в виду то, что ты прекрасно ладишь с прислугой.

— Хмф. Коль так считаешь, то лишь докажешь насколько слеп на самом деле ты.

— Что? — сказал Джорах, широко открыв глаза.

Нелепую реакцию своего мужа Присцилла встретила с недовольным выражением лица. — Послушай. Отнюдь не значат отношения эти, что с ними я в ладах. Они лишь воле подчиняются моей. Неведома для них иная жизнь кроме как кланяться, расшаркиваться да прислуживать. Мне стоит лишь указания выдать им, и вот те счастливо хвостом виляют.

— П-понимаю...Наверное...

— Раз уж на то пошло, то я удивлена сколь долго умудрялся ты держать при себе столь посредственную службу.

— Держать при...? Прости. Кажется я не совсем поспеваю за ходом твоих мыслей...

Присцилла, прикрыв один глаз, ещё пристальнее посмотрела на, продолжавшего несвязно бормотать, Джораха, но тот даже под её испепеляющим взглядом не стал вести себя иначе.

— Ты как никогда загадочен. Я говорю о том как не достаёт тебе желаний, стимулов, что каждому даны природой. Не стану говорить мол не встречала я людей тебе подобных. Но...

— Д-да? — запнулся Джорах.

— ...раз так, никак мне не понять, зачем решил меня ты в жёны взять. — Присцилла к тому же продолжала сверлить его тяжёлым взглядом.

Проявив великодушие, нрав Джораха можно было бы назвать добросердечным. Умерь его, и он предстанет трусом, которому недоставало либо твёрдости характера либо тяги к приключениям. Он был доволен всем, следуя проторенной дорогой, никогда не сворачивая с неё в необузданную глушь.

Весьма занятным он мог не быть, но обладал стойкостью и надёжностью - качествами что сложно было встретить в Империи, в которой высоко ценились жизни, пылающие ярко, преград не зная. Джораха часто высмеивали за его слабохарактерность и вероятно именно поэтому он так долго оставался в холостяках.

Правила, которым следовал Джорах Пендлтон, были просты: Он не искал себе приключений, и не участвовал в авантюрах. И всё же, свадьба с Присциллой, казалось, шла вразрез с обоими его принципами. Это была, возможно, крупнейшая авантюра из всех. Ибо...

— Я в курсе, что тебе известна тайна личности моей. Я Приска Бенедикт, особа юная, которой должно было умереть во время Церемонии Императорского Отбора.

Она промолвила имя члена императорской семьи, побежденного, и предположительно погибшего по итогам кровавого состязания призванного определить следующего Императора Волакии.

Но Приска не погибла. Инсценировав свою смерть, она продолжила жить. Но не под своим именем, а под личиной девушки по имени Присцилла Пендлтон, которая ещё только постигала основы лавирования в водах приличного общества. Многие пожертвовали всем дабы уберечь эту девочку от гибели, но когда Присцилла вышла за Джораха, то не скрыла от него ничего из всего этого.

Разумеется, откажи он ей, беря в расчёт всё, что он знал, то весьма маловероятно что она оставила бы его в живых. Поэтому над Джорахом нависла своего рода страшная угроза, когда она рассказала ему всю правду. Но это не отменяло того факта, что, зная эти обстоятельства, он всё же согласился взять Присциллу в жёны. По какой причине? Даже Присцилла, в считанные мгновения заставившая старого дворецкого кланяться ей и потакать любым её прихотям, была не в силах разгадать истинных намерений Джораха.

— ... — Джорах был в меру удивлён, но затем губы его расслабились, расплывшись в легкой улыбке, в благосклонном выражении лица коим принято глядеть на малое дитя неспособное найти ответа на вопрос.

— Быть может супруга моего собой являешь, но правом унижать меня подобным взглядом ты не владеешь, — сказала Присцилла.

— П-помилуй меня. Я лишь... До сего момента, ты вела себя словно юный мудрец, неизменно видящий всё насквозь. Я был удивлён, поняв...

— Поняв что?

— ...что, временами, ты ведешь себя на свой возраст. — С точки зрения Джораха, это замечание само по себе было сопряжено с немалым риском. Казалось, что про себя он рассматривал возможность того, что ему начисто снесут голову. — Тебе н-нет нужды беспокоиться. У меня нет намерений использовать тебя, разоблачить или любой другой подобной цели. В данном вопросе я с тобой абсолютно искренен.

— Очень хорошо, — сказала Присцилла спустя мгновение. — Что бы ты ни затевал, значенья это не имеет всё равно . Ибо в этом мире всё на благо мне.

— ...

Джорах ничего не ответил. Философские взгляды Присциллы можно было бы охарактеризовать как веру в предначертание или пожалуй в судьбу. Как только эти слова покинули её уста, выражение лица Джораха смягчилось вновь. Однако, прежде чем Присцилла успела отпустить комментарий по этому поводу...

— Простите меня, Господин, — сказал дворецкий, снова появившийся в комнате, постучав в дверь. Прервав личную беседу хозяина и хозяйки этого дома, он поступил неподобающим для себя образом, и человеку с его огромным стажем, следовало яснее осознавать это. Его бестактность прояснил доклад, который он им представил: — К нам посетители от Верховной Графини Дракрой.

— Верховная графиня? Впервые об этом слышу, — сказал Джорах, поморщившись, но затем он воскликнул, — Присцилла?! — Ибо жена его уже была на ногах и уверенным шагом устремилась прочь из комнаты. Крик её мужа нисколько её не замедлил, вместо этого она напрямик направилась ко входу в особняк.

Когда она оказалась в вестибюле, то была встречена протяжной речью: — Ну вот. Нас обнаружила такая милая юная леди. — Слова исходили от незнакомого Присцилле стройного молодого человека; в ответ она удивлённо выгнула бровь. Парню было, наверное, лет семнадцать или восемнадцать, а в руках он сжимал тонкий свёрток. С дружелюбной улыбкой на лице он помахал Присцилле. — Вы малютка Графа Пендлттона? Ваш папенька сегодня до...?

— Бал, идиот, язык твой без костей! Нет у Графа Пендлттона никакой дочери! Не забегай вперёд! — Мужчина поменьше, стоявший подле разговорчивого гостя, отвесил тому смачный подзатыльник.

— Йауч! — взвизгнул молодой человек, удар вышел весьма гулким. — Майлз, брат, за что ты так?! Знаю что в голове моей опилки, но даже так, будет нехорошо, если ты её расколишь!

— Замолкни! Если голова твоя пуста, то тебе надо бы её наполнить прежде чем снова светиться здесь! И больше не делай меня частью своих бестолковых проколов!

— Проколов?! К чему это ты конкретно клонишь? В чем я по-твоему облажался?

— Граф Пендлттон лишь недавно сыграл свадьбу с молодой невестой! Поэтому используй свою пустую башку по назначению и попытайся напрячь извилины! Мы прибываем в особняк Графа Пендлттона, у коего нет никаких дочерей, и тут пред нами предстаёт юная леди...

— О! Я понял. — наконец связав всё воедино, парень кивнул и прошёлся рукой по своим каштановым волосам.

— А ты не торопился, — проворчал невысокий мужчина, пожимая плечами словно он был измучен. — Было у тебя всегда два основных качества - тупость и умение создавать проблемы. Не будь я вынужден ходить за тобой повсюду по пятам с тех пор как ты был мелким, Бал, то клянусь, я бы давно отпустил бы тебя на все четыре стороны...

— Поверь мне, брат, я многим тебе обязан. Но тебе не кажется, что ты и сам ошибочку допустил?

— Э? Что я до...? Оу! — к этому моменту их разговора, низкорослый мужчина таки заметил виновницу их спора и замер.

Но всё бы здорово да замечательно, вот только Присцилла, бывшая предметом обсуждения, наблюдала за этой перепалкой, не проронив ни слова. Как только двое визитёров повернулись к ней, она пожала своими хрупкими плечами и сказала, — В чём же дело? Продолжайте. Вниманья мне не уделяйте. Двух клоунов вид, что спорят меж собой, весьма потешной вышел сценой. Ну же, валяйте.

— Гррр... На нас сыграла как на скрипке мелкая девица...

— Поосторожнее, брат, ты начинаешь грубить. Как на счёт того, чтобы нам начать с извинений?

— Гррр...—

Эту парочку от слов Присциллы затрясло. У неё не было конкретного намерения над ними насмехаться, но она всё же была опечалена тем как ей пришлось отпустить с крючка столь потешных шутов, которые, казалось, наверняка бы пред ней скакали и извивались, что бы так ни сказала.

— П-Присцилла, это мои гости. Прошу не слишком увлекайся, потешаясь над ними...

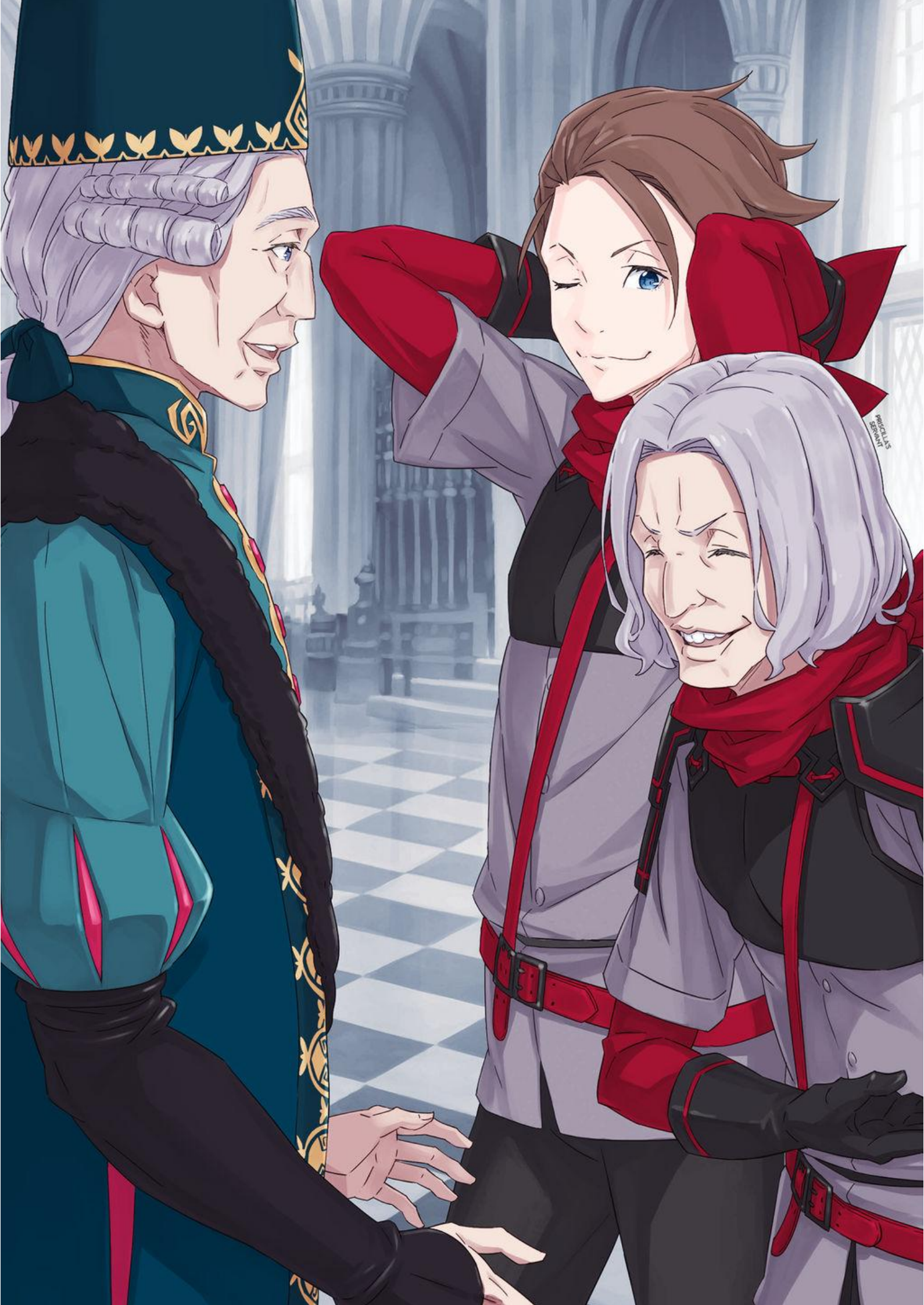
— Хмф. Наконец нагнал, да? — сказала Присцилла, чьи раздумья над её следующей репликой были прерваны, подоспевшим Джорахом.

— Ах, — ответил граф, слегка вскинув бровь при виде тех двоих, что стояли перед его женой. — Мне передали, что к нам явились посланники от Верховной Графини Дракрой. Я и не думал, что подразумевали тебя, Майлз.

— Граф Пендлтон! Столько воды утекло, слишком много, — сказал небольших габаритов мужчина по имени Майлз, очевидно знакомый с мужем Присциллы. Он преклонил колено перед Джорахом, и парень подле него спешно последовал его примеру.

— Кто это? — спросил Джорах, наблюдая за заметно менее искушённым из двух посланников. — Я не узнаю его. Он новенький?

— Да, именно так. Он мой очень давний друг. Верховная Графиня Дракрой была достаточно добра, чтобы дать ему работу. Видите ли, он располагает достаточно редким талантом укротителя небесных драконов. — Он толкнул молодого человека локтем. — Представься!

www.scribblelabz.com

— Само собой, брат. Представляюсь! — Парень посмотрел на Джораха, и Присцилла заметила, что её мужа чуть было не ошеломила та непосредственность с которой тот на него взглянул. Она улыбнулась, узрев такую напористость во взгляде. Молодой человек должно быть скрывал это за ширмой своей беспечности, он мог оказаться кем-то весьма особенным.

Абсолютно не подозревая, что Присцилла оценивала его, парень положил руку себе на грудь и сказал, — Рад нашему знакомству. Меня зовут Балрой Темегриф. Мой старший братец Майлз с самого моего детства приглядывал за мной – и, как видите, всё ещё не перестал.

— Я знаю. Майлз всегда умел заботиться о других. А это занятие укрощением небесных драконов, вы...?

— Слушаюсь. Мне под мою опеку достался довольно темпераментный образчик. — Широкая улыбка Балроя казалось намекала на его бесстрашие - но вместе с последней фразой изменился характер выражения его лица. Пускай улыбка его и была несколько неуместной, но она всё же стала выражать уверенность в себе.

— На сколько помню я, умение приручать небесных драконов это тайное искусство передаваемое в определённых семействах, — сказала Присцилла. — Способ заполучить небесного дракона во служение, существо что обычно не питает к людям нежных чувств.

— Так и есть, мисс. А вы настоящий знаток. Вы хоть и малы, но учились должно быть весьма прилежно — Оуоуоу!

— Это тебе следовало бы подучиться! Тому как соблюдать чёртовы правила приличия! — Разгневанный тем как быстро Балроя покинула последняя частичка учтивости, Майлз крепко ущипнул того в спину, в то время как его речь также подрастеряла в плане вежливости.

— Прошу, пожалуйста, — вмешался Джорах. — Не стоит позволять таким мелочам так вас расстраивать. Мне следовало представить её раньше. Это Присцилла Пендлтон...Она моя, кхм, жена.

Присцилла фыркнула от одной только мысли, что это всё на что Джораха хватило, представляя её. — Вообразите себе мужчину за пятьдесят что жену свою представить не способен, дара речи не лишившись. Встань прямо и с уверенностью вещай! Мужчины удачливей тебя на свете нет. Ибо посчастливилось тебе моим супругом стать! в ответ Джорах мог лишь неловко улыбнуться, пока Балрой и Майлз продолжали глазеть на них со слегка округлившимися глазами.

— Батюшки! Знаете, эта мысль меня посетила ещё во время нашей беседы чуть ранее, но какая же всё таки боевая у вас жена, Граф Пендлтон.

— Да, боюсь, что я всецело в её власти...

— Глупец. Тем больше причин польщённым быть. А что до тебя, грубиян вульгарный, то я не потерплю чтоб обрисовывал меня банальным словом “боевая”. Она сделала паузу. — Хмм. Нет, пожалуй “вульгарный” тебе всё же не годится.

— Ээ, мне принять это за комплимент? — Сказал Балрой, вопрошающе глядя на Джораха, но граф лишь с неловко, но с теплотой улыбнулся; он определенно не имел никакой власти над своей новой женой.

Тем, кому наконец удалось вывести разговор из тупика, бы Майлз, уже какое-то время хранивший молчание. — Так. Кхм, Граф Пендлтон, мы прибыли к вам с посланием от нашей госпожи. Разрешите передать его вам?

— Оу, разумеется, простите, что заставил вас ждать. Послание от Серены? О чём оно?

— Думаю, он касается острова рабов меча, — вызвался ответить Балрой.

— Остров рабов меча... Да, кажется он упоминался, — сказал Джорах, беря в руки запечатанное письмо, проверяя его содержимое. Он вздохнул. Ему не очень то по душе была сама идея этого острова.

— Остров рабов меча... Гинунхайв. Знаешь, а ведь мне ещё не доводилось там бывать, — сказала Присцилла.

— Хо! Заинтересовались, хозяйюшка? — спросил Балрой. — Аа, знаете, я сам всегда хотел повидать это место, так что это вести добрые!

— Хмм. Мне стоит полагать, что моего никчёмного супруга ваша госпожа намерена позвать на этот остров?

— Мм-хмм, я бы сказал, что примерно так и есть, — подтвердил Балрой. Присцилла схватывала всё на лету. Хотя, Майлз, выглядел раздражённым обменом репликами между его “младшим братом” и Присциллой. — Ну же, Майлз, в чём дело? — спросил Балрой.

— Меня интересует зачем нам в принципе было утруждать себя доставкой письма...

Казалось, что ему сполна хватало хлопот с этим так называемым младшим братом. Но, быть может, так оно и было на самом деле. — Наполните сосуд водой сверх меры и, разумеется, что через края она польётся, — озвучила

своё наблюдение Присцилла. — Коли этого желаешь избежать, изволь же из него ты безустанно отпивать. Но даже так, вода рискует убежать.

— Я это запомню, — сказал Майлз. Он казался достаточно сообразительным. Тот факт, что он не отмахнулся от слов Присциллы как от детского лепета, прекрасно иллюстрировал собой причину, по которой Балрой его уважал.

Оставалось лишь ответить на послание.

— Я очень рад получить приглашение от Верховной Графини Дракрой, — сказал Джорах. — Однако, я боюсь, что мы слишком заняты, поэтому я буду вынужден...

— Не обращайтесь на него внимания. Мы примем приглашение на остров рабов меча.

— П-Присцилла?! — Джорах свернул приглашение и уже был готов вежливо от него отказаться. Его лицо выдало несвойственный ему накал эмоций, когда он наклонился и прошептал ей на ухо, — Присцилла, остров рабов меча принимает множество гостей. Что если кто-то из них узнает тебя?

— Такова твоя причина отклонить приглашение? Тогда позволь мне донести до тебя мою причину его принять.

— Т-твою причину? Что бы ни могло сподвигнуть тебя на...?

— Всё довольно просто. Этот остров интересен мне.

Джорах посмотрел на неё в неподдельном изумлении. Именно так Присцилла коротала свой век; это было сродни тому как жена ласково просит своего мужа об услуге. Даже если из-за сложившейся ситуации трудно было назвать этот момент ласковым. Тем не менее...

— ... — Джорах едва ли мог говорить.

— Граф Пендлтон, как бы вы хотели поступить? Наша госпожа не требует срочного ответа, поэтому, если вам нужно время обдумать своё решение... — предложил Майлз.

Джорах, однако же, отклонил столь любезное предложение, сказав — Нет, спасибо, — и покачал головой. — Вам нет нужды томиться в ожидании моего ответа. Прошу, передайте Верховной Графине Дракрой, что мы... мы принимаем её приглашение.

— Оу, приятно это слышать. Уверен, госпожа будет рада. — сказал Балрой, который, казалось, был столь же доволен полученным ответом, сколь был он слеп к тому как тяжело тот дался Джораху.

Майлза глядел на Джораха, выражая куда более противоречивые эмоции, но он всё же не смел подвергать сомнению принятое им решение. Вместо этого, он отвесил низкий поклон и сказал, — Превосходно, сир. В письме вы найдете подробности на счёт времени и места. Если вы пожелаете, чтобы мы доставили ваш ответ, то мы с радостью это исполним.

— Не будет в том нужды. Не верю я, что даже ваши головы достаточно пусты чтобы ответ простой не донести домой. Извольте же его своей хозяйке принести, — сказала Присцилла.

— Ха-ха-ха! А она нас подловила, брат. Прямо в яблочко!

— Заглохни! — крикнул Майлз, чей голос раздался на весь особняк. На последок они вновь позволили себе поведение неподобающее официальным посланникам.

С сильным взмахом крыльев два небесных дракона взмыли в небо.

Даже по меркам драконов, Небесные драконы были особенно темпераментной и буйной расой, которая, по слухам, иногда была такой же непостоянной как и Зверодемоны. В отличии от Земных драконов, которым нравились люди, или Водных драконов, которые боялись их, но поддавались дрессировке, найти общий язык с Небесными драконами было существенно труднее. Тех, кто умел это делать называли Наездниками Небесных драконов, а секрет этого ремесла, который был известен лишь в Волакии, никогда не покидал её границ. Так получилось, что Балрой и Майлз оба были среди почетных Наездников Небесных драконов, которых, как говорят, было менее сотни во всей Империи.

— Знаешь, я не припомню, чтобы когда-то летала на Небесном драконе...

— Присцилла, н-не говори мне, что ты хочешь оседлать Небесного дракона...

— Ха. Тебе не нужно так беспокоиться. Даже я понимаю, что это не настолько легко осуществить. Я знаю, что даже такая утонченность как у меня теряется для зверей, которые повинуются лишь своим природным инстинктам.

— Понятно. Да... это обнадеживает. — Джорах в облегчении положил руку на грудь.

Присцилла отвернулась от уходящих посыльных, взглянув на своего мужа. Как обычно, он создавал впечатление робкого труса во взрослой одежде. Однако он принял опасное решение: отправиться на Остров Рабов Меча вместе с Присциллой.

— Хмм? — спросил Джорах. — Что-то не так?

— Твои мотивы продолжают озадачивать меня. Хмм. Иль возможно, это именно то качество, которое позволило тебе соответствовать минимальным требованиям, чтобы стать моим супругом. — пробормотала Присцилла, жалуясь на непостижимую натуру характера Джораха. Будь он поглощен красотой Присциллы, желая её лишь для того, чтобы удовлетворить свои животные желания, он не продержался бы и ночи после их брака. С другой стороны, пытаться воспользоваться настоящей личностью Присциллы было бы слишком опасно для него. Он не подходил для таких заговоров и уловок, и это сделало его подобным бомбе, которой ещё предстояло взорваться.

Наконец, поняв, что в данный момент она не сможет разгадать эту тайну, Присцилла сказала — Сейчас я отложу это в сторону. На данный момент я гораздо менее заинтересована в своем непримечательном муже, чем в этом Острове Рабов Меча.

— Не-непримечательном? Это больно...

— Если ты не желаешь быть раненым, заинтересуй меня. По крайней мере, сейчас ты не более интригующий, чем спектакль, который я никогда раньше не видела.

Джорах сгорбился под беспощадной атакой его жены. Тем не менее, он, очевидно смог выстоять наказание, поскольку хоть он и

не выпрямил свою осанку, все же умудрился сказать — Просто чтобы убедиться... ты ведь не поддалась моменту? Ты действительно собираешься отправиться на Гиннунхайв?

— Конечно собираюсь. Речь ведь идет о Дракрой... Кхем, Верховной Графине Дракрой. Принять ее приглашение, а потом отказать было бы таким оскорблением, что она вполне могла бы пойти войной против нас. Даже я не планирую терять дом, в котором только что вышла замуж. Такое трудно было бы стерпеть.

Джорах сжался еще сильнее, однако Присцилла уже почти не обращала на него внимания. Её багровые глаза смотрели в небо, на горизонт, за которым скрылись Небесные драконы - её мысли об Острове Рабов Меча, что должен быть где-то там. Её всё ещё плоскую грудь переполняли чувства от одной лишь мысли об этом месте. Даже Присцилла не могла предвидеть того, что их там ждало. Но даже так...

— Это не имеет значения. Ведь этот мир рождён, чтобы служить мне.

— Ахх! — Ал резко встал на постели, когда его внезапно охватил страх. Он быстро оглянулся вокруг, но ничего необычного не увидел.

— Ал! Эй, чувак! Что это сейчас было? Дурака валяешь?

— Гах-ха-ха-ха-ха! Тебе не надоело быть в центре внимания?

Остальные рабы меча, наслаждаясь напитками поблизости были более чем рады заставить его поволноваться об этом. Так же, как и проституты, здесь на острове были и свои знатоки в кулинарии и пивоварении.

Ал глядел на своих товарищей-пьяниц, проводя рукой по густым чёрным волосам.

— Ауууу, Ал? Ааааал! Только не говори мне что ты обиииделся!
— сказал один из них.

— Прекращай уже имитировать Хорнет. Ты как кошмар наяву.
— сплюнул Ал. Затем он медленно поднялся на ноги. Его настроение никогда не поднимется если он будет спорить с пьяницами. Отмахнувшись от них, он надеялся найти место, где мог бы побыть один. Однако, он должен был быть осторожным - ему не хотелось бы случайно наткнуться на Хорнет или Убирка. С этой мыслью он осознал, что единственный человек, рядом с которым он мог расслабиться был Орлан, и это невыносимо угнетало его.

Ал бродил туда-сюда, пока не выбрался из удушливого подземелья наружу в ночной ветерок.

...

Прямо к подземелью примыкало пространство, предназначенное для использования рабами меча, небольшой плацдарм, где патрульные охраняли внешние стены острова. Разводной мост был единственным доступом к острову и наружу, но охрана “очень небрежно заботилась” о том, чтобы люди внутри не выбирались на поверхность. Конечно же это позволило некоторым идиотам попытаться переплыть огромное озеро...

— Но это не очень хороший план, когда озеро кишит Зверодемонами. Отправившись туда ты лишь встретишь смерть. — пробормотал себе Ал.

Таким образом, даже с подходом к охране по принципу невмешательства, ни одной живой душе еще не удавалось сбежать с Острова Рабов Меча. В таком месте даже мечтать о свободе было пиком глупости.

Это напомнило Алу о нелепом лепете Убирка ранее этим днем, и он злобно щелкнул языком. Это была простая болтовня, и обычно, он бы пропустил это мимо ушей, но сегодня его терпение лопнуло.

— Предаваться мечтам положено во сне, чёртвов ты идиот. — проворчал он. Он взглянул на небо и увидел полумесяц. Он выглядел ужасно большим, однако тем, что привлекло его внимание была не сама луна, а звёзды, что укрыли собой все ночное небо вокруг. Бесчисленные огоньки света. Ал долго смотрел на них, и затем прикусил губу.

— Неудачные звезды. Вот что стоит за всем этим.

Празднество, которое должно было состояться на этом острове было очень, очень близко.

Сама свирепость - это было первым впечатлением Присциллы о Верховной Графине Дракрой. Она была невероятно высокой женщиной, а её стройные руки и ноги были в тонусе. И все же это не лишало её утонченности; она все ещё имела женственную фигуру, которая отбивала любую мысль о том, что она посвятила всю себя лишь военному делу.

Её можно было описать как прекрасную, но необузданную бестию.

Волны ржаво-рыжих волос струились по ее спине, укрытой не платьем, а достойным капитана торгового судна плащом. Кто-то мог бы сказать, что она совсем не похожа на дворянку, однако позволить себе такое могли лишь за ее спиной, поскольку в Империи сильные и способные сами решали как себя презентовать.

Кому бы в таком случае хватило смелости что-либо возразить Серене Дракрой, также известной как Палящая Леди?

— Давно не виделись, Граф Пендлтон. Как ваше здоровье? — С улыбкой произнесла Серена, однако нельзя было не заметить старый шрам, простирающийся по левой стороне ее безупречного лица. Этот большой светлый шрам был оставлен клинком, доставшимся ей в качестве подарка от отца, когда она взяла бразды правления семьей в свои руки. А прозвище Палящей Леди

появилось в итоге свирепой борьбы внутри семьи, в которой ее отец был сожжен заживо, предположительно, ее же руками.

— Серена! Я благодарен сказать вам, что все хорошо. И вы тоже кажетесь в хорошем здравии. Это замечательно. — Скромная улыбка Джораха сильно контрастировала с легким и уверенным приветствием Серены. Присцилла уже привыкла к кротости своего «любимого» мужа; такова была его натура, и отнюдь не знак того, что он запуган превосходящим чином Серены.

Граф и графиня, мужчина и женщина, один из них мягок, а вторая решительна - хоть они оба и казались совершенно разными существами, с более чем двадцатилетней разницей в возрасте, эти двое все еще были товарищами.

И все же, столкнувшись с мужчиной «за пятьдесят» и его двенадцатилетней женой, даже Серена не могла слегка не удивиться. — Ты, должно быть, новенькая жена, о которой я уже хорошо наслышана, — сказала она, остановив свой взгляд на Присцилле. — Мне говорили что ты довольно молода, и меня посетила мысль, что может быть, именно по этой причине он так долго был одинок... — Пока ее супруг съежился в боли, Присцилла стояла рядом, как в своей тарелке. — Однако, ясное дело, слухам не всегда нужно доверять. Вижу, что Майлз и Балрой составили мне довольно точный доклад.

PRICILLA'S
SERVANT

— Хоо, неужели они доложили обо мне? И какими же прекрасными словечками я была обольщена?

— Они говорили о высоком достоинстве, несмотря на ваши годы, насколько я помню. И если моя память мне не изменяет, то вы в их глазах предстали «дерзкой», от чего у них появилось желание «поучить вас манерам».

— Хоо...

Присцилле хватило смелости беседовать с Сереной не представившись должным образом, однако верховная графиня, по всей видимости, не заостряла на этом внимание. Алые глаза Присциллы нахмурились, посмотрев на двух мужчин, стоявших позади Серены - Балроя и Майлза, выполняющих роль посланников графини. Майлз отвел свой взгляд, а Балрой глупо ухмыльнулся и помахал ей рукой.

— Я полагаю, нет необходимости уточнять, кто из них старший. — подметила Присцилла.

— Я бы не была так уверена в этом. По нему не скажешь, но Майлз очень проницателен. Они оба важные для меня пешки. Не хочу вас огорчать, однако вы не сможете их присвоить себе, даже если уже положили глаз.

— Я не нуждаюсь в них. Единственные, кто достоин стоять рядом со мной, это люди, превозносящие мою красоту, или хотя бы в достаточной мере клоуны, чтобы не утомлять меня. Откровенно говоря, даже мой муж не соответствует ни одному из требований.

— Ха?! Каким боком это относится ко мне? — воскликнул Джорах с голосом, еще более тонким, чем обычно.

— Ох, прекрати ныть. — фыркнула Присцилла, схватив своей худой рукой его.

В настоящее время, Присцилла и Джорах покинули особняк, в котором они уже свыклись с супружеской жизнью для того, чтобы принять приглашение Верховной Графини Серены Дракрой. Это привело их далеко к западным окраинам империи. А именно, к

острову рабов меча Гинунхайв, на котором проводилось празднование принятия нового императора.

— Грубо говоря, нет никаких связей между Церемонией Императорского Отбора и острова рабов меча, — сказала Присцилла. — Для них это просто удобный повод собрать бушующую толпу.

— Острый у вас язык, юная госпожа. Вам не нравятся подобные шоу? — спросила Серена.

— Хмм? Не в них проблема. Я просто говорю что они не имеют в себе цели показать верность императору. Однако я не настолько узкомыслящая, чтобы порицать простолюдинов за упивание в таких развлечениях. Кроме того...

— Что?

— ... смотреть на то, как другие сражаются за свою жизнь, и оценивать их выступление мне очень даже нравится. — Произнося это, Присцилла вытащила веер из своего платья, прикрыв им свое лицо

Глаза Серены слегка расширились. — Ха, — усмехнулась она. — Мне она нравится! Неплохой улов, Граф Пендлтон! Я думаю, мне понравилось бы беседовать с этой юной леди. Жаль лишь, что мы не сможем разделить с ней бутылку вина.

— Я прошу вас, у меня сейчас голова разболится... И, Присцилла... Вы не должны выражаться так легкомысленно...

— Глупая. Конечно же я знакома со вкусом вина. За кого ты меня принимаешь?

Джорах чуть не подавился. — Присцилла?! — Однако Серена выглядела все более довольной.

Верховная графиня улыбнулась, кривя белый шрам на ее лице. — Ой-ой. Какой бы приятной ни была эта беседа, я думаю нам лучше насладиться ею пока мы идем дальше.

— Было бы прекрасно, я уверена. — сказала Присцилла. — Теперь, насколько я помню, на Гинунхайв можно попасть по мосту, не так ли? Я полагаю, он будет довольно людным в свете празднования.

— Не беспокойся. Как твой проводник, я уверяю, что тебе не станет скучно. — сказала Серена. Джорах покачал головой в замешательстве, но Серена щелкнула пальцами, и по сигналу, Майлз и Балрой приступили к делу.

— Они оба сунули свои пальцы в рот и громко свистнули, призывая...

— Божечки!

— Ах, Небесные драконы.

Джорах глазел в удивлении; Присцилла просто закрепила свой взгляд на фигурах, спустившихся к ним с небес. Два Небесных дракона, взмахивая крыльями и поднимая пыль приземлились.

Если они были обычной парой Небесных драконов, то не отличались бы от тех, на ком Присцилла и Джорах недавно видели Майлза с Балроем. Что гарантировало сюрприз, так это судно, которое эти двое несли за собой.

Так называемые Небесные драконьи судна, прикрепленные к существам цепями, были редким зрелищем даже в Империи Волакии, где укротители Небесных драконов нашли себе место.

— Я сомневаюсь, что даже ты имела опыт с таким. Я понимаю, что это немного поздно, но считайте это свадебным подарком для вас. — сказала Серена, гордо улыбаясь с парящим судном позади нее.

Джорах лишился речи от ее дерзости, но Присцилла ухмыльнулась; это был действительно подходящий брачный дар. — Прекрасно, — ответила она. — Отличный выбор. Я думаю, что ты мне нравишься, Верховная Графиня Дракрой.

... На мгновение, Серена решила ничего не отвечать бесстрашной Присцилле, и лишь почесала щеку в некотором смущении. Затем можно было услышать ее тихое бормотание, — Да, Граф Пендлтон... И правда отличный улов.

— Ты слышал, Ал? Говорят сюда прибыло Небесное драконье судно! Небесное драконье судно! — в явном восторге воскликнул Убирк, в тот самый момент, когда Ал опёрся рукой о стену, собираясь размять связки в ноге.

Снова день за работой, снова ставя свою жизнь на кон - такой была реальность для раба меча по имени Ал, пребывавшего в этом отвратном месте. Вся страна может и празднует коронацию нового Императора, но у него всё ещё были его обязанности.

— На деле, это торжество означает, что предстоящее зрелище будет серьёзнее чем когда-либо, — пробормотал Ал.

— Поверить не могу что я пропустил небесное драконье судно! — сказал Убирк. — Повезёт, если доведется хотя бы раз в жизни такое увидеть! Я, должно быть, самая невезучая душа на всём белом свете! Ал! Ты слушаешь, Ал?

— Да заткнись ты уже! Разве не видишь, что я тут размяться пытаюсь?! — Ал был занят, делая круговые движения бёдрами в то время как вокруг него мельтешил Убирк.

Ему было жаль Убирка, на самом деле жаль, но, по мнению Ала, ему, по крайней мере, достаточно благоволила судьба, чтобы тот не оказывался в одном смертельном поединке за другим. Ал постоянно находился в опасности, борясь за свою жизнь на потеху публике до тех пор пока удача его наконец не покинет. Такой была жизнь раба меча, и такой же в конечном итоге была его смерть. Убирк может и очутился на этом острове, но он всё же не стал частью этого кровожадного механизма, и по меркам Ала подобная участь была довольно удачной.

Заискивающая улыбка сползла с лица Убирка, и он тихо произнёс, — Всё это не меняет того факта, что меня беспрестанно мучают либо попросту игнорируют. С моей точки зрения, мне совсем не кажется будто я более удачлив чем ты, Ал.

Ал тоже понизил голос. — Подстилка, ведущая себя так словно она одна из нас, рабов меча! Чёрт!

После грубостей подобных этой люди обычно становятся более не способны на цивилизованный диалог друг с другом, но Убирк лишь широко улыбнулся. — А ты не знаешь пощады, — сказал он, почесав свою голову. — Полагаю, покуда я не научусь владеть мечом, не быть мне твоим другом, так ведь, Ал? Думаю быть нам с тобой до конца жизни лишь знакомыми.

— Не стоит тебе считать будто за всю твою жизнь тебе не доведётся помахать мечом. Может пока что тебе и удаётся выезжать за счёт смазливой мордашки, но никогда не знаешь всегда ли так будет. Поразмысли над тем, где ты окажешься спустя десять или двадцать лет спустя.

— А как же ты, Ал? Рассчитываешь остаться здесь ещё на десяток лет? Есть разница между стойкостью и тем, чтобы делать вид будто ты настоящий кремень.

Слушать такое было больно, но Убирк был прав. Абсолютно нелепой была уже сама мысль о том, чтобы выживать здесь десять или даже двадцать лет. Ал скорее всего свалился бы, так и не достигнув ни одной из этих отметок. Может на следующий год, а может и через неделю. Или его черёд, быть может, наступит сегодня.

— Так почему нет, Ал? Пока ты не закончил как...

— ... — Ал не ответил.

— Если тебя хватает лишь на то, чтобы смиренно ждать смерти, торча здесь, то почему бы не бросить судьбе вызов с оружием в руках? Присоединившись к нам, ты один стоил бы целой сотни, Ал! — Убирк должно быть увидел что-то в прищуренных, чёрных как обсидиан глазах Ала, потому как вещал он с необычайным пылом в голосе.

Он снова нёс околесицу о своей беспочвенной, бессмысленной революции. *Не стой столбом! Вооружайся! Борись против гнёта!* Ему должно быть нравилось подхлестывать подобными речами людскую ярость. Но в случае с Алом...

— Спасибо, парниша, но нет. Нет у меня тут других занятий кроме как сражаться как проклятый да выживать.

— Ал... — Неожиданно - на самом деле, впервые - Убирк принялся по настоящему, всерьёз с ним спорить. — Хорошо, тогда зачем ты вообще сражаешься? Твоя победа подразумевает чьё-то поражение и сулит проигравшему смерть, не думаю, что есть в этом хоть какой-то смысл!

— А он есть. Ведь мне нет никакого резона подыхать. — от голоса Ала повеяло холодом.

Убирк выглядел так, словно хотел ещё что-то добавить, но они заметили как кто-то шёл со стороны холла, чтобы увести Ала на бой. Это был его стражник, Орлан. Раз он был здесь, значит время пришло.

— Я вернусь. А может и нет. На всякий случай, к обеду можешь меня не ждать.

— Ты вернёшься, Ал. Уж я то знаю.

— Звучишь как образцовая героиня. Ясен перец, сказала бы мне такое девчонка и я б не знал как мне быть... — Ал старательно изображал невозмутимость дабы ненароком не выйти на ветку Убирка в симуляторе свиданий.

Убирк и другие знакомые ему рабы меча провожали Ала взглядом, пока Орлан вёл того на арену. На пути туда на нём были наручники - так было нужно - но как только его любимый меч вновь оказался в его руке, Орлан сказал, — Ты там смотри, выживи, Альдебаран. Как ты всегда и делаешь.

— Знаешь в чём твоя проблема? Память твоя дырявая. — сказал Ал, мрачно улыбаясь, пока выходил на арену. Он ведь говорил Орлану не называть его так.

Только он ступил на арену, как тут же был усыпан овациями и криками толпы зрителей, наслаждавшихся своим мрачным увлечением. Ал хоть и отпустил язвительный поклон, но всё же не брезговал общением с публикой. Ему никогда не стать их другом, но не было ничего плохого в том, чтобы расположить их к себе. Лишь ещё одна стратегия выживания, усвоенная Алом за десять лет жизни в качестве раба меча.

— Должен сказать, это местечко прямо ожило сегодня... Может быть очередной смертельный поединок, но, в конце концов, наверняка что-то таки кроется за этой фигнёй с новым Императором.

Развлечения предлагаемые рабами меча на Гинунхайве были точно такими же как и всегда, но публики было явно куда больше обычного. От того лишь больше было причин их расшевелить, добиться от них любой поддержки, что они могли бы ему оказать в его стремлении выжить.

— Дамы и господа в ложе для своих, все наши дражайшие гости в покоях для важных персон, и все те кто наблюдает с крыши, прошу, убедитесь, что у вас наготове носовые платки побольше...лады? — Ал ухмыльнулся, а затем встал в боевую стойку со своим мечом люедао⁴ наготове.

Из туннеля прямо напротив него показался его противник - крупный, лысый мужчина с палашом⁵ в каждой руке. Его тело было испещрено

заметными шрамами, оставленными мечом, указывая на то, что он тоже был выдавшим виды рабом меча.

С кем придётся сражаться не было известно пока не наступал день схватки. По правде, Ала всегда интересовало, когда его выставят на бой против Хорнет, Императрицы рабов меча. Он лишь радовался, что смертный приговор не был вынесен сегодня.

— Эх, оба мы неудачники. Никто не виноват. Вيني во всём грёбанные звёзды.

Лысая голова взмыла в небо, оставляя за собой дугообразную струю крови. В тот же миг с трибун раздался самый громкий за сегодня крик толпы, рукоплескавшей этому поединку. — хотя нет, они высмеивали проигравшего и раз уж на то пошло, то и победителю доставалось за компанию, даже пока те его подбадривали.

— Чёрт возьми, это просто нечто. Я слышал о проводимых здесь смертельных поединках, но не знал, что это самое настоящее, бескомпромиссное убийство. Интересно почему.

— Подобное проявляет всё то худшее, что есть в людях. Не понимаю я тех, кто любит на такое смотреть.

Балрой и Майлз, подчинённые Серены, разделяли общее чувство восхищения - или скорее отсутствие оно - по отношению к зрелищу, что они наблюдали.

Балрой кажется использовал некую разновидность древкового оружия, в то время как Майлз утверждал, что сам он напрочь лишён каких-либо боевых умений. Во многом сродни тому как их взгляды на бои между рабами меча похоже представляли собой две крайности. Раз уж они были друг другу словно братья, можно было бы со снисхождением сказать, что они компенсировали недостатки друг друга.

— А что на счёт тебя, Присцилла? Ты довольна? — спросила Серена. — Вижу, что твой муж бел словно мел.

— Не дурно. Довольно любопытна мысль о том как оставшийся ни с чем, в бою рискует всем, — сказала Присцилла. — Хотя стиль боя той неуклюжей образины меня несколько не развлёк.

— Неуклюжей? Ах, речь об одноруком? — Серена слегка коснулась шрама на своём лице и сверкнула кровожадной улыбкой.

Присцилла говорила о победителе в той схватке, которому удалось так завести толпу. Черноволосый мужчина добыл победу, но та была довольно таки неприглядной. Он игрался со своим противником пока наконец не отрубил тому голову, но сделал это невероятно грубо. Не было в его боевом стиле элегантности. Не то чтобы она ждала от бойцов из числа рабов меча каких-то выдающихся умений, но всё же...

— Заметила, что к жизни собственной он не привязан вовсе. За что же бьётся он? — Присцилла скрестила руки, вынося свой приговор безобразному мужчине и его безобразному стилю.

Реальность была такова, что многие из тех, кто был заточён на этом острове, не имели желаний сражаться в боях, в коих те были вынуждены участвовать. И всё же у каждого из них была своя причина биться на арене, побеждать, и выживать, или такого можно было бы от них ожидать. Быть может, они искали воссоединения со своими друзьями или любимыми, или возможно такое, что ими попросту двигала жажда заурядной славы. Даже выживание само по себе могло по праву служить стимулом. Но чтобы кто-то был лишён даже этого - вот что выделялось. Кто-то кого не волновала даже его собственная жизнь, но кто всё же убивал лишь бы справиться с тем, что оказывалось на его пути. Это было до того...

— Нелепо — сказала Присцилла, в тот же миг как Джорах издал противный булькающий звук. Она мельком взглянула на бледное лицо мужа, чьи глаза старательно избегали арену, а его шея и лоб были все в поту. Что ж, она была прекрасно осведомлена о том, что он совсем не годился для созерцания всякого рода кровавых состязаний. Воспользоваться приглашением Серены дабы угодить своей жене, пожелавшей приехать сюда, было всем чего от него стоило ждать.

— Ты человек, что Волакийской знатью называться годится меньше всех, — известила его Присцилла.

— М...мне жаль... Даже мне казалось, что я способен вынести чуть больше этого, но - Хрк!

— С моментом угадал ты безупречно. Мне только только показалось, что не прочь была бы я проветриться сходить. Идём со мной, — сказала Присцилла, а затем поднялась на ноги, взяв за руку своего побелевшего супруга.

С мест приготовленных для Присциллы и её сопровождающих открывался идеальный вид на состязания, но расположено оно было недостаточно высоко, чтобы до них не доходила вонь от крови и жира - смрад жизни. Джорах никогда бы не смог прийти в себя в такой обстановке.

— Воспользуйтесь внешним проходом. Балрой, оставайся с ними, — приказала Серена.

— Что? Почему я? Я же столько всего могу почерпнуть из этих смертельных поединков - Аай!

— Не пререкайся с Верховной Графиней! Вон отсюда, пока не опозорился ещё сильнее! И следи ка ты за своими манерами в присутствии Графа Пендлтона и его жены! — сказал Майлз.

— Слушаюсь, — ответил Балрой, нехотя смирившись с этим поручением. Затем он последовал за Присциллой и Джорахом, покинувшими их места, при нём был продолговатый объект, завёрнутый в ткань.

Они вышли на одну из смотровых площадок с видом на озеро, окружавшее Гинунхайв. Снаружи, вдали от водоворота страстей арены, их встретил солёный воздух. Солнце уже садилось, сменяемое кроваво красной луной в небе. Она отражалась на поверхности тёмных вод озера и посему казалось будто две луны, в воде и в небесах, хмуро глядели на этот мир.

— **Вдох**... Благодарю за твою заботу, Присцилла. Мне снова так жаль. И перед вами, юный Балрой, я должен извиниться за то что обязали вас сопровождать нас. Кажется вы с большим удовольствием наблюдали за боями, — сказал Джорах.

— Ой, ничего страшного. Не о чем волноваться. Не сказал бы, что с удовольствием смотрел за поединками, ну не совсем. Просто многое из них почерпнул.

— Правда?

— Разумеется. Всё равно не было особой причины там торчать, если в итоге это лишь сильнее вас расстроило бы, Граф Пендлтон.

Вероятно, Балрой лишь недавно поступил на службу к Серене, но всё же отнюдь не стеснялся высказывать своё мнение. Это не особо докучало Присцилле, но Джорах всё время волновался, что тот может ляпнуть такое, чего Графу нельзя было бы оставить безнаказанным. Присцилла бросила взгляд на своего мужа, который, как и всегда, неохотно пользовался преимуществами своего дворянского статуса, а после взгляделась в озеро.

— ... — Она ничего не говорила, но про себя подумала, что от острова рабов меча она ждала куда большего. Она едва ли не пришла восторг от перспективы узнать насколько значимым окажется этот остров, но когда увидела его воочию, то тот в её глазах поубавил в значительности. Хотя, в

отличие от Джораха, она не гнушалась крови, да и сами смертельные состязания презрения у неё также не вызывали.

— На самом деле, оно единственным могло бы стать, что кровь мою способно разогнать, — сказала она. К добру или к худу, Присцилла, так же принадлежала к Волакийской знати. По сути - хоть она и не могла открыто об этом говорить - кровь её была ничуть не менее Волакийской чем у остальных.

Присцилла не считала, что характер определяется родословной, но она, по крайней мере, не стала бы отводить взгляд от бойцов, ставящих на кон свои жизни на арене. Двух насекомых, дерущихся в клетке, было попросту недостаточно чтобы взволновать её.

— Ну и ну, Сударушка Жена, а вам смелости не занимать как для столь юной особы, — сказал Балрой. — Даже мой брат Майлз немного да морщился, но вот вы даже не моргнули ни разу, когда в полёт отправилась та голова. — Балрой взглянул на Присциллу, смотревшую на озеро, стоя у перил. Он облокотился о перила и задрал ноги - едва ли слуги так себя ведут.

Присцилла, однако же, не сделала замечания; она лишь ответила, — К чему же клонишь ты? Мол я приятнее была бы и милее, коли визжала и пицала сродни простушке деревенской и слёзы всякий раз лила как гибнет проигравший?

— Не, не, ничего такого. Эй, думаю, у любого, кто приходит на этот остров лишь для того, чтобы рыдать каждый раз, когда кто-то сыграл в ящик, были бы неиллюзорные проблемы. К тому же...

— Да?

— ...Я равнодушен к сильным женщинам. Таким как Верховная Графиня Дракрой.

Это высказывание было ещё не уважительнее его позы, но всё же, Присцилла ничего на этот счёт не сказала. Тому было несколько причин. Она понимала, что ни в словах ни в действиях Балроя не было злого умысла. Она расценила его как нечто особенное, корабль, который было бы обидно потопить здесь и сейчас. Кроме того - в данный момент он, как никак, был приставлен к ней в качестве телохранителя. Сколь беспечно и расслабленно он бы себя ни вёл, Балрой всё же регулярно бдительным взглядом осматривал территорию вокруг. Присцилла знавала многих бойцов, и видела, что, пускай он и молод, Балрою было самое место среди лучших из них. Если ему позволить и дальше расти и развиваться, то он вполне мог бы стать воином известным по всей Империи.

— ...

Затем шла Серена, которая приставила этого человека охранять Присциллу и Джораха. Поскольку это именно она пригласила их на остров, можно было утверждать, что для неё было вполне естественным желать обеспечить им безопасность на время их пребывания здесь.

В данный момент, у Присциллы не складывалось негативного впечатления о Серене. Та даже к Джораху, слывшему среди многих дворян посмешищем, относилась как к равному. Для Присциллы не существовало причин видеть в ней врага. По существу, она считала, что ей до поры до времени лучше подыгрывать планам Серены.

— Странно, — сказала она, выгнув свою изящную бровь.

— Что странно? — спросил Балрой, подмигнув.

Когда Присцилла заговорила вновь, она звучала так будто бы продолжила беседу с самой собой нежели отвечала на его вопрос. — Когда это они подняли разводной мост?

Думаю, я смотрел на вещи слишком оптимистично.

— ... — Ал спокойно смирился со своим положением, в то время как до него доносились крики, эхом отдававшиеся в стенах коридора позади него.

Совсем недавно, буквально за считанные минуты до этого, он боролся за свою жизнь. Тот здоровяк с двумя палашами был довольно хорош в бою; впервые за долгое время, Алу потребовалось двузначное число попыток прежде чем ему удалось вырвать победу из рук его противника. Борьба за выживание серьёзно его измотала, и хотя было бы неправильно называть это триумфом, напряжение определённо покинуло его плечи, когда он вернулся в жилые помещения - только чтобы обнаружить себя, задающим вопрос...

— Тебе это кажется смешным, Убирк?

— Смешным? Тебе должно быть известно, что я сроду не шутил, Ал. Разве я не говорил? Не сказал ли я тебе, что это место нуждается в революции? — Красавчик ему ухмыльнулся, показывая, что он всё тот же старый добрый Убирк. За исключением пожалуй Орлана, стражника, лежащего у его ног в растекавшейся луже собственной крови, жизнь вытекала из глубокой раны в его шее.

Произошедшее было очевидно с первого взгляда: Убирк убил Орлана. Раб меча отнял жизнь стражника.

— Убийство стражника строжайше запрещено, — сказал Ал. — Такое не спишут как мимолётный пустяк. У нас тут катастрофа.

— Да, если смотреть лишь на происходящее *здесь*, то ты прав. Я не просто раб меча; теперь я преступник, что столкнётся с серьёзными последствиями. Если всё пойдёт не по-моему, то в наказание меня даже могут заставить участвовать в смертельном поединке...натравят на меня Хорнет или что-то в этом роде. Ха-ха. Полагаю, я, считай, мертвец.

— И ты *ржёшь* над этим?! — взорвался Ал, возмущенный неспособностью Убирка осознать своё положение. Он стоял, держа свой люедао наготове, пугающе хладнокровно глядя на Убирка, в чьих руках был лишь примитивный кинжал, с которого капала кровь Орлана. Он должно быть втайне держал его при себе. Он был ничтожен на фоне массивного клинка Ала. Если бы дошло до драки, то победитель был бы очевиден. И они оба осознавали это...

— Тебе со мной не сладить, парень. Даже тебе должно хватить мозгов, чтобы это понять.

— Да, знаю. Мне прекрасно это известно. Я не питаю иллюзий будто способен биться с тобой, Ал. В конце концов, даже в случае вот с этим человеком - Мне пришлось изрядно усыпить его бдительность, если ты понимаешь о чём я. — Всё продолжая говорить, Убирк бросил кинжал на землю и поднял вверх свои окровавленные руки. На вид казалось будто он сдавался, но Ал, не уверенный в том что на самом деле было у того на уме, поморщился.

— Ал, не важно сколько раз ты будешь мне отказывать, я всё равно не перестану спрашивать: Не поможешь ли ты нам? С твоей удалью на нашей стороне, я уверен, что эту революцию будет ждать успех.

— Не будет. Нельзя нам вот так торчать на этой промокшей каменюке и грезить о всяких глупостях. На самом деле, всем срать хотелось на слова таких как мы с тобой.

— Нет, не правда! Будь ты с нами, Ал...

— Ты хоть иногда затыкаешься?

Убирк явно исчерпал запас идей, но он не собирался оставлять попытки уговорить Ала вступить в его ряды. Ал же был готов любой ценой его заткнуть.

Прости, Убирк, но революция это всего лишь мечта. Она выходит за рамки грёз.

Пустой болтовни было недостаточно, чтобы Ал вознамерился вступить на борт тонущего корабля с Убирком у руля. Вместо этого, он сделал шаг вперёд, со всей силы замахнувшись на Убирка своим люедао. — Я не хочу тебя убивать, — сказал он. — Просто отсеку тебе руку, а затем, когда мы с тобой станем в этом похожи, я разыщу остальных стражей и...

— Сдашь меня им? Боюсь, что предпочёл бы этого избежать. — Лицо Убирка поникло; он посмотрел на Ала с неподдельным сочувствием. — Какая досада, Ал, самая что ни на есть жалость.

Ал попытался направить свой клинок прямо на него, словно хотел срезать это выражение с его лица, но потом остановился. Что ж, на самом деле, движение прекратил его меч. Строго говоря, его остановили.

— Чт...?

Его диагональный удар был прерван, когда его оружие отскочило от огромного меча. Он мог бы похвалить себя за то как ему удалось удержаться за рукоять, но вид захвативший всё его внимание отсёк любые возможности для подобного самовосхваления.

— Это ещё что за херня? Очередная из твоих отвратных шуточек? — Ал тяжело сглотнул, его руки гудели пока он пытался получше ухватиться за рукоять своего меча. За Убирка вступилась высокая фигура - ужасающая и ошеломительная. Наипрекраснейшая и жесточайшая среди всех рабов меча этого острова, несущая на себе свои суровые орудия... — Хорнет?!

— Ну и дела, до чего же страшный взгляд. Ты ведь должен быть моим милым, малышом Алом. Как ты можешь быть таким равнодушным? — Весело посмеялась Хорнет. Черноволосая женщина посмотрела на Ала сверху вниз; на своих длинных ногах она была настолько высокой, что ему едва ли не приходилось вытягивать свою шею, чтобы посмотреть на неё. Её мечи, эти исполинские лезвия, уже были прикреплены к кулям её рук; она воистину воплощала собой человека обращённого в оружие.

Хорнет была прославленной Императрицей рабов меча, женщиной чьи чары и боевой дух пленили многих, даже несмотря на то, что сама она была рабыней этого острова. И если Убирк находился под её защитой, то последствия были ошеломляющими.

— Так значит ты на его стороне? Ты на стороне скромного мятежа Убирка? А ты полна неожиданностей.

— Ого, ты так считаешь? Думал я одна из этих скучных, консервативных дам? Меня это так печалаалит.

— Я не так глуп, чтобы называть тебя скучной, раз уж мне жить охота. Но аргумент таки хороший. Я всё ещё удивлён. Казалось бы, на этом острове у тебя было всё чего бы ты ни пожелала.

Все рабы меча уважали её, и даже стражи кланялись ей - Хорнет практически заправляла Гинунхайвом. Она обожала сражаться и не знала поражений на арене. Здесь она была чуть ли не царицей. Ей здорово жилось на этом острове и казалось, что годилась она для этого как никто другой.

Так почему же она потворствовала нелепой фантазии Убирка о революции?

— Хочешь поболтать о консерваторах, так вот я по сути живой пример. С чего бы тебе отказываться от стабильной жизни ради какого-то несостоявшегося революционера? У тебя что это, реально крыша поехала?

— Ой, да будет тебе. Это же просто напросто невежливо. Но это одно из тех твоих качеств, что я в тебе нахожу притягательными, мой милый малыш Ал. И ты такой злой... Ты наконец сделал то, чего я от тебя ждала всё это время.

PRISCILLA'S
SERVANT

— Чего ты вообще могла от меня хотеть? — Ал подмигнул Хорнет, хотя в нём закипало желание сражаться, словно раскалённая точка меж его бровей. Он даже представить себе какими могли быть её ожидания на его счёт.

— Ха-ха-ха! — посмеялась Хорнет. — Больше всего я желала отнюдь не твоего к нам присоединения, Ал. Ты куда интереснее для меня в качестве врага.

— ...!

Мгновение спустя, два массивных лезвия, что весили никак не меньше ста килограмм каждый, обрушились на него, рассекая воздух. Хорнет являла собой силу, с которой следовало считаться; Ал не смог бы поднять и одного из этих лезвий, даже если бы от этого зависела его жизнь, а она орудовала ими столь же легко словно размахивала парой тоненьких веточек.

Этот коридор был не то чтобы очень просторным; в нём едва ли доставало пространства для уклонения от её атак. Ал присел дабы избежать первого удара, а потом отпрыгнул назад.

— Оххх, такого нам не надо, — сказала Хорнет, преследуя его, нанося тому жёсткий колющий удар в грудь. Его швырнуло ещё дальше, а сердце, желудок и прочие внутренности Ала точно перемешались от удара.

Второе лезвие впилося в его тело, с силой ударяя поперёк, прежде чем тот успел перевести дыхание, начисто - или скорее, с кровавыми ошмётками - разрезая того надвое.

Было сложно избежать смерти, что уже явилась за Алом...

— Оххх, такого нам не надо, — сказала Хорнет, делая шаг вперёд и совершая выпад одним из гигантских лезвий. Ал едва успел от него уклониться. — Оо, — сказала удивлённая Хорнет; Ал попытался воспользоваться своим люедао, чтобы атаковать в ответ, нанося удар опираясь лишь на инстинкты, раз уж та, после его кувырка в сторону от её атаки, находилась теперь позади него.

Уклоняясь от его контратаки, Хорнет, с ошеломительной как для обладательницы столь внушительного роста скоростью, присела, позволяя мечу Ала проскользнуть над её головой. В следующий миг, он получил удар снизу, и его ноги оторвались от пола. Он более не мог избежать того, что должно было случиться; массивное лезвие обрушилось на него сверху, рубя его пополам...

— Оххх, такого нам не надо, — сказала Хорнет, делая шаг вперёд и совершая выпад одним из гигантских лезвий. Ал принял его, держа свой

люедао под углом, силой преграждая тому путь. — Оо, — сказала удивлённая Хорнет; Ал в тот момент уже кричал и с размаху бил мечом по ноге, на которую его противник переложил свой вес.

Хорнет грациозно взмыла над его выпадом. Но нахождение его оппонента в воздухе открывало для Ала идеальную возможность - он моментально развернулся и побежал через коридор. — Йаааааа!

Это было его первое боевое столкновение с Хорнет, но её не просто так звали Императрицей рабов меча. Ал прекрасно отдавал себе отчёт в том, что сразись он с ней хоть сотню раз, то столько же раз он и погибнет. Как бы сильно ему ни было обидно, он всё же знал, что это поле сражения ему следует покинуть безвозвратно.

Он не был из тех, кто одержим идеей о том, что из любого своего сражения он непременно должен выйти победителем. По его логике, выживание было равносильно победе. Это значило, что...

— Если смогу выбраться на арену...привлечь публику на свою сторону...

— Ал! Прошу не разочаровывай меня! Задумайся над этим хоть на минутку - ты же знаешь, что так надо! — кричал Убирк в спину, удаляющемуся Алу. Тот не желал его слушать, но всё же не мог уберечь свои барабанные перепонки от встречи со словами Убирка. — В тот самый момент как я заручился поддержкой нашей подруги, Хорнет, я понял, что у меня есть все кто мне нужен. Я лишь очень-очень сильно надеялся, что ты к нам присоединишься...

Ал не желал задумываться о словах Убирка, но он был вынужден слушать. Ибо прежде чем ему удалось найти чем на них ответить, перед его взором предстало оно.

— ...

Ему кое-как удалось добраться до арены, но всё уже переменялось.

Ещё какие-то мгновения назад, зрители рукоплескали и злобно потешались, лицезрея бои на смерть, но они были далеки от всего этого; на грани жизни и смерти всегда сражался кто-то другой, и ни разу не они. На смену ушедшей в небытие необузданной страсти пришли вполне осязаемые напряжение и страх, наполнявшие собой это здание. И не удивительно - ведь там меж зрительских мест беспорядочно сновали вооружённые, мятежные рабы меча, что теперь вязали публику по рукам и ногам под неодобрительные взгляды последних, захватывая это место.

Быть может, кто-то из людей и пытался оказать сопротивление, но Ал был уверен, что любые неудавшиеся герои были без промедления обращены в гниющие трупы под беспощадными ударами мечей революционеров, становясь примерами для остальных.

Ал был потрясён, но он понял.

— Только не говори мне...Он взаправду...

Захватить остров рабов меча и бороться против Империи.

Мечта становилась реальностью.

Во время празднования, сообщение между островом рабов меча и материком было частым и оживлённым. Присцилле кажется приходилось слышать, что именно по этой причине, пока шли торжества, разводной мост оставался в опущенном состоянии. Поэтому она начала задаваться вопросами, когда заметила, что тот был поднят. А затем она вместе с Джорахом и Балроем поспешили вернуться к Серене...

— Похоже, ваша догадка попала прямо в точку, Сударушка Жена, — сказал Балрой. Он стоял подле неё, созерцая этот вид. Они вернулись назад, желая знать не произошло ли чего-то ужасного, чтобы пред ними предстало зрелище полнейшего хаоса. Вот только составлено оно было отнюдь не из криков и аплодисментов публики смертельных поединков.

— Н-неужели... Это рабы меча там вне арены...? — спросил Джорах. Ему требовалось некоторое время дабы поспеть за развитием ситуации, но он достаточно лаконично и точно её изложил. Как заметил человек с только что побледневшим лицом, рабы меча вырвались за пределы арены и высыпали на зрительские места, и теперь своим оружием они угрожали некогда расслабленным завсегдатаям. Тот факт, что те, кто попытался им противостоять, теперь лежали в лужах собственной крови, ясно давал понять, что это не было игрой или частью представления. Нет, это наверняка было...

— Восстание рабов меча, да? — сказала Присцилла.

— Что? — в изумлении раскрыл рот Джорах.

Но в ответ на его вопрос раздался разъярённый крик, — Где Верховная Графиня Серена Дракрой?!

Группа не скрывающих свою жестокость людей пробиралась через сидения, ведя себя так словно они здесь хозяева. Было очевидно, что они

разыскивали персону, пригласившую Присциллу и Джораха. Казалось маловероятным, что они могли быть настолько безрассудными, чтобы убить её на месте, но...

— Хорош прятаться и выходи! А не то, мы поубиваем всех на этом чёртовом стадионе!

Присцилла поправила саму себя - она не думала, что те были до того несдержанными, но их темперамент таки превзошёл её ожидания. Они не казались достаточно смыслёнными для того, чтобы и вправду не претворить свою угрозу в жизнь. Присцилла улыбнулась, представив такое развитие событий.

— Присцилла, в-стань позади меня, — сказал Джорах, собирая в кулак всю ту скромную силу духа коей он обладал, когда сделал шаг, становясь перед маленькой девочкой. (Каким Джораху показалось выражение лица его жены в тот миг?) Этого было достаточно, чтобы муж удостоился приподнятой брови на её лице. Даже Балрой, несмотря на явную и непосредственную угрозу жизни его хозяйки, нашёл время на удивлённое “Хах!”

Однако, действия Джораха также привлекли внимание ещё и тех агрессивных людей.

— Это ещё что? Эй, вы там, без толку там торчать. Если думаете, что сумеете сбежать...

— Я та женщина, что вы ищете - Серена Дракрой, — заявила Присцилла, перебивая мужчину при этом заметно шокируя своих спутников.

— Хнгх?! — поперхнулся Джорах.

— Ну, вообще! — подметил Балрой.

Голос Присциллы эхом пронёсся сквозь напряжённую атмосферу арены, естественно, привлекая к себе внимание как головорезов так и пленённых ими зрителей - среди них была и настоящая Серена Дракрой. Её глаза открылись чуть шире, но она казалось, что ухватила суть намерений Присциллы. Само собой она их поняла. Ведь ловкачкой Серена и сама тоже была весьма незаурядной. Впрочем...

— Дарованья моего ей, без сомненья, всё же не достичь, — пробормотала про себя Присцилла.

— Мелкая, ты? Ты Верховная Графиня Дракрой? — приближаясь к ней, спросил мужчина одетый в чёрное. Пострижен он был по странной моде, волосы длинные справа и под ноль выбритые слева. На бедре он носил меч с искривлённым лезвием, и было ясно, что тот умел с ним обращаться.

Мужчина смерил Присциллу взглядом, однозначно скептическим. — Я слышал, что Верховная Графиня Дракрой та ещё горячая штучка, настолько, что её прозвали Палящей Леди. Такой малютке как ты, собой едва ли прохладную комнату удастся растопить, не то чтобы испепелить кого-ни...

— Прозвище сие исторгла чернь, что локоны мои узрела, как пламя рыжие, никак иначе. И как молва народная прозвала, меня не трогает, тем паче. Очами собственными меня ты волен лицезреть.

— ... — Мужчина ничем не ответил.

— Как думаешь? Похожа я на юную дурёху, что вздумала Верховной Графини роль примерить? Иль на того, кто одобрения ищет в примитивном прозвище, когда уже в дворянство Волакйское я вхо́жа? — Несмотря на то как над ней нависал этот человек, Присцилла высоко держала голову и, пока говорила, глядела тому прямо в глаза.

Мужчина застыл. Он должно быть воспринял юную особу ровно так как она и выглядела: как маленькая девочка, на которую подуи и та восво́яси улетит. Если он был рабом меча, то ему на этом острове, должно быть не раз приходилось глядеть смерти в лицо. И всё же дерзости Присциллы хватило дабы его приструнить.

— Прошу простить, Верховная Графиня. Вы должны проследовать с нами. Наш предводитель желает встречи с вами. — Мужчина старался быть вежливым - по крайней мере настолько учтивым, насколько таковым мог быть подобный ему простолюдин. Но он таки внял притязаниям Присциллы на титул Верховной Графини. Он зыркнул на своих товарищей и приготовился увести её прочь. Присцилла не намеревалась сопротивляться.

Однако за бортом оставался Джорах, который всё ещё пытался отстоять свою, ставшую бесполезной, мужественность. — П-погодите, вы! Если собираетесь её забрать, возьмите и меня тоже!

Мужчина выглядел так словно только что впервые заметил Джораха. Возможно так оно и было; весь этот разговор Джорах провёл, не проронив ни слова, пытаясь уйти в себя. — Мне не говорили, что вы здесь со своим отцом..., — сказал мужчина.

— Я ей не отец. Я её муж!

— Её муж? — Мужчина был пуще прежнего скептичен, по очереди окидывая взглядом Присциллу и Джораха. По всей вероятности, его больше шокировала разница в силе их характеров, нежели в их возрасте.

Впрочем Присцилле грозила бы целая гора всевозможных невзгод, погибни Джорах от меча здесь и сейчас, и потому она сказала, — Воистину - сей человек приходится мне мужем. Отцом моим он быть не может, ибо тот был заживо, пред взором моих собственных очей сожжён. Мне стоит полагать, причины оной с лихвою достаёт, дабы Палящей Леди зваться, волос моих при этом не упоминая вовсе.

— Намёк понял. Но если эта история правдива, тогда ваш муж...

— Ведите его. А иначе, может он брыкаться и вопить, и лишний раз вам жизни усложнить. При мне куда сговорчивее он. Коли решите вы его убить - Что ж, не захотите вы чтоб я по вашу душу заявила, так ведь?

Присцилла, разумеется, не была из тех, кто благочестиво последует за своим дражайшим супругом в мир иной; ею никоим образом не двигали подобные романтические идеи. Но эти люди уже были убеждены в том, что она являла собой образцовую Волакийскую дворянку.

А потом случилось нечто, начисто лишившее их остатков самообладания. Один из головорезов посмотрел вниз на колизей и воскликнул, голосом пронзая, тревожную тишину нависшую над ареной, после того как Присцилла привлекла к себе внимание, — Эй! Это что, Хорнет?

Все оглянулись и посмотрели на арену дабы в итоге обнаружить, что, прерванные начавшимся восстанием, смертельные бои возобновились. Не те по официальному расписанию, а истинный, надлежащий бой до смерти, начавшийся сам по себе.

— И всё ж при разнице такой меж их умений, оно на казнь более похоже, — отметила Присцилла.

Одна из рабов меча, вышедших на арену, ростом была выше двух метров, отсутствующие у неё руки, были заменены двумя массивными, сокрушительными лезвиями. С одного взгляда было ясно, что за собой та оставила гору трупов и пролила целые реки крови - она должно быть являлась той, чьё имя, будучи произнесённым вслух, было способно вселять такой ужас.

Она противостояла однорукому мечнику, который, к несчастью, был напрочь лишён каких-либо заметных преимуществ. Степень его мастерства и близко не достигала уровня Хорнет, и казалось будто бы в любую секунду - нет, даже в этот самый миг - он вот вот примет на себя критический удар.

— ... — Однорукий мужчина прохрипел и с брызгами крови взмыл вверх. Его тело ударилось о землю и покатилось по ней, оказываясь около рва, используемого для сброса крови и трупов, оставшихся после боя. Хорнет

шагнула к нему и пнула его, всё ещё живого, своей длинной ногой, отправляя того в яму.

— Видимо он отверг приглашение Хорнет. Каков кретин. — Мужчина с кривой саблей вздохнул, пронаблюдав демонстрацию подавляющей мощи этой женщины. Может статься, что сражённый мгновение назад раб меча был его знакомым. Тот мужчина казался недалёким малым, отказавшимся присоединиться к мятежникам, несмотря на то, что в данный момент Присцилла не видела никаких преимуществ в том, чтобы отвергать их.

— Своё решение дабы отстоять, известной меры силой должно обладать. С позиции такой, исход фатальный для него, пожалуй, разумелся сам собой. Эй вы там, ужель явились только лишь с нелепым видом тут стоять столбом?

Страшно ты болтливая, не так ли, Верховная Графиня? Думаешь мы тебя не тронем? Ты потому такая острая на язычок?

— Воистину ты в это веришь, хам?

— ...Кхем...

— Я верно разумею, что счёл ты будто высокомерие моё из убеждения исходит, что вы не тронете меня?

Мужчина увидел во взгляде Присциллы нечто, заставившее его проглотить всё, что он собирался сказать. Он дёрнул подбородком в сторону своих товарищей и те увели её и Джораха прочь.

— Сударушка Жена, а как же я? — вопрошал Балрой, направившись было за ними, но слова Присциллы его остановили.

— Надеюсь, ты не ждёшь, что и тебя я запишу в мужья. Коли за нами ты пойдешь, занятия себе всё равно там не найдёшь. Будь паинькой и обожди - пока твой не наступит звёздный час.

Даже бойцу величины Балроя не мог совладать со всеми присутствующими здесь рабами меча. В том чтобы костями лечь в бою против сотни, покрытых сединой, воинов не было никакого смысла; это было яснее некуда. Но Балрой был юн и неопытен - и слегка импульсивен.

— Вам то легко такое говорить, Сударушка Жена, но мне то нужно свою гордость за...Хнгх?!

— Захлопнись, дубина!

Балрой ещё только разворачивал своё копьё, когда Майлз, который в какой-то момент подкрался к нему со спины, огрел того по голове бутылкой.

Импровизированное оружие издало неприятный, *глухой звук*, глаза Балроя закатились и он рухнул на пол. Майлз врезал ему. — Они же станут принимать нас за таких же недоумков как ты! И что хорошего это нам с тобой сулит, хаа?!

— Ты кто такой? — спросил один из мужчин.

— Никто, никто. В драке с вами я не заинтересован, — сказал Майлз, отбрасывая бутылку в сторону, всячески демонстрируя своё повиновение. — Вы сказали, что верховная графиня у вас? Прекрасно, забирайте девчонку, её мужа и уходите. Мы здесь не для того чтобы причинять неудобства.

Мужчины переглянулись, но уже не были достаточно глупы, чтобы всецело принимать слова Майлза за чистую монету. Они удостоверились в том, что Балрой действительно был без сознания прежде чем увести Присциллу прочь. Прямо перед тем как они покинули зону, предназначенную для зрителей, Присцилла мельком посмотрела на Серену. Губы верховной графини шевелились, беззвучно говоря, *Прости. И спасибо*. Вместо ответа Присцилла с подобающей величием последовала за мужчинами.

— При...кхм, Серена, каков твой план? — прошептал Джорах.

— Так значит ты умом не обделён дабы понять, что план был припасён. Не назовись я так, то весь мятеж мы просидели бы зазря, так никогда и не увидев лица их главаря. И было бы веселья в подобном ни на грош.

Джорах едва ли не лишился дара речи. — *В-веселья* ни на грош?

Присцилле было неведомо какого всемогущего ответа ждал её супруг, но её уже было никак не переубедить. Не было ясно чего же этот “главарь” мог хотеть от Серены, но если бы она застряла на зрительских трибунах, то Присцилла утратила бы возможность раскрыть суть происходящего здесь. Это ничем бы не отличалось от того, чтобы свернуться в клубок у подножия сцены.

— И вот такого я меньше всего желаю, — сказала она.

— ... — на это Джорах ответил напряжённым молчанием.

— Не переживай. В каких условиях ни оказались мы с тобой всё одно-ведь сей мир меняется в угоду мне. — сказала Присцилла. В ответ на довольно дерзкую философию его жены, Джорах лишь изумлённо уставился на неё, хотя плечи его при этом слегка опустились. Реакция эта не была особенно воодушевляющей, но Присцилле было некогда распекать его за это.

— Мы на месте, — сказал один из мужчин. После нескольких минут ходьбы, они прибыли к комнате с необычайно тяжёлой дверью, через которую их и провели. Присцилла, на ходу рисовавшая в уме карту этого острова,

рассудила, что эта комната должно быть находится на самой высокой точке острова рабов меча - другими словами, она наверное принадлежала тому, кто всем здесь заведовал. Это могло бы объяснить роскошную мебель и дорогостоящий ковёр, которые в ином случае на острове пленных гладиаторов казались бы не к месту.

Это заодно бы истолковало присутствие крови на ковре, а также лежавшее там тело тучного человека, которого выпотрошили как свинью.

— Э-это...? — начал было Джорах.

— Хозяин сего острова, я полагаю... Тот, что здесь забавами доселе заправлял. Рабы восстали, коих на показ он выставлял. И полоумному дано понять, кто их расправы первой жертвой пал.

Её сей человек сам на себя накликал, ведь несмотря на ненависть, что вызвал он, опасность всё ж как следует не оценил. А впрочем, на поверку рабы меча его опасности чутья смышлёней оказались...

Размышления Присциллы были прерваны человеком, который подбежал мелкой рысью с вкрадчивой улыбкой, переступая через тело бывшего хозяина острова. — Что ж! Большое удовольствие вас наконец увидеть, Верховная Графиня. Мне жаль встречать вас при таких...ну, как то так. Я бы хотел принять вас в комнате почище. — Создаваемое им общее впечатление можно было просуммировать как утончённое; он являлся кем-то вроде смазливого юноши.

В отличие от бесцеремонных, но эффективных головорезов, этот молодой человек в декорациях острова рабов меча смотрелся несколько не ко двору - но Присцилла с первого взгляда поняла, что тот был лидером этого восстания.

— Это ведь ты, не так ли? Сему празднеству хозяин, — сказала она.

— Празднеству? Оох, а мне это слово нравится. Бурные вечеринки я люблю - поэтому то я не питал ненависти к жизни здесь на острове, знаете ли. Даже если местами переносить её было тяжко. — Симпатичный юноша улыбнулся, но бросил презрительный взгляд в сторону, лежащего на полу, тела. Этого Присцилле было достаточно дабы понять как тот сумел выжить на этом острове: орудя не мечом, а своим телом. Разумеется, что хозяин острова погиб. Такой исход был неизбежным.

— Так что же всем вам нужно? Похитить решились вы меня - кхм, верховную графиню. Так полагаю, вам показалось будто это вас к чему-то приведёт.

— Ах, не зря вас прозвали той, что одержала верх в сотне битв... Впрочем должен заметить, вы выглядите несколько молодо для побывавшей в стольких баталиях. Ох, что ж, это всё только облегчает. Верховная Графиня Дракрой, знаменитая Палящая Леди... Вы находитесь в числе самых видных дворян в Империи.

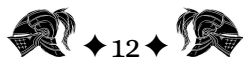
— В числе? Не будь глупцом. Меня не заменить никак. Само сравнение тех прочих подлецов со мной есть непочтительности знак.

— Сере...! — Джорах чуть было не подавился этим именем, но таки ухитрился энергично помотать головой. Присцилла нахмурила бровь ему в ответ, но только лишь глубже ушла в образ Серены. Судя по тому с чего начал этот молодой человек, его замысел был вполне очевидным.

Он намеревался использовать верховную графиню в качестве заложницы.

— И ты надеешься о чём-то с Империей договориться? О чём же?

— Всё чрезвычайно просто. Пожаловать острову рабов меча суверенитет, и освободить всех рабов до единого. Хочу свалить из этой лужи, Верховная Графиня Дракрой. — Красавчик мрачно усмехнулся, несмотря на то как его воззвание превратило его во врага целой Империи.

Остров рабов меча был захвачен его же рабами, и весомая часть зрительских масс пребывала теперь в статусе заложников. В их число входило немало Волакийских дворян, и отнюдь не в конце этого списка была Верховная Графиня Серена Дракрой. Мятежники рассчитывали обменять этих пленников на свою свободу.

Таков был доклад отправленный в самое сердце Империи, и стоило бы ожидать, что подобное потрясёт страну только недавно обретшую своего нового Императора...но потрясения так и не случилось.

— Немедленно соберите силы реагирования и отправьте их на тот остров. Я не намерен вести переговоры, — приказал новый Император, Винсент Волакия.

Во всем вопросах воля Императора стояла превыше всего, и поэтому был собран отряд истребления. Рабов меча на острове было около пяти сотен - а имперские войска насчитывали две тысячи тщательно отобранных солдат. Даже такие испытанные, умудрённые опытом бойцы как рабы меча не сумели бы выстоять против столь многочисленной армии. Более того, приказ Императора состоял лишь из двух слов: “Сокрушите их.”

Это двухтысячное войско не делало вид словно находится там ради освобождения заложников. Им было дано разрешение применить подавляющую боевую мощь дабы искоренить противника.

— И всё же, бросить Дракрой значит наделать ещё больше головняка.

— Так значит Его Величество солгали...?

— Не говори так, деточка! Разве только ты не дорожишь своей жизнью. Это была не ложь. Просто...уловка. Лучше будет выразиться так. Способ навести порядок, не наделав ошибок. Вот где истина. — сказал старый, седовласый мужчина, чесавший свою шею и не потрудившийся скрыть своё недовольство.

Начать с того, что он был маленького роста, что лишь усугублялось согнутой под тяжестью его преклонных лет спиной. То как он сумел перевалить за свои девяносто лет, было исключительным достижением как для того, кто был обычным человеком и не являлся каким-то долгожителем из числа полулюдей. Его бодрость так же была весьма впечатляющей, учитывая его возраст. Можно было разувериться в собственных ушах, расскажи вам кто, что сей мудрый, пожилой человек, чьи глаза скрывались под необычайно длинными бровями, был одним из Девяти Божественных Генералов, бойцов известных во всей Волакии.

Заполучить место среди Девяти Божественных Генералов можно было лишь продемонстрировав воинское мастерство наивысшего порядка. И тем не менее, этот седовласый старик - Ольбарт Дарккенн - входил в их число. А его собеседницей была девушка со смуглой кожей, большая часть которой была обнажена, и с повязкой на глазу. Ольбарт улыбнулся ей из под своих раскидистых бровей — Твоё имя. Напомни-ка мне, тебя зовут...

— Аракия. Думаю я уже не раз вам говорила.

— Ах, да, разумеется, Аракия. Уж в этот то раз, я запомню! — Ольбарт щёлкнул пальцами и с хрипом рассмеялся от чего он звучал так, словно был сильно болен. В ответ ему Аракия лишь вздохнула и сквозь приспущенные веки посмотрела на остров вдалеке.

В настоящее время, Ольбарт и Аракия были размещены в районе Гинунхайва вместе с горсткой, направленных сюда, солдат, и изучали остров.

— Быстрее всего было бы навалиться всем разом, но для этого разводной мост должен быть опущен, — сказал Ольбарт.

— А мы разве не можем воспользоваться лодками?

— Лодки, лодки! Ага, думали мы об этом, но - ты знаешь. Это озеро кишмя кишит водоплавающими Зверодемонами. Когда-то давно их выпустили в эти воды, чтобы не дать рабам меча сбежать, но теперь они заправляют этим местом. Поэтому без разводного моста мы не можем туда войти, а мятежники выйти. Крепкий орешек попался, разве нет? — Ольбарт вновь разразился своим хрипящим смехом.

Аракия обратила своё внимание на озеро и обнаружила, что в тёмных, ночных водах, она могла различить дрейфующие в ней очертания, плывущие, и скользящие в ней словно рыба. Разве что ею вовсе не являющиеся. Они были водоплавающими Зверодемонами. Многим наземным существам тяжело сражаться под водой, и посему, для многих не было редкостью считать этих зверей ещё более опасными нежели их сухопутные аналоги. Не было ничего удивительного в том, что Ольбарт мог, смеясь, отмахнуться от затеи с лодками как от нецелесообразной. И потому...

— Я пойду, — сказала Аракия.

— Да будет тебе, мы тут не про немного поплавать говорим. Ты у монстра в пузе окажешься раньше чем хоть немного приблизишься к острову, нет? Я стар и мне не так долго осталось, но смотреть на то как молодая девица, у которой вся жизнь впереди, губит себя понапрасну - это уже чересчур!

— Всё...в порядке. Я просто обращаюсь в воду.

— Хоо! — Брови Ольбарта сложились в гримасу однозначно выразившую удивление. Пока он наблюдал, Аракия разоблачилась, избавляясь от своего и без того минималистичного одеяния, оставаясь в итоге абсолютно голой. Затем она присела у воды, протянула руку, и издала — *Ням!* — Она зачерпнула рукой духа воды, крохотного низшего духа, и закинула того к себе в рот.

Будучи Пожирателем Духов, Аракия могла поглощать их из воздуха вокруг неё и присваивать себе их силу. Она могла пользоваться этой мощью лишь до тех пор пока дух не будет полностью съеден, но так как они были повсюду, куда ни посмотри, она никогда не испытывала недостатка в топливе.

Это было способностью, позволившей ей поглотить духа воды, передавая ей его свойства. Она глянула на Ольбарта и сказала, — Разводной мост - надо только чтобы он опустился, так?

— Да, так сойдёт. Впрочем, вернись я к Его Высочеству и доложи ему о том, что, пока мои старые косточки прохлаждались, крохотная девица вроде тебя выкладывалась на полную, то он прибил бы меня на месте. Ступай выполнять свою задачу, дорогуша! — Он небрежно помахал ей на прощание. Аракию, которая просто кивнула и нырнула в воду, это несколько не

волновало. Она стартовала со скоростью способной потягаться с любым из водоплавающих Зверодемонов.

Настоящие водные создания не заметили Аракию, практически ставшей единой с водой благодаря силе того духа. Ни один зверь не стал бы умышленно бросаться на пустое водное пространство. Таким образом, Аракии удалось свершить то, чего никому не удавалось сделать с самого основания острова рабов меча - в одиночку пересечь озеро, так ещё и так легко. Это отняло у неё менее десяти минут.

— ...? — Внезапно, она углядела нечто, заставившее её сбросить доселе ровный темп. Она заприметила маленький островок между берегом и основным островом. На деле же, он был слишком мал, чтобы зваться островом; он больше походил на скопление камней. Она заметила его потому как, вкусив духа воды, она стала более чувствительной к малейшим изменениям потока и движения озёрной воды.

Она также почуяла кровь в воде. Аракия сменила направление и поплыла к каменной отмели, следуя за запахом крови, пока не достигла суши. Теперь ей были видны следы запёкшейся крови, ведущие к небольшой расщелине между валунами. И когда она проследовала по ним...

— Чёрт, я уже совсем не соображаю что творится. Я должно быть потерял столько крови, что мне мерещится всякое.

— ... — Аракия прищурилась, чтобы лучше видеть.

— Одно ясно точно. Я знаю, что не могла голая сребровласая деваха вдруг сюда заскочить и найти меня на этих скалах... Только не с моей кармой...

В расщелине она обнаружила мужчину, у которого не доставало одной руки. Его чёрные волосы промокли насквозь, а поперёк его груди зияла рана, явно серьёзная. По следам его крови она и шла, и было ясно, что если этот мужчина - предположительно как-то связанный с островом - в ближайшее время не получит помощь, то смерть его не заставит долго себя ждать.

Аракия на мгновение задумалась. Ей было приказано вывести имперскую знать с острова. Дабы достичь цели, ей нужно было опустить разводной мост и тем самым позволить Ольбарту пересечь озеро. И чтобы *это* сделать, не помешает иметь какое-то представление о внутренней кухне острова.

— Ты ведь...не хочешь умирать? — спросила она.

— ... — Мужчина никак не ответил.

— Если не хочешь умереть...Ммм. Я тебе помогу. Взамен, ты со мной поговоришь.

Аракия сформировала условия переговоров, основываясь на том что делала её бывшая хозяйка - Нет, в своём сердце, Аракия всё ещё служила той девушке. Но то была первая раз в её жизни попытка договориться насчёт чего-либо, и когда человек, находящийся на смертном одре, её услышал, то ответил, тихо посмеявшись.

— Ты думаешь я боюсь смерти, после всего этого? Надо было попробовать это...до того как я миллион раз подох... — Пока он говорил, кровь запятнала его губы. Он звучал так словно произносил проклятье.

Рабы меча из Гинунхайва взбунтовались и потребовали своего освобождения с этого острова. Все зрители, прибывшие сюда дабы отпраздновать восхождение на трон нового Императора, были взяты в плен. Во всяком случае, таким был план, изложенный красивым юношей, кто казался предводителем сего вооружённого восстания. Присцилла Пендлтон, выдававшая себя за Серену Дракрой, прищурила свои алые глаза.

Она была девочкой всего двенадцати лет от роду, но блеска в её пристальном взгляде, закалённого лезвия из бессердечности и эрудиции, хватало, дабы убедить всех, что она являлась многоуважаемой верховной графиней. Никто из находящихся в этой комнате не смел сомневаться в её притязаниях.

Разумеется, если бы правда всплыла, то жизни лишилась бы не только Присцилла, но и, сопровождавший её, муж Джорах...

— Для острова рабов меча суверенитет? Близорукости в точности такой ждала от грёз тех, кто существование жалкое влачит на тесной глыбе, что посерёдь озера стоит. Не удивляет. Не *увлекает*. Воистину лишь время попусту теряет. — Присцилла презрительно фыркнула.

— Ох..., — вклинился побледневший Джорах. Естественно, что никого среди рабов меча, стоящих вокруг, это, также, особо не порадовало. Один лишь симпатичный юноша, находившийся прямо напротив Присциллы, отреагировал иначе.

— Хе-хе! — Посмеялся он, так словно всё это его веселило. — Вы определённо владеете словом. В этом вы не знаете пощады. Я несколько не расстроен... Хотя, не уверен, что я волен говорить за всех присутствующих здесь.

— Как будто дело есть до мыслей бездарей безмозглых о словах моих. Ты перед ними, несомненно, произнёс речей прелестных, одну иль может две, довольно было их, чтоб есть заставить с рук твоих.

— Вот так так! Разве я выдал нечто странное?

— Ещё бы. Ведь меньшим кажешься глупцом среди прочих местных, а значит должен признавать, что шансы острова суверенитет достичь и выпустить рабов на волю, нулю равны точь-в-точь.

Юноша пожал плечами, но даже не шелохнулся от заявления Присциллы. Чего, однако, точно нельзя было сказать о его головорезах.

— Эй, что всё это значит? — потребовал один из них. — Ты же сказал, что если мы возьмём верховную графиню в плен, то те ублюдки из столицы...

— Прислушаются к вам? Ты в Волакии живешь. Нелепое ты верно слышал выражение: *Граждане Империи будьте сильны*. Была б сильна верховная графиня, коли в столицу возвратилась, за жизнь свою боясь? А что же ты, кто заложников набрал на преимущество в переговорах понадеясь? Силён ли ты?

— ...

— Могу поведать я какой реакции вам от столицы ждать. Когда услышит он, что требуете переговоров дабы вам свободы дать, с врагами Император на расправу будет скор. Я полагаю к делу Девятерых Божественных Генералов привлекут, что службу лично Его Превосходительству несут.

Само упоминание, *Девяти Божественных Генералов*, заставило содрогнуться всех головорезов и Джораха в придачу. Они были девяткой сильнейших воинов Волакии и напрямую отвечали перед Императором. Рабы меча этого острова имели вполне обоснованную уверенность в своих навыках после того как сумели пережить так много сражений, но эта девятка стояла на совершенно ином уровне.

Кто-то в этом мире был наделён особыми возможностями, естественными талантами; а кто-то нет. Такой разрыв по части силы между ними повергал в отчаяние - а Девять Божественных Генералов служили тому доказательством. Этот титул не был из числа тех, что можно было заполучить на основании своего статуса или родословной, а только лишь через торжество силы победу приносящей.

Сильное замешательство вспыхнуло вспыхнуло среди рабов меча, когда тем было сказано, что эта Девятка может явиться по их души. Человек,

приведший сюда Присциллу, накинулся на смазливого парнишку: — Это тебе не шутки, Убирк! Она правду сказала?! Мы ни о чём таком не слышали!

— Ну же, прошу успокойся Гаджит. Только представь как сильно тряслись бы мои поджилки, заявись сюда такие как они! Я едва ли знаю с какой стороны меч держать!

— Не время дурака валять, ты мелкий... — Мужчина по имени Гаджит, тот что с саблей, схватил смазливого паренька - Убирка - за шиворот, но тот всё не оставлял попыток его урезонить.

— Ясно как день чего хочет верховная графиня, — сказал он. — Она надеется нас запугать, прямо как вот сейчас, чтобы мы прогнулись и сдались ей на милость. Но я... Нет, нет, *мы* на её маленький план не поведёмся. Настойчивость и даже алчность наши хлеб с маслом. Я разве не прав?

На что, тот другой мужчина цокнул языком — Пфха! — и отпустил Убирка. Другие рабы меча так же казались огорчёнными но уже более не озлобленными.

Присцилла, описывая одним словом, посчитала всё это за идиотизм, но она знала, что едва ли они теперь могли остановиться. Деяние уже было ими совершено. К этому моменту для них уже не было возможности сдаться, принести извинения и признаться в том, что их представления были не верны. Подобное уже являлось невозможным. Они уже перешли рубеж, когда пути назад больше нет.

Именно поэтому им нельзя было отступать.

— При...Серена, что он задумал? — прошептал Джорах.

— Хаа. Так значит мой супруг смог разуму применение снискать кроме как со страха дрожать. Считаю что я удивлена.

— П-пожалуйста не дразни меня, дело ведь серьёзное. — Голос Джораха дрожал, но он сделал вдох и сказал, — Я согласен с тобой на счёт того как всё рассудит Император. Нам не стоит ждать от него признания независимости Гинунхайва. Помощи нам не видать.

Пока она слушала как её мужа спокойно находил нестыковки в замысле рабов меча, Присцилла слегка прикрыла свои алые глаза, своим молчанием побуждая того продолжать говорить.

— Я и сам являюсь графом этой Империи, пускай и не ахти каким. Мне известно каким принципам следует эта страна. Даже окажись Император человеком преисполненным сострадания...

— Традиции Империи нашей ему даже намёк на слабость ни в коем разе не позволят показать. Исходом восстанию сему может быть лишь одна погибель, — заключила Присцилла.

— Представить себе не могу, чтобы ему это было невдомёк, — сказал Джорах, чей взгляд медленно переходил на Убирка, который всё ещё пытался разжечь в своих головорезах энтузиазм. Присцилла была полностью согласна с суждением Джораха. Будь у Убирка глаза чтобы видеть или разум дабы размышлять, он бы осознал, что это восстание закончилось так и не начавшись. И всё же он его поднял, втянув в него рабов меча благодаря при помощи своей дымовой завесы сотканной из слов. Эта ситуация была его рук дело. Зачем?

— Суверенитет для острова сего лишь чтобы пыль в глаза пустить. Есть у него иная цель, — сказала Присцилла. Видеть его успех было для нее невыносимо - и в той же степени не интересно было ей продолжать плыть по течению вслед за происходящим. Присцилла никогда не была той, что простодушно поступает так как ей велют другие. Не важно с кем бы ни имела дело, как ей жить решала *она* сама.

Поэтому, Присцилла осматривалась вокруг, в ожидании нужного момента. Её шанс настанет, и когда это произойдет, она уж точно его не упустит. Ибо...

— Сей мир меняется в угоду мне.

— Это должно помочь. Теперь ты не умрёшь. Наверное.

— Ага, спаси...Хнгх! — Он пытался её поблагодарить, когда получил удар в, только что перевязанную тряпкой, рану и вскрикнул от боли.

Первая помощь, оказанная ею, ну, не то чтобы очень сильно внушала доверие, и каждый раз как она касалась раны, на его глазах проступали слёзы. Ирония состояла в том, что это возможно и помогло сохранить ему жизнь - держало его в сознании в момент, когда лишиться чувств могло означать верную смерть.

Так или иначе, этот человек - Ал - наконец-то посмотрел на свою медсестру и изрёк, — Может говорить об этом уже чуток поздновато, но тебя не так уж легко смутить, не так ли? Должен признать, я никогда не думал, что мне свезёт настолько, чтобы такая красотка как ты вот так просто предстала предо мной в чём мать родила.

— ...? Я как-то чудно поступила? — спросила смуглая девушка, что в данную секунду почёсывала свою щеку, наклоняя голову в сторону Ала (будучи при этом совершенно голой). На её красивой фигуре было ни грамма лишней плоти, но ей, казалось, было абсолютно неведомо чувство стыда по поводу своей наготы.

Ал догадывался, что девочке было около двенадцати или тринадцати лет, тот возраст, в котором, согласно его ожиданиям, девушке уже пора было стать более щепетильной в подобных вопросах. — Думаю это зависит от того где ты родился и как тебя воспитали. А вот мне, по душе, когда фигурка просто бомба - ну знаешь, бадабуум! С этим тоже свезло. Кажется обе наши жизни были сегодня спасены.

— Это тебя спасли. Я...как раз в норме. Наверное?

— Эй, вопрос задаешь здесь ты. Но в любом случае, вот он я, вижу сребровласую девчонку, когда сам вот вот помру...Я случаем не в аду? — Ал вздрогнул, но не потому что было холодно. Он печально улыбнулся.

Девушка, Аракия (так она назвалась, когда тот спросил её имя, пока она обрабатывала его рану), коснулась своих волос. Они насквозь промокли, практически слились с водой, капающей с них. Она прищурила свои красные глаза и сказала, — Мои серебряные волосы...странные? Они прелестные. Принцесса постоянно это твердила.

— Оу, нет, нет. Всего лишь болтаю сам с собой. Это моя личная беда. Никак не связана с тобой, малышка - Просто у меня остались некоторые дурные воспоминания о серебряных волосах. Они напоминают мне о том какой же бесполезный отброс.

— ...? — Аракия вновь просто наклонила голову в ответ на гневный поток самокритики Ала, бывшей за пределами её понимания. Улыбка Ала стала ещё более горькой; ему не верилось в то, что он вот так облегчал свою душу перед этой юной леди сразу после того как та спасла ему жизнь.

Он очень тяжело вздохнул, словно так он мог бы избавиться от напряжения в своём сердце. Но, разумеется, ему было это не под силу. — Эт самое...Ну знаешь. Я кое-кем дорожил, но в самый ответственный момент был не в состоянии помочь.

— Ох... Мне это понятно. Я такая же. Не смогла выручить принцессу. — Аракия понурила голову и пальцами слегка коснулась своего левого глаза, повязка на котором не давала ей покоя, пока она ухаживала за раненым Алом. Её правый глаз на вид был ярко красного цвета, но он подозревал, что сокрытый тем покровом левый глаз лишился зрения. Казалось что тот служил ключом к памяти о её сожалениях.

— Мдаа. Похоже хоть что-то сказать к месту мне не под силу, — сказал Ал. Он чувствовал свою вину перед девушкой; сказанное им упоминать не стоило. Было неправильным, человеку средних лет взваливать на подростка чувства собственной беспомощности.

Довольно времени он растратил впустую на этом острове, чтобы считать подобное самобичевание уместным.

— Слушай, мне жаль. Я просто несу всякую чушь. Наверное было бы не очень хорошо просить, чтобы ты забыла, что я там наговорил, но может ты могла бы пропустить всё это мимо ушей. Ты должно быть здесь по какому-то делу, так ведь? А иначе, не была бы ты сейчас посреди такого опасного озера как это.

— Мм-хмм. Остров... Его захватили, так?

— Похоже на то. Я и сам почти ничего не видел. — Алу было неудобно за свою неспособность звучать авторитетнее, но у него не то чтобы была возможность притормозить и во всё вникнуть. Он лишь знал, что обнаружил себя бьющимся насмерть с самой могучей женщиной острова рабов меча. Правда заключалась в том, что получить несмертельное ранение для него было не иначе как чудом - и даже этого едва удалось избежать. Ради этого чуда ему пришлось оказаться на волосок от гибели.

— И вот пока меня занимали мысли о том не отброшу ли я коньки, Убирк с Хорнет взяли остров под контроль вместе со всеми, кто купился на их аферу, ха? ...И каким боком во всём этом вы, юная леди?

— Разводной мост. Я его опущу. Ведь, если этого не сделать, солдаты не смогут попасть на остров.

— С этим будет нелегко.

— Хмм, — сказала Аракия, раздосадованная тем как скоро Ал нашёл пробелы в её плане, как только услышал в чём была её цель. Это была милая реакция, вполне себе ожидаемая от девочки её возраста, но к несчастью для неё, сказанное Алом было правдой. Лёгкой эта задача ей явно не покажется.

Пока разводной мост, отделяющий остров от материка, оставался поднятым, солдаты прибывшие из столицы не могли начать штурм Гинунхайва. Иначе говоря он служил ныне занимающим этот остров рабам меча дорогой жизни, и им должно быть это известно. А это значило лишь одно: “Будет разыграна козырная карта в их колоде. А для этого острова таковой является монстр по имени Хорнет. Мы зовём её Императрицей рабов меча.”

— Императрица...рабов меча? Она сильная?

— Помнишь как нашла полудохлого меня? Это её работа, — сказал Ал, указывая на себя.

— ...? Это значит, что она сильная? — Чёткого ответа на вопрос Аракии получено не было. В её глазах мастерство Ала являлось предметом для спора. У него была лишь одна рука, когда она его нашла, тот цеплялся за жизнь, да и сама Аракия в бою вероятно была не промах. Ему не в чем было её винить, если та была невысокого мнения о нём. Но и мощь Хорнет не давала повода в себе усомниться. Не было на острове никого, кто мог выстоять против неё, и даже сильнейшим воителям этой Империи она доставила бы немало хлопот при прямом столкновении. Даже Аракия, казавшаяся куда сильнее Ала, наверняка не была исключением.

— Было бы совсем другое дело, если бы ты ненадолго отложила всё это, да для начала выросла здоровой и сильной. У тебя в запасе имеется лишний год-другой прежде чем тебе понадобится опустить тот мост?

— Нет...У меня есть дела, что я должна совершить. — Аракия покачала головой и выдала очевидный ответ.

— Ну разумеется. — Ал печально улыбнулся, но таки поднялся на ноги, опираясь о стену. Он всё ещё ощущал лёгкое головокружение от кровопотери, но всё же считал, что был способен двигаться, если сосредоточится на этом.

Аракия пронаблюдала за тем как он поднялся, а затем моргнула своим большим глазом. — Что ты будешь делать?

— Что мне делать? Тебе ведь надо на остров попасть, так, юная леди? Тебе понадобится кто-то, знающий что там да как, если хочешь опустить тот разводной мост. Ты поэтому мне помогла - верно?

— ...Ох!

— Только не говори, что забыла! ...Оох. От крика голова кругом идёт... — Ал улыбнулся Аракии, осознавая, что она была из тех, кто мог запутаться в любом деле каким бы она сейчас ни была занята.

Реальность состояла в следующем: Не важно сколько у него было жизней, вернуться на остров кишаций врагами было самоубийством. Но вместе с Аракией? Это уже была совсем другая история.

Ценность его жизни может и была едва ли равной одной песчинке, но ей он был обязан этой девочке. — И никто не посмеет меня обвинить в неблагодарности. Я проведу тебя по острову. Но...

— Мн. Это должно помочь. Биться... Моя задача.

Он осёкся, практически сказав, что собирался сбежать поджав хвост как только покажутся враги. И раз уж Аракия, у которой хвост имелся на самом деле, была настолько преисполнена решимости, едва ли Ал мог разгуливать по округе со своим нытьём.

Когда они всё решили, Ал протиснулся через расселину в скалах и посмотрел на этот ненавистный остров, служивший рабам меча домом, где группа зрителей удерживалась в заложниках, а толпа людей, бывших то ли очень храбрыми, то ли глупыми раз объявили войну Империи...

Ал покачал головой из стороны в сторону, чтобы избавиться от воды в его ушах. — Ладно, так мы решили идти. Но как мы туда доберёмся? — поморщившись, сказал он. Он столкнулся с той же проблемой, бывшей первоочередной причиной того, что опустить разводной мост стало необходимым: озеро доверху набитое Зверодемонам, которое они должны были пересечь, если хотели добраться до суши.

Таким было первое препятствие. Первое, что стояло между ним и оплатой долга перед его спасительницей.

— Эй, как много из сказанного тобой являлось правдой?

— ... — Присцилла задумчиво прикрыла один глаз, глядя на него со своего места в роскошном кресле, на коем она, скучая, коротала время. Говорящим был человек со странной причёской - он сбрил свои волосы, но лишь половину. Он был тем саблистом, которого Убирк именовал Гаджитом. Она предположила, что тот располагал определённым влиянием здесь, где первое всего ценилось испытанное в битве мастерство. Она подозревала, что тот мог за себя постоять в бою. Это прояснялось тем как он по всей видимости представлял интересы остальных. Хотя тот факт, что он лишь исполнял обязанности в отсутствие настоящего лидера, Убирка, выставлял смелость Гаджита как нечто сродни декорации.

— Хорошо мне тут юлить, дворянка. Ты хоть понимаешь в как положении оказалась? Э?

— Избавь меня от своего нытья. Считаю я, положение своё не в силах уяснить здесь ты. Что шаткая сама земля, что под ногами у тебя.

— Это что ещё такое было? — потребовал Гаджит.

— Ты подстрекателю тому позволил диктовать тебе всё до самых мелочей. Ты не способен иль просто не желаешь думать головой. А раз ты этого не можешь, то значит проку нет от глаз, носа или ушей, что шли в комплекте с

ней. Вы все к этому пришли, глаза прикрыв, заткнув носы с ушами, бесхитростно себя за руку вести позволив. Разве я не права?

Вопреки попыткам Гаджита запугать её, позиция Присциллы оставалась неизменной. Джорах, бывший подле неё, проявлял заметную нервозность. А что касается получившего основательный разнос Гаджита, то он мог скрыть своего недовольства, но было не похоже, чтобы тот собирался совершать опрометчивых поступков.

Казалось, что в массе своей рабы меча отходили от эйфории вызванной захватом острова. Прилив крови к голове конечно замечательно подходил для начала восстания, но теперь похоже замаячил вопрос, а что собственно дальше. И как следствие этого, они обратились к Присцилле - или скорее, к Верховной Графине Дракрой - единственной персоне, обладавшей здесь наиболее богатым опытом в вопросах взаимодействия с Империей.

— В точности столица сделает как описала я. Явление Девяти Божественных Генералов грядёт - сколь много императорских перстóв на вас падёт, решать ему, но как только те придут, сие убогое восстание раздавят в течение считанных минут.

— Ты себя то послушай. Как думаешь, сколько у нас здесь людей?

— Значенья не имеет. И ты это разумеешь.

— ...!

Не важно каких бы храбрецов они из себя ни строили, любой, кому довелось прожить свою жизнь в Империи, всякий, кто зарабатывал на неё мечом, прекрасно это понимал. Гаджит и другие рабы меча не питали иллюзий на счёт того, что могут тягаться с Девятью Божественными Генералами. Они это осознают как только немного успокоятся.

— И всё же вы это совершили... Зачем? — спросил Джорах, глядя на бледнеющих рабов меча. Вопрос был задан не совсем из жалости или сочувствия.

Гаджит равнодушно вздохнул. Такому слабому человеку как Джорах никогда не понять чувств людей обладающих большей но при этом всё ещё посредственной силой как он сам. Человеку не обделённому статусом и богатством ни за что не постичь отчаяния тех, кого заперли на изолированном острове. Не была на это способна и Присцилла. Даже если этих двоих можно было заставить вообразить всё это, они бы всё равно не сумели этого *прочувствовать*. И потому...

Вам, шавкам, среди двух открыта лишь одна дорога. Вы можете и дальше позволять тому смутьяну за нос вас водить иль жизням дать своим погаснуть в попытках тщетных Девятерых Божественных Генералов победить. Или же...

— Да? Или же что?

— Или вызов можете вы бросить своей судьбе и жизни ваши собственноручно возвратить себе.

Рабы меча тяжело сглотнули, каждый из них был восхищён словами Присциллы. Путь бывший сейчас перед ними вести мог лишь в тупик. Зашли в него они по глупости, отрезав себе обратную дорогу, и никак иначе. Но оставить всякую надежду на то, что может существовать какой-то способ выйти из этой патовой ситуации, значило поступиться любой другой возможностью кроме смерти.

— ...

— Попробуйте головам своим, доселе не испытанным, применение найти. Ведь судьбы ваши вам принадлежат одним, — сказала Присцилла, но понаблюдав за тем как эти люди пытались напрямь извилины, коих вовсе не имели, она смогла лишь пожать плечами.

В тот самый момент, как на брови у Гаджита начинала проявляться ещё одна морщина, раздался голос. — Верховная Графиня Дракрой. Не присоединитесь ли вы ко мне на балконе? Берег виден вполне отчётливо. — Это был Убирк, вернувшийся в комнату.

— Приглашение прозаичное. Но всё ж лучше чем находиться здесь, я полагаю. — Присцилла поднялась дабы принять предложение симпатичного юноши, но в тот же момент, она повернулась к своему мужу со словами, — А ты останься тут. Мне подозрения нежданые, чтоб возникали, вовсе ни к чему.

— Чт?! — изумлённо выпучил глаза Джорах, но Присцилла не придавала этому значения. Она приняла на себя эту опасную роль, и исполнит её до конца. Преследуемая тревожным взглядом Джораха, она пошла за Убирком на балкон, где мимо них пролетел ночной бриз. Разводной мост всё ещё был поднят, как и несколькими часами ранее, отрезая Гинунхайв от внешнего мира.

Но было там нечто отличное от того каким всё ей запомнилось. А именно...

— Кажется солдаты Императора встали лагерем на дальнем берегу. Вы можете увидеть крохотные огоньки вон там, — сказал Убирк, заслоня свои глаза рукой. И, действительно, на материковой суше в удалении. Когда вести о

событиях на Гинунхайве и требованиях рабов меча дошли до столицы, сюда по-видимому была направлена армия дабы окружить озеро. Бриз нёс за собой практически осязаемое предвкушение грядущей битвы, пока солдаты готовились к ней.

— Я видел как вы общались с Гаджитом и остальными. Они не очень то легки на подъём, так ведь? Мне известно как вы должно быть себя чувствуете, на самом деле. Я пять лет потратил, убеждая их перестать уже волочить ноги.

— Свою софистику равнять не смей с моим великолепием, плебей. Сие суть есть неуважение.

— Софистика? Вы раните меня, — сказал Убирк. Но затем тихонько посмеялся. — Так значит я неуважительный плебей, да? — Он прислонился к перилам балкона. Он ставил себя в крайне уязвимое положение. Конечно, на некотором удалении находился страж, но если бы Присцилла решила перейти к действиям, то тот ни за что бы не подоспел к ним вовремя. По словам самого же Убирка, он вовсе не являлся воином. Лишить красавчика жизни для Присциллы было бы плёвым делом. Но в то же время...

— Это не имело бы никакого смысла, разве нет? Мы так далеко зашли. Лишись я свою головы сейчас и это бы всё равно не прекратилось. Я лишь легонько подстегнул события.

— Хмф. Подстегнул. А кого именно ты там подстегнул?

— Ох, каждого кто попался под руку. Любого кого ничего особо не волновало. — Убирк посмеялся вслух. А затем он взялся за полу́ своей рубахи и начал задирать её вверх. То было примитивное, грубого покроя одеяние, носимое каждым заключённым на этом острове, и когда он его поднял, то под ним обнаружилось худощавое, костлявое тело.

Присцилла нахмурилась, но вскоре осознала, что сделал это он не ради того чтобы просто раздеться. Он что-то ей показывал. Нечто позволившее ему разжечь пламя этого восстания.

Там, по центру груди Убирка, был расположен третий, в данный момент закрытый, глаз.

— Племя Злого Глаза.

— Совершенно верно. Не часто такое увидишь, да? Немного нас таких осталось. Я один из немногих выживших. — Убирк позволил своей рубахе опуститься обратно и в дразнящей манере поднял руки, будто говоря своей позой “я тебя поймаю”. Присцилла никак не отреагировала, разве что скрестила руки, взявшись за свои локотки.

Даже среди полулюдей, способности, коими обладали члены Племени Злого Глаза, считались чрезвычайно редкими. Где-то на их телах располагалось третье око, как правило именуемое Злым Глазом, способным наделять их целым спектром возможностей. Это было сродни благословию - взглянув на это иначе, Племя Злого Глаза можно было бы назвать народом, в представителях которого благословения обнаруживались всегда.

Благословения нельзя было в полной мере назвать магией, и люди, которые всегда рождались с тем, что в сущности своей являлось благословением, были лакомым кусочком для тех, кто желал воспользоваться подобными способностями ради достижения своих целей. За свою историю Волакия повидала не одну битву за контроль над Племенем Злого Глаза. И множество его членов, с которыми обращались так словно те были богатствами, коим суждено было постоянно менять своих обладателей, погибло в тех войнах...

— Полагают нынче, что Племя Злого Глаза почти перевелось, — констатировала Присцилла. — Считают их по редкости своей демонам едва ли не под стать.

— А вы хорошо осведомлены. Да, я представитель этого редчайшего из племён. Впрочем, кхм, причина, по которой я нравился хозяину этого острова не имела ничего общего с моим Злым Глазом.

— Ты проститут.

— Стыдно, но правда. — Убирк почесал свою щёку, и впервые прозвучал так словно на самом деле говорил от чистого сердца.

Присцилла, однако же, отмахнулась от его стыда со словами: — Хмф. Какая здесь нужда стыдиться?

— Чего?

— Всё живое себе под солнцем место ищет как умеет. И коли ты своё нашёл к оружию не прибегая, то ты должно быть этого достиг к работе разум привлекаая. Сие показывает в тебе не зверя, но человека.

Достичь победы, когда оба противника обнажили перед друг другом свои клыки, значило доказать свою физическую мощь. Но использовать разум вместо клыков - это выявляло не физическую силу, а интеллектуальную. Не то чтобы в сущности своей одно было лучше другого. У каждого имелось своё применение.

— Понимаю...А вы очень умны, — сказал Убирк.

— Разумеется, Я умна, глупец. Ты за кого меня держишь?

— Ну что ж, это вопрос непростой. — Убирк печально улыбнулся Присцилле. По тому как она говорила, как надувала свою грудь, он подозревал, что ей было известны его следующие слова. Если Убирк подстроил всю эту ситуацию в надежде поймать Верховную Графиню Серену Дракрой, то тогда к этому моменту он бы уже заметил. — Кем бы вы ни были на самом деле... Вы не Верховная Графиня Серена Дракрой, не так ли, госпожа?

— Ты времени не трать на то, что разумеется само собой. Ужели ты подобно прихвостням своим пустою обладаешь головой? — Ответ Присциллы был лишён какой-то особой злости.

Плечи Убирка резко поникли. — Я думал вы попытаетесь прикинуться дурочкой. А вместо этого, вы вот так прямо сознались...

Что до этого, то для Присциллы не было никакой разницы, раскусил ли Убирк её обман. В свою очередь, он, проявлявший осторожность дабы их разговор не достиг ушей охраны, кажется не планировал рассказывать остальным рабам меча о том кем Присцилла являлась на самом деле.

С его стороны это была своего рода стратегией для переговоров. Ему было известно, что она не являлась той за кого себя выдаёт, но при этом никому об этом не скажет. А в замен...

— Мне нужно, чтобы вы некоторое время не путались у меня под ногами, мисс.

— Невежественный ты мальчишка. Даже тебе должно быть ясно, что восстание ничтожное твоё тотчас сокрушат. С мостом иль без него, войска, которые, как видишь ты, стянулись к озеру на дальнем берегу, всенепременно путь через него сообразят. Сие лишь времени вопрос.

Убирк улыбнулся и тихо сказал, — Да. И как раз время мне и нужно.

В тот момент, из водоворота вопросов в голове Присциллы на поверхность вышел ответ, имевший для неё смысл. — Так вот в чём твоя цель, — сказала она. Теперь ей стало ясно зачем Убирк разжёл этот мятеж, прекрасно осознавая, что оно будет подавлено. Она знала почему он так отчаянно хотел выиграть время.

Он удивлённо на неё взглянул. Слова прощёптанные ею дали понять, что его план теперь был ей известен. Ну и ну! Вам дабы разгадать мои цели потребовалось лишь это? И - так! Необычно здесь то, что я не сомневаюсь в правдивости ваших слов. С ними вы странным образом убедительны.

— ...Не больно то тревожит находишь ли убедительной меня иль нет. Вопрос лишь в том как ты поступишь? Теперь когда твой план я раскусила, что теперь?

— Ситуация неприятная. А я то думал преимущество за мной, — Сказал Убирк, почесывая голову и при этом с лёгкой горечью улыбаясь. Злой Глаз под его рубахой был устремлён на Присциллу. Если именно благодаря ему он сумел поднять это восстание, то его сила должно быть в считывании эмоций окружающих - опасная способность.

Впрочем, Убирк покачал головой и сказал, — Нет. Мой Злой Глаз на такие удобные штуки неспособен. Да и сомневаюсь, что на вас это сработало бы. И посему лучше всего, я полагаю, будет заставить вас молчать...

— ... — Присцилла не проронила ни слова.

— ...но одно неотступное сомнение не даст мне так поступить. И поэтому. — Убирк щелчком пальцев подозвал охрану. Явилось двое мужчин, крупный, закованный в броню, и другой, поменьше, с голым торсом. — Пожалуйста, сопроводите леди в отдельную от её мужа комнату. И постарайтесь проявлять при этом любезность.

— Любезность. Хороша шутка, — сказал тот, что поменьше, изо рта которого раздавался раздражающий, похожий на жужжание насекомого смех. — Мы то тут всегда такие. *Любезные*.

— Ну, она наша козырная карта. — Убирк обернулся и посмотрел на Присциллу. Глаза его были столь таинственными, делая невозможным понимание, таящихся в них эмоций. — Мне придётся вас попросить остаться с нами ненадолго. Впрочем, вынужден признать, что это может сойти за надменность, когда я думаю о Девяти Божественных Генералах, собирающихся стереть это место в порошок.

— Хох. Так значит замысел ты всё таки имеешь? Такой что планы генералов императорских расстроит? — Присцилла вскинула бровь.

— Скажем так, у вас есть свой Император...а у нас наша Императрица.

Слово императрица привлекло внимание Присциллы. Если на острове был некто, именуемый подобным титулом, то она была либо самой нелепой клоунессой этого мира или же...

— ...той, кому сил достанет на трон претендовать.

Буль буль, буль буль - с невероятной скоростью пейзаж проносился мимо них. Что ж, это было не совсем так. По правде, поблизости не было ничего достойного звания “пейзажа”, да и двигалось скорее не их окружение, а они сами.

Всего лишь однорукий мужик среднего возраста по имени Ал, которого с небывалой скоростью тащили сквозь водную гладь.

— Блргх?! — воскликнул он, когда заплыв резко прекратился. Не будучи способным погасить свою инерцию, Ал вылетел из воды и покатился по твёрдой поверхности. Остановился он, спиной коснувшись холодной земли, где он жадно вдохнул в свои лёгкие столько кислорода, сколько мог. — Ого...го...Я уж думал мне кирдык! — Ал тяжело дышал, размышляя над тем как он был до смерти напуган вдобавок к тому, что чуть было реально не умер. Одной из причин тому, разумеется, служила его неспособность дышать под водой - а второй были его многочисленные зрительные контакты со Зверодемонами, рассекавшими в водах этого озера.

Там был буквально другой мир, и принадлежал он тем ребятам, что звали эти воды своим домом. Уже сам факт того, что Алу удалось выжить дабы оказаться на той крохотной скале, где его в итоге обнаружила Аракия, случился благодаря небольшой череде счастливых совпадений.

Весёленькое дельце, подумать только, сколько раз эти чудища едва ли не порвали меня на лоскуты.

С плеском воды вслед за ним появилась Аракия. — Мы на месте.

— Благодарю, я в курсе. И на ка вот... накинь вот это. — Он нахмурился при виде всё ещё обнажённой (и всё ещё ни капли не смущённой) девушки, бросая ей свою потасканную рубаху. Она была насквозь мокрой, покрытой кровью и в ней красовалось множество отверстий, но это всё равно было лучше чем расхаживать вокруг с голой девицей. Из уважения к чувствам Ала, Аракия разорвала его рубаху надвое, оборачивая одну её часть вокруг груди, и заворачивая свою талию в другую, устраняя таким образом наиболее проблематичные аспекты отсутствия у неё одежды.

Разобравшись с насущной проблемой, Ал кивнул головой и тихо произнёс, — Вернулся домой, а ведь всего то пара часов прошла... От местечка, однако, жутью веет. — Он посмотрел на остров рабов меча, на который опустился саван из тишины.

Он вместе с Аракией вышли на сушу около свалки для отходов в нижней части острова - просто площадка с которой мусор, отбросы и что угодно ещё, накопившееся здесь, сбрасывают в озеро на корм зверодемонам. Несмотря на прямой доступ к озеру, здесь совсем не было стражи, несущих дозор на случай проникновения сюда имперских солдат. Водоплавающих зверодемонов в качестве охраны вполне достаточно – по крайней мере обычно.

— Они должно быть думают, что нет таких безумцев, которые решились бы забраться сюда таким образом.

— Это место. Для чего оно?

— Сюда они вышвыривают мусор с острова. Тухлую еду, человеческое говно - и любого кто сам превратился в отходы.

— Любого кто превратился в отходы?

— Я имею в виду трупы. Их забирают зверодемоны. Это по-настоящему...экологично, понимаешь? — сказал Ал. Аракия с виду была до глубины души возмущена.

Независимо от её мнения на этот счёт, Алу такой способ разобраться со всем казался разумным. В конце концов, покуда рабам меча приходилось биться с друг другом на потеху публики, остров и дальше продолжит производить тела. Весь остров был предназначен для проведения боёв - они не могли выделить землю на погребение кого-либо. К тому же, кто бы тогда посещал эти могилы, даже если они таковыми располагали?

Следовательно, такой метод был наиболее эффективным в вопросе обращения с мертвецами.

— Конечно, случается и такое, что какой-нибудь залётный зритель с, эм, странными предпочтениями, готов приобрести себе один из тех трупов.

— Трупов? Что они с ними делают?

— Эй, не все рабы меча такие здоровые и безобразные скоты как я. Время от времени, попадаются смазливые ребята, даже случается такое, что тут мимоходом окажется симпатичная женщина. Но когда приходит их время, погибают все. Если умерев они остаются при своей красоте, то кто-нибудь может их купить.

Ему даже приходилось слышать о людях, приобретших себе тела редких представителей расы полулюдей дабы сделать из них чучела - немало людей из необычных племён проходили через остров рабов меча.

В любом случае, исключая тех несчастных чьё достоинство продолжало подвергаться унижению даже после их смерти, большинство трупов выбрасывали в озеро, где они становились пищей для зверодемонов и становились частью пищевой цепи.

— Не уверен, что одно чем-то лучше другого, когда они уже мертвы, — сказал Ал. На его взгляд, он не считал будто для него имело бы какое-то значение превратят ли его тело в игрушку или отдадут на съедение зверям, когда его не станет. Мёртвое был мертвó; после уже ничего не оставалось.

Ничего не оставалось - но существовал надлежащий природный цикл.

— Хмм? Что такое, юная леди? Ты всё продолжаешь сверлить меня взглядом.

Аракия, в тот момент полностью игнорировавшая мысли и чувства Ала, буквально пришила его своими глазами, одним, с пылающей в нём искрой и другим, свет в котором уже погас.

— Неплохо...Я думаю, — сказала она.

— Хмм? Что неплохо?

— Твоё лицо? Твоё лицо. Не думаю, что ты безобразный скот.

Ал потерял дар речи - среди того, что она могла сказать, этих слов не находилось. Он был прежде всего удивлён тем, что Аракия вообще обратила внимание на его внешность - но ещё больше он был поражён тем как она из уважения к нему продолжала эту тему. Или, быть может, на самом деле ни то ни другое не было правдой; возможно, что она попросту в своей манере излагала свои мысли - но даже такое было бы по-своему удивительным.

Ал не был в восторге от своего лица. По сути, он его отчасти даже ненавидел. Он едва ли не предпочёл бы, убрать его с глаз долой, если б мог.

— ...Разводной мост. То, что приводит его в движение - где оно? — Пока Ал пытался определиться с тем сказать ли ему “спасибо”, Аракия уже переключилась на другую тему.

Так решение Ала было принято за него: Он перестал беспокоиться насчёт слов благодарности и дёрнул своим подбородком вверх. — Вот она. Видишь ту башню прямо у моста? В ней расположен его контрольный механизм. Если тебе удастся туда попасть, то опустить мост будет совсем не сложно.

— ... — Аракия посмотрела туда куда ей указал Ал, прищуриваясь дабы получше разглядеть башню. Если бы она добралась туда и опустила мост, то

тогда имперские солдаты толпой ринулись бы сюда с противоположного берега, и это вооружённое восстание было бы моментально раздавлено. Рабы меча, позволившие речам Убирка сделать их частью его безумного замысла, его безрассудной борьбы, были бы сокрушены, вероятно при этом ещё не полностью расставшись со своими грёзами.

— А это значит, что все кого я знаю вероятно разом исчезнут...прямо как тогда четыре года назад, — сказал Ал. — Эй, погоди-ка. Они ведь и *меня* тоже станут в этом винить? Сотрут меня в порошок?

— Всё хорошо... Я с ними поговорю. Возможно я про это не забуду. Определённо.

— Как для утешения это звучит чутка расплывчато! Всё равно... — Но затем Ал замолчал, так как Аракия смотрела на него обеспокоенно, несмотря вопреки гримасе на его лице.

Сколь бы ни было тяжело для неё это признать, но у Аракии не было никаких гарантий её безопасного воссоединения со своими союзниками. В сущности, она вполне могла ожидать того, что контрольную башню будет охранять сама Императрица рабов меча, Хорнет - та, которую по словам Ала невозможно одолеть.

— ... — Ал не пытался притвориться будто его собственная сила была смехотворной, но Хорнет являлась самой могучей воительницей на острове рабов меча. То что она могла бы сражаться даже с Девятью Божественными Генералами, сильнейшими бойцами всея Империи, на равных, в его голове смотрелось невероятно правдоподобно. Если у затеи Убирка и был какой-то шанс на успех, то зиждился он на наличии кого-то чьё мастерство в бою можно было сравнить с генералами, когда те явятся на остров. Дабы действительно усадить Волакйскую Империю за стол переговоров, им бы потребовалась сила способная не дать впечатляющей мощи государства их раздавить.

Хорнет наверняка являлась ключевым элементов плана Убирка. С этой точки зрения...

— Я серьёзно считаю, что тебе с Хорнет не тягаться, малышка.

Аракия была сильнее Ала, или так он предполагал. Но Хорнет была могущественнее целой *сотни* Алов. У Аракии нет шансов побороть этого монстра.

Он считал, что им впору было трубить отступление, привести этих Девятерых Божественных Генералов, которые предположительно выжидали на том берегу. Аракия могла бы притащить их по воде, точно так же как она сделала в случае с Алом.

— Думаю...вплавь будет тяжело. На небольшой дистанции это ещё может быть и ничего, но вот...

— Полагаю, не очень то здраво будет просить их задержать дыхание на десять или пятнадцать минут, да? Но я не уверен, что это хоть немного лучше чем считать будто тебе под силу победить Хорнет.

— Я думаю. Если мне не победить...то я не буду сражаться.

— Что?

Ал выглядел шокированным, а Аракия выхватила нечто бывшее в воздухе - тускло светящегося, низшего духа. Ни секунды не колебаясь, она запихала его себе в рот, пережёвывая бестелесное существо.

— ...

Она поведала Алу, что она “Пожирательница Духов”. Она была способна поглощать не поддающихся подсчёту созданий, известных как духи, что витали в воздухе, вбирая их своим телом и перенимая их особенности. Именно так она уподобилась низшему духу воды, чтобы пересечь озеро. На самом деле, не будет преувеличением сказать, что она обратилась в саму воду, плывя со скоростью на целые порядки опережающей любого обычного человека. Как Ал мог не поверить в её объяснение? Она ведь с потрясающей прытью протащила его через озеро.

Так, чтобы пересечь озеро, Аракии потребовалось поглотить духа воды. В таком случае, дабы достичь контрольной башни и опустить мост, она съест...

— Духа ветра.

— Эй, постой, ты же это не серьёзно... — На глазах у Ала, тело Араки стало преобразовываться в ветер. Это значило, что она постепенно становилась невидимой. Прищурившись, Ал мог разглядеть лишь силуэт Аракии, но только потому как знал что искать. — Вау, с этими штуковинами ты способна на что угодно. Удобная фиговина. Думаю с этого момента я стану питаться строго дүхами.

— Не рекомендую так делать... В итоге ты рискуешь исчезнуть.

— Ахх, это одна из этих штук, да? Ты не в силах поддерживать свою сущность, а потом такой - пуф!

Для него это звучало так, словно для слияния с духами пожирателю требовалось непоколебимое самосознание. И если это было ключом, то, да, она была права: Для такого он был не годен. Ал являлся образцовым примером человека, не знавшего кем он был на самом деле.

— Будет прямо безудержно весело, если ты туда заберёшься, а Хорнет там вообще нет. — После всех его предупреждений по поводу того насколько же она была могущественна, если самой Хорнет вдруг не оказалось бы в башне, то это и вправду было бы сплошным разочарованием. Даже невзирая на то, что в таком случае Аракии стало бы куда проще выполнить свою цель.

Аракия, однако же, услышав шуточку Ала даже не улыбнулась. Вместо этого, полупрозрачная девушка посмотрела на башню и сказала, — Нет. Она там.

Ал и Аракия, преисполненные сомнений и бдительности, в кратчайшие сроки вернулись на остров. Они направлялись к контрольной башне - несмотря на то, что оставаться подле Аракии Ала вынудили исключительно сложившиеся обстоятельства. Он хотел отплатить ей за спасение его жизни, но он собирался с ней разойтись в разные стороны как только поймёт, что его долг уплачен. Дабы зажить по-другому.

К этому моменту, он уже поведал ей как опустить разводной мост, провёл её через остров, и наделил достаточным количеством одежды, дабы ту не посчитали за какую-то извращенку. Он думал, что всё это в сумме тянуло на весьма ощутимую помощь. Он более не был ей чем-то особо обязан.

— Хрхх! — На глазах у Ала, мужчину стоявшего перед ним скрутило, а из его головы хлынула кровь. Другой человек, говоривший с ним, был шокирован внезапной и жестокой кончиной своего собеседника. Но объяснение произошедшего - или облегчение его сердечных мук - в обязанности Ала не входило. Вместо этого он выхватил нож, висевший на поясе у ошарашенного мужчины, взялся за него обратным хватом и ткнул им того в сердце. А потом с силой его провернул.

Оба стражника погибли не издав ни звука, с разницей в пять секунд. Возможно они смогут продолжить свой разговор в следующей жизни.

Ал озвучил своё восхищение, вытирая своей рубахой кровь с ножа. — Фух. Невидимость. Вот это уже нечестное преимущество.

— А ты... Ты сильнее чем я думала. Даже несмотря на то, что у тебя всего одна рука, — ответила едва различимая Аракия. Он подумал, что её оценка возможно была слегка излишне честной, но всё же решил принять её за комплимент.

Так или иначе, одеяния стражей были слишком заляпаны кровью, чтобы их можно было носить, и потому Старине Алу придётся продолжить свою

тайную операцию в полураздетом состоянии. — Чёрт, они и вправду захватили остров, так ведь? — сказал он.

— Ты думал я солгала?

— Скажем так, я надеялся, что мне это...приснилось.

Не испытывал нежных чувств к кому-либо с этого острова - у него даже друзей не было. Нет, то была неправда. Стражник по имени Орлан являлся едва ли не единственным к кому у Ала была хоть какая-то симпатия. В остальном, здесь у него действительно ничего не было. Ему хотелось, чтобы это оказалось сном из-за того как всё перевернулось с ног на голову, включая жизнь Орлана.

— Интересно чем я займусь потом...

По меньшей мере, когда всё это закончится, на острове должны будут наступить какие-то перемены. Та самая единственная вещь, которую он желал видеть неизменной, уже не была прежней, и в дальнейшем грянут ещё изменения. И если те были неизбежны, то зачем ему здесь оставаться? Сколького он вообще сумел достичь за десятилетие проведённое им на этой каменюке?

— Ни хрена, вот сколько. Ни хрена я не сделал, и в будущем будет так же. — Он проводил свои дни словно трава, колышущаяся на ветру, как листочек, скользящий по поверхности пруда, ведомый волей бриза. Ему всегда недоставало даже воображения, дабы представить что же его ждало в конце этого пути...

В тот момент, когда Ал стоял около убитых им стражей, Аракия внезапно заговорила. — Там.

Ал затаил дыхание и посмотрел в указанном ею направлении. Он завидел каменные плиты, контрольную башню, окружённую стенами как естественными так и рукотворными, а у их основания была...

...очень, очень крупная фигура, стоявшая к ним спиной.

— ...! — У Ала чуть было дух не перехватило от ощущения будто его сердце зажали в тиски. Он поспешил скрыться в тенях около стены. Он высунул оттуда голову лишь на секунду. Ни за что на свете кто-то, повернувшийся спиной, не смог бы его заметить, не говоря уже об Аракии. Но только представьте себе, если бы та в тот самый миг смотрела бы в их направлении.

— Уф...уф... — Ал заметил своё прерывистое дыхание, когда приложил руку к своей груди, которая внезапно снова заболела.

Он не раз смотрел смерти в лицо и выжил дабы поведать об этом - и всё же в этот момент, его одолевал практически непреодолимый страх перед смертью. Дело не в его боязни снова и снова испытывать боль и отчаяние. Он мог сталкиваться с ними сотни, даже тысячи раз покуда знал, что рано или поздно они закончатся. Но что если им не будет конца? Ал - Альдебаран - знал, что в этом мире существовали такие враги, коих нельзя было побороть. Такие стены, что нельзя было покорить.

Императрица рабов меча была одной из них.

— ...Ха! — С этой мыслью, Ал язвительно посмеялся, снова приводя в движение свой застывший разум. Что вселило в него такую уверенность будто её невозможно было побороть, нельзя было превозмочь? Ал не являлся тем, кто должен с ней биться. Он сказал Аракии, что наступит момент, когда его долг перед ней будет уплачен сполна. Пришло время ему бежать, поджав хвост.

Он знал, что как только она его увидит, то снова явится за его жизнью. Он не желал оставаться в зоне досягаемости её ядовитых клыков ни секундой больше - он хотел убраться оттуда.

— Эй... Юная леди... Мне реально жаль, но дальше я не пойду.

— ... — Аракия ничего не сказала.

— Она и так уже не раз меня грохнула... Чёрт, скорее уж сотню раз. Я не в силах заставить себя что-то с ней сделать.

Так Ал сказал Аракии, что покидает поле боя, всецело ожидая получить от неё разнос за его неблагодарность. Но даже напади Аракия на него в порыве гнева здесь и сейчас, это всё равно было бы лучше чем вновь сойтись с этим монстром в смертельном поединке. Это чудовище может и являло собой непреодолимую стену, но Аракия - он считал, что сможет найти способ одержать над ней верх.

Оказалось, что Ал переживал понапрасну. Аракия сказала лишь, — Ммм. Поняла. Спасибо.

От её прямолинейного ответа он заморгал, но при этом не заметил никаких изменений в поведении Аракии. Она приняла его трусость столь же естественно как и всё остальное и просто вычеркнула его из своего боевого состава, имевшегося в её распоряжении.

Однако вдобавок это указывало на то, что она не собиралась отступить перед лицом этой твари...

— Слушай сюда, деточка, бросай это дело. Никто не станет тебя винить. По крайней мере я не буду. Ты ведь слышишь меня, так?

— Она наверно сильная.

— Никаких *наверное*. Именно такая она и есть. Она по крайней мере на третьей или четвёртой строчке среди сильнейших живых существ, что мне довелось встретить на своём веку.

— А кто на первой и второй?

— Не охота их вспоминать.

Была у них одна общая черта - все те монстры заставляли его чувствовать себя так словно сердце насквозь промёрзло в груди. От одних лишь мыслей о них у него внутри что-то умирало. В конце концов это не представлялось возможным. Не имело значения сколько, сотен или тысяч раз он бы ни сходился с ними в бою, это всё равно было неосуществимо.

Ибо он знал, что в этом мире существовали непробиваемые стены.

— Послушай, детка..., — начал он, но проповеди из уст мужика средних лет было не остановить безрассудную девушку, у которой было всё впереди.

— Пока, — сказала Аракия, и после чего её практически невидимое тело слилось с ветром и она направилась к контрольной башне, буквально в одном темпе с бризом. Долговязая воительница впереди всё ещё была к ним спиной; она всматривалась в озеро. Аракия только только должна была проскочить мимо неё как вдруг...

— Чтоооо ж. До чего странный ветерок.

Аракия не могла просто проскользнуть мимо. Некоторые из нас являлись сверхлюдьми; они жили в мире за рамками обыденного. Хорнет как раз входила в их число. Какое едва различимое изменение в потоке ветра она заметила? Каким бы оно ни было, она повернулась и двинула свои лезвия - сами её руки - прямо сквозь этот бриз. Замах на вид был широким, ненаправленным, но он угодил прямоком в грудь Аракии. Её разрубило бы пополам, не защитись она от этого удара. Но она засекла ауру надвигающейся смерти и воспарила вверх, уклоняясь от атаки.

Это, однако, не было финалом смертельного танца.

— Хорошо! Вот так так, ну и нууу! — Хорнет, казалось, чуть ли не пела, продолжая свою пляску смерти, от неё буквально исходило зло.

— ...! — Единая с ветром, Аракия была способна перемещаться лучше и быстрее чем можно было ожидать, но Хорнет продолжала теснить её серией безжалостных ударов своих мечей, пока та чуть было не оказалась загнанной в угол. Она отчаянно пыталась избежать этой волны смерти - она очевидно была вовлечена в грандиозную битву, но Хорнет пока ещё только игралась с ней.

Это отнюдь не значило, что она не наслаждалась этим поединком. Убийство являлось её страстью, а причинение страданий её любимой забавой. Следовательно, этот размен между атакой и обороной, позволивший ей загнать Аракию в угол, весь целиком был частью церемонии во имя её удовольствия.

— Я..., — Начал было Ал, но так и не смог себя заставить сказать это вслух. *Я же говорил.* Да, она была безрассудна; было ясно к чему это в итоге приведёт. Но решение не останавливать девушку силой принял именно Ал.

Разумеется, существовала определённая вероятность того, что ему бы не удалось её остановить, даже если бы он попытался - но так размышляли те у кого в жизни имелся лишь один шанс. На Ала это не распространялось.

Если бы он хотел, то остановил бы её. И всё же он этого не сделал.

Ал более не горел желанием растрачивать свои усилия на переубеждение других. Поэтому то он и наблюдал за тем как эта девочка шла на бой, в котором он знал, что та погибнет, почему лишь понимающе следил за этим поединком, и по какой причине он узрит кровавый финал её жизни.

— ...

Нечто отдалось болью где-то в глубине него; как будто его сердце вот вот будет раздавлено под колоссальной тяжестью. Если это было симптомом стресса от столкновения с тем, что было крайне сложно вынести, тогда зачем же он стоял здесь, наблюдая за тем чего не желал видеть? Отнюдь не по какой-то там героической причине на манер желания сполна пронаблюдать последствия своих решений. Для столь важных причин он не был достаточно благороден.

Он был всего лишь мужиком средних с жалкой пародией на оружие в руке и целой жизнью прожитой, кое-как избегая любых смертельных ран - хотя он всё же носил шрамы от великого множества увечий иного рода. Его дух был сломлен. Он не мог даже мечтать.

У него не было причин сражаться и ничего, что бы могло вдохновить его на победу. Абсолютно никакой мотивации хоть с чем-то бороться.

И всё таки Ал...

— Ох.

— Ну и ну!

Огромный клинок обрушился ударом сверху, от которого было не уйти. Кровь ушла в пляс, взмыв в ночное небо.

Связь полуголой девицы с ветром была оборвана; она отшатнулась назад и рухнула на каменные плиты. Императрица острова рабов меча посмотрела на окровавленную девочку и мило ей улыбнулась. — Да ты просто милейшая кроха, не так ли? Я тебя не узнаю... Мне интересно как тебя сюда занесло.

— ...

Хорнет с любопытством наклонила голову, но девочка ничего не ответила, лишь уставившись на неё своим, пылающим враждебностью, алым глазом. Улыбка Хорнет от этого стала лишь шире.

Капающая кровь окрасила серебряные волосы девочки в красный цвет и мелкими точками запятнала её смуглую кожу, которая, казалось, словно пульсировала от желания сражаться.

Хорнет занесла вверх свои клинки, смакуя своё следующее действие...

— Ладно, хорош уже, — сказал кто-то прямо перед тем как она смогла обрушить вниз свои мечи. Кто мешал ей веселиться?

Её раздражение, однако ж, улетучилось, стоило ей увидеть обладателя этого голоса. — Так, так, так! — Её глаза широко открылись, когда она с удовольствием заметила освещённую лунным светом фигуру.

Равно как и она, он не располагал полным набором конечностей; сродни ей, волосы его были необычного чёрного цвета; и под стать ей, он ухитрился выжить в этом гиблом месте...

— Альдебаран! — сказала она.

— Не называй меня так, — огрызнулся он. — Ба, да кому какая разница? Чувствую себя так словно сдохнуть хочется. — Он навёл свой кинжал на Хорнет. Короткое, примитивное оружие, бывшее на порядок короче огромного меча, коим он обычно орудовал. И так, человек сбежавший от неё на арене, тот, что совсем недавно избежал критического ранения, пришёл сразиться с ней вновь.

— Вот тебе на! Этого я не ожидала. Не знала, что мой милый малыш Ал такой пылкий мужчинка!

— Никакой я не пылкий что-то там. Девчушка слишком симпатичная, чтобы умереть такой молодой...и от вида её окровавленных серебряных волос мне стало хуже чем я того ожидал. И...

— Даааа? — сказала Хорнет, растягивая вопрос.

Ал нахмурился, но затем мрачно усмехнулся. Хорнет улыбнулась в ответ, а по её спине пробежала приятная дрожь.

Пока они стояли там, ухмыляясь друг другу, Ал сказал, — Звёзды были... Нее. Скверное сегодня моё *настроение*.

— Ко времени сему подействовать пора бы яду, — со своего кресла прошептала Присцилла.

— Эт чё такое? — сказал небольшой, полуодетый мужчина, широко открывая глаза. Он был одним из двух стражей приставленных к Присцилле после беседы с Убирком на балконе, когда её с Джорахом рассадили по разным комнатам. Другой стражник, здоровяк закованный в броню, сохранял тишину, но она таки привлекла его внимание. Оба они были обеспокоены сказанным ею.

Она размашистым движением подняла палец вверх чтобы они точно увидели. — Мудрёного здесь нет. Позвольте всё истолковать чтоб даже вам недалёким дуракам удалось понять: Яд есть фигура речи. Отравы подлинной ни в коем направлении не течёт. Однако ж есть такое, что даже в миг сей разъедает жизнь, энергию крадёт пока наш разговор идёт.

— Чем дольше ты базаришь, тем непонятнее становится. Но я знаю, когда надо мной насмеваются!

Своей роскошностью комната, в коей ныне пребывала Присцилла, несколько уступала опочивальне хозяина острова. Небольшой мужчина, получив скучный наряд на несение караула, схватился теперь за свои кинжалы и злобно смотрел на Присциллу. Его гнев, вызванный её словами, был буквально написан на его безобразном лице, равно как и тот факт, что он хотел выместить эту злость на ней.

Однако...

— Коль мне надеешься ты угрожать, уже изволил сильно опоздать.

— Даа? Ну ка давай посмотрим как долго ты сможешь так трепаться, ты мелкая...

— Неа, думаю она будет так говорить до самой гробовой доски. — сказал некто, перебивая орущего небольшого мужчину. Последний, будучи готовым сражаться, отпрыгнул назад, но был пойман уколom копья, одним ударом лишившим того жизни, пронзив его лицо. Он погиб на месте.

В тот же самый момент, на красный ковёр, оглушительно лязгая доспехом, упал крупный мужчина. Всё благодаря человеку со странной причёской - Гаджиту, убившему другого раба меча. Вместе с ним в комнате был...

— Умеешь женщину заставить ждать, — заметила Присцилла.

— Ой, я спешил, знаете ли, на самом деле спешил. Но сначала, Майлзу нужно было устроить мне основательную взбучку, а потом графиня сказала ждать подходящего момента...

— Довольно оправданий. Во всяком случае моей достоин похвалы за то что прибыл до того как яд свою работу завершил. — Это была лучшая благодарность, которую Присцилла могла проявить по отношению к поникшему Балрою. А затем она повернулась и посмотрела на Гаджита.

Он был одной из капель яда, посеянных Присциллой. А теперь он смахнул кровь его товарища со своей сабли, цокнув языком, когда заметил, что она на него смотрит.

По-видимому, это демонстрировало то, что он решил бороться со своим положением дабы вернуть себе контроль на его собственной судьбой. И раз уж Гаджит пришёл в движение, то скорее всего рабы меча, бывшие в комнате Джораха тоже решились.

— Однако ж, вероятность есть, что мертвы все до одного - любимого включая мужа моего.

— Ой, не говорите так, вы меня пугаете. Понимаете, Верховная графиня приказала мне защищать в том числе и Графа Пендлттона.

— Так значит сим нам надобно заняться, — с абсолютной отстранённостью сказала Присцилла. Она поднялась, в процессе поправляя своё платье. Мимолётные увеселения предлагаемые этим восстания уже её утомили, и ей уже было порядочно известно о намерениях их лидера, Убирка. Всё вышеперечисленное означало, что ей более не стоило ожидать от нынешней ситуации спасения от скуки.

И посему, Присцилле Пендлттон осталось лишь одно деяние...

— Ради его финала, сей неотёсанный спектакль украсить я должна цветком, то бишь собой.

Перед ним возвышалась контрольная башня разводного моста и бледный, лунный свет падал на его спину, а сам он лицом к лицу столкнулся с самым могучим из своих врагов.

— ...

Было довольно драматично, если он мог так выразиться, с печалью подумал Ал. Однорукий мечник рядом с окровавленной маленькой девочкой. Это было чем-то сродни сюжету легенды о герое или саги - если они оба в итоге выживут, разумеется. В обратном случае, что ж, тогда это сможет стать одной из великих трагедий столь часто встречающихся в этих историях. Будь на его месте кто-то другой, какой-нибудь более могучий и симпатичный воин, то, без всяких сомнений, этот момент лёг бы в основу картины.

— Эх, думается мне, этот миг тоже мог бы стать картиной. Одной из тех, где нарисован Ад, — с горечью сказал Ал. Он отогнал от себя угрызения совести, направляя свой кинжал вперёд. В ситуации, когда даже со своим любимым люедао он бы всё равно оказался в невыгодном положении, ещё сильнее его угнетала необходимость полагаться на это жалкое подобие оружия.

Очень скоро Ал стал сомневаться в своём решении. А Хорнет, тем временем, сверкнула ему одной из своих фирменных, ослепительных улыбок. — Скверное настроение, а? — Императрица рабов меча язвительно над ним усмехнулась. Со своим высоким ростом и двумя массивными мечами, служившими продолжением её обрубленных рук, она едва ли не походила на трёх стоящих бок о бок людей. Ал уже в который раз поймал себя на мысли о том как же странно она выглядит.

По-настоящему сильным является тот противник, с первого взгляда на которого ты осознаешь, что шансов его победить у тебя нет. Хорнет как раз соответствовала этому определению. Отсутствие обеих рук в обычной ситуации может и считалось дефектом - но Хорнет ловко обратила его в свой главный козырь.

— Хи! Хи-хи! Ха-ха-ха-ха-ха! — Хорнет рассмеялась, будто бы крепко обнимая свои руки, пристёгнутыми к ним лезвиями, абсолютно при этом не интересуясь тем как Ал оценил эту ситуацию. На вид она была в дичайшем восторге, невзирая на то, что обращала своё оружие против давнего товарища.

— Что тут нахрен смешного? - сказал Ал.

— Ох, мой дорогой, милый Ал, тебе ли не знать. Мне всегда хотелось попробовать сойтись с тобой в бою до самой смерти.

— Не то чем я когда-либо интересовался, но да, я догадался. Мы бились насмерть, и я просрал как последний кретин. Ты пинком отправила меня в канаву для трупов, помнишь?

— Помню. И всё же ты здесь. Что может означать лишь одно.

— Ага? И что же? — К несчастью для Ала, он не мог постичь мыслей такой помешанной на сражениях воительницы как она. За десять лет на острове рабов меча ему так ни разу и не получил удовольствия от боя. И тем не менее, если бы его и дальше заставляли продолжать сражаться против собственной воли, то разумеется, что ему бы не повредило хоть раз в жизни насладиться поднятым за победу тостом.

Но Алу это было не под силу. Не мог он заставить себя испытывать счастье, отнимая чью-то жизнь. И его одолевали сомнения в том, что это когда-нибудь изменилось бы. Именно поэтому...

— ...И через миллион лет мне всё равно будет тебя не понять, Хорнет.

— Нам и не нужно взаимопонимание, Ал, дорогуша. Если в итоге мне будет весело, то это всё чего я желаю.

До чего же эгоцентричный, односторонний взгляд на мир. Насколько же он под стать Императрице. Под стать Империи.

Это, конечно же, если его не положат на алтарь этого мировоззрения.

— Безобразный...скот, — промямлила Аракия.

— О, потише там и просто смотри как я работаю, юная леди. Я реально принял близко к сердцу твои слова о том, что я не безобразная скотина, — сказал Ал.

— ... — Аракия оглянулась на него, не будучи способной скрыть боль вызванную его остроумным ответом. Она почти не выказывала эмоции своим одиноким глазом, но яснее бушующего пламени было то, что она знала в каком невыгодном положении в данный момент находился Ал.

— Положение крайне неблагоприятное. Поверь, мне это известно как никому другому, — сказал он. Ему не нужно было говорить о том каковы были шансы на успех у идиотского испытания, что он на себя взвалил.

— Ну ладно, дорогуша, поехали! Не умирай слишком быстро, хорошо? — Голос Хорнет был поистине приторным - а потом она дала волю своим

лезвиям, и мост окутала буря. Ал тут же присел, поднимая вверх свой кинжал в надежде её пережить.

— ...!

Но он вдруг обнаружил, что его оружие было унесено прочь - вместе с его туловищем - так Ал и умер. Как оказалось, очень быстро.

— Считаю целью истинной сих беспорядков императорскую голову. — Сказала Присцилла, подбирая подол своего платья, переступая через тело раба меча, до недавнего времени стоявшего на страже в коридоре.

— Чёрт, ну и догадочка, — Ответил Балрой, с широко открытыми глазами. Всего мгновение назад он пронзал своим копьём сердце этого раба меча.

Молодому человеку пришлось сломя голову нестись, расчищая путь для Присциллы, которая шествовала вперёд как никогда бесстрашно, но с его стороны не прозвучало ни единой жалобы. Пока с его копья стекала кровь, тот огляделся вокруг и сказал, — Одно дело поднять восстание на острове рабов меча и потребовать для себя свободы перед лицом Империи. Это им действительно удалось, так что я полагаю в этом плане вы можете в них не сомневаться. Но как он собирается достать самого Императора? Вы же не думаете, что он потребует его голову в обмен на заложников, так ведь?

— Нет, без всякого сомнения так я не считаю. Равно как не верю я, что Император собственную жизнь поставит под удар решением своим, разве только нет способа иного голову врага ему прибрать к рукам...

— Ого, ну не знаю. Кажется мне будто это тоже самую малость слишком, — Сказал Балрой, почёсывая свою щёку и слегка улыбаясь в ответ на заявление Присциллы. Дерзкие слова этой девочки имели под собой силу; послушав её, особо при этом не задумываясь, совсем несложно было бы начать кивать головой, дабы в итоге поймать себя на том, что беспомощно с ней соглашаетесь.

И всё же, то как она говорила будто бы знала Императора лично, казалось было уже перебором.

— Не кажется ли вам такая логика слегка натянутой, Сударушка Жена? В лучшем случае они могут рассчитывать выманить Девятерых Божественных Генералов - представляющих вооружённые силы Империи. Думаю, честно говоря, звучит так будто они действительно могут сейчас находиться на том берегу...

— Как я погляжу, подобие ума коим всё же обладаешь, способен в дело ты пустить. Попробуй-ка тогда вот это: Коли Божественные Генералы таки решат явиться, что с этим островом случится?

— Ну...полагаю восстание провалится, а рабов меча силой заставят подчиниться.

Спутник Балроя, раб меча, Гаджит, выглядел огорчённым тем как легко тому дались эти слова - но они являлись истиной. Девятерых Божественных Генералов, стоящих на высшей ступени войск Империи, выбирали отнюдь не так как в случае военных командиров других стран. Ни родословная, ни личные качества в уравнение не входили - в истинно Волакыйской манере, значение имела лишь сила.

По существу, рабов меча бы изничтожили, всех до единого. Это было абсолютно очевидным.

— Да, исход сей предрешён, — сказала Присцилла. — Зачем тогда их лидеру затевать мятеж, если знал что будет сокрушён?

— Ну, эм...ему было известно, что придут Божественные Генералы, и точно его уничтожат...

— Точнее некуда. Однако ж сие значит, что подле императора не будет генералов.

— ... — Слова Присциллы вновь заставили Балроя широко открыть глаза. Он, сам того не ожидая, сглотнул, осмысливая их значение. Затем он потряс головой и сказал, — Не, не. В смысле, логика мне ясна, но одного или двух генералов, вышедших на пару минут, будет маловато, чтобы нарушить сохранность Императора. Их девять - поэтому то их и зовут Девятью Божественными Генералами! Так почему...?

— Замечательно. Тогда положим беспорядки начались, что требуют призвать всех девятерых. Допустим, события имели место быть вне острова рабов меча.

— Вы же не имеете в виду...? — Было ли это совместной операцией, скрупулёзно спланированной с привлечением чего-то или кого-то ещё? — Но это же смешно, — Сказал Балрой, но стоило только указать ему на такую возможность, как он уже был не в силах от неё отделаться.

Истина заключалась в том, что он как и все на этом острове был лишён любой информации о происходящем в мире за его пределами. Быть может где-то ещё также происходили подобные мятежи; этого им было никак не узнать.

Впрочем Император узнал бы. Если где-то вспыхнули очаги восстания, он выделил бы все необходимые войска дабы их погасить. Он бы направил туда девятерых генералов, служивших лично ему.

— Император отнюдь не из беспечных, нет и среди его охраны личной таковых. В сомненьях я, что разом отошлёт он всех девятерых. Но всё ж, числом своим окажутся куда скуднее чем в ситуациях обычных, и в связи с тем, шанс может появиться.

— Так значит все рабы меча на острове это лишь пешки на заклятие в важной партии? — Вопросал Балрой, с содроганием, облизывавший свои пересохшие губы.

План, совершенно не учитывавший вред наносимый вовлечённым в него, был более чем достоин всяческих похвал. Кто-то замыслил ловкий ход, такой, что потребует положить колоссальное множество жертвенных агнцев на алтарь достижения его цели. Но если Балрой не мог скрыть дрожь, пробежавшую по его спине, то вызвана та была отнюдь не приведённым в движение планом, а пронизательностью Присциллы, сумевшей это разглядеть. Каким, спрашивал он себя, этот мир представал перед взором этих алых глаз?

По крайней мере в одном он был уверен: эта юная особа проявила снисхождение, согласившись стать супругой Графа Джораха Пендлтона.

— Эй! Это тебе не грёбаная шутка! — Если Балрой признавал логику Присциллы неоспоримой, то об одной из тех самых пешек, Гаджите, того же сказать уже было нельзя. Его губы дрожали, а глаза пылали от гнева. — Голова Императора?! Да кому на неё не насрать? Мы лишь хотим...

— Из тупика нащупать выход, в коем оказались? Вы прозаичными мотивами своими куда проще сделали задачу управлять собой. Сперва попробовали бы думать головой, — безжалостно изрекла Присцилла.

— Хрр! Ну, мелкая...!

Гаджит направил свою расчехлённую саблю на шею Присциллы. Ситуация сложилась взрывоопасная словно пороховая бочка, но Балрой лишь пожал плечами и сказал, — Ну же, будет тебе, Брат. Не на Сударушку тебе надо злиться. Это тебе ничего не даст.

— Завали! Ничего не даст, да? Если ты права на счёт всего этого, то для меня вообще ни от чего не будет толка! Пытаться освободить остров это было одно дело, но убить Императора? Мы ведь соучастники *этого*?!

— Неа, госпожа лишь гадает. Она не знает наверняка.

— Сказал же тебе заткнуться, копейщик. Я знаю, что ты просто пытаешься меня переубедить. Но я...я уже поверил этой мелюзге раньше!

На этот раз, Балрой ничем не ответил, всё сильнее впадавшему в панику, Гаджиту. По правде, он в тайне был согласен с этим рабом меча: точка зрения Присциллы вероятно была верной. Враги возможно охотились за головой Императора. А это значило, что Гаджит и его товарищи, не важно осознанно или же нет, но спровоцировали и оказали поддержку заговору с целью убийства Императора. Ничем хорошим для них это не закончится. Смертная казнь была уже практически predetermined.

— ...

Как бы сильно он не сочувствовал Гаджиту и его нынешнему положению, Балрой, тем не менее, закрыл один глаз и погрузился в раздумья. Если бы он очень постарался, то смог бы достать его своим копьем с того места, где он стоял. Если бы удалось задеть что-нибудь жизненно важное - скажем, шею или грудь Гаджита - Балрой сумел бы оборвать его жизнь максимально безболезненно. Но, учитывая уровень мастерства Гаджита, имелся шанс, что у того получилось бы избежать критического ранения и тем самым получить возможность, в качестве ответной реакции, навредить Присцилле. А этого Балрой как раз хотел избежать. Отчасти по вине приказов его хозяйки, Серены - но в той же степени он исходил и из собственного суждения.

Он безусловно не желал никаких происшествий, которые бы лишили его Присциллы.

Его размышления были прерваны резкими словами — Почтó там мешкаешь? О чём там размышляешь, Балрой Темегриф? — Той что произнесла его имя была никто иная как Присцилла. В её глазах на самом деле ещё пылали те самые огни, в миг, когда она говорила Балрою — Сей мир меняется в угоду мне.

— ...

— И в связи с тем, твой выбор мне не навредит ничем. Настоятельно прошу тебя запомнить.

Она говорила так словно являлась центром всего мира - и сказано это было так легко. Балрой и Гаджит оба слотнули, ошарашенные этим заявлением. И в следующий миг...

— Хррраххх!

— Гахх!

...раздался сиплый крик, и внутрь влетел осколок камня, удар пришёлся по боковой части головы Гаджита. От столкновения тот вскрикнул, после чего тут же выпрыгнул некто, имевший при себе ещё обломок, что беспощадно врезался в голову раба меча. Гаджит резко упал, а его сабля со звоном покатила по коридору.

— Ха! Направить оружие на верховную графиню. Ни разу не слыхивал о подобной дерзости!

— М-Майлз? Брат? — сказал шокированный Балрой. А тем кто только что одержал верх над Гаджитом и вправду был Майлз.

Было удивительным наблюдать его здесь, когда тот по идее охранял Серену на местах для зрителей. Но Майлз лишь сердито посмотрел на своего изумлённого младшего брата и сказал, — Неплохо сработал, стоя словно истукан безмозглый! А если бы жена Графа Пендлтона пострадала пока ты там не мог решиться? Что тогда, изрядный ты болван?

— Я не безмозглый и не болван, Брат..., — сказал Балрой, удручённо опуская плечи. Его старший брат хоть и орал на него так рассерженно, что даже слюна со рта летела, но в то же время, от присутствия того здесь чувство одиночества, сжимавшее Балроя своей хваткой, стало отступать. Мысль об этом разогнала тучи, столь сильно мешавшие ему определиться насчёт Гаджита.

— Говорят, что на кувшины даже самые большие своя найдётся крышка дабы те прикрыть, — Подметила Присцилла, увидев какое облегчение испытал Балрой. — Однако же, должна сказать, твоя довольно неприглядна, — Произнося это, она улыбнулась.

До Майлза, присоединившегося к середине беседы, смысл её слов в отличие от Балроя не дошёл. И она была права. “Старший брат” всегда компенсировал его недостатки.

— Никогда не был семи пядей во лбу. Я всегда позволял Майлзу побыть моими мозгами, — сказал Балрой.

— Хмм? Ты о чём таком говоришь? Ба, да кого волнует! Юная госпожа, с вами всё хорошо? Верховная графиня очень волновалась! — Майлз, по большей части не обращавший внимания на Балроя, поднял Гаджита с пола и попытался удостовериться, что Присцилла была невредима. Гаджит по-видимому был всё ещё жив, так как он тихо стонал, но его убеждённости уже покинула своего хозяина.

— Она точно невредима, — сказал Балрой, благодарный Майлзу за его вмешательство. — На ней ни царапинки. Прямо как хотела верховная графиня!

— Заткни свою варежку! Я тебя не спрашивал! С чего мне вообще тебе доверять? Ты же стоял и пялился на врага! Юную госпожу спас я! Майлз!

— Его ничем не лучше ты. Визжать отнюдь не время аки кошка в течке, — Сказала Присцилла, положив конец этим дебатам. — Я невреждена. А теперь пойдём. — Она быстро развернулась.

Майлз и Балрой уже было собирались последовать за ней, но потом последний заметил, что она шла отнюдь не в направлении хозяйской опочивальни - комнаты, где держали Джораха.

— Ээ, Сударушка Жена? Там вы Графа Пендлтона не найдёте...

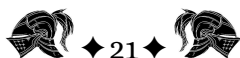
— Не будь смешон. Супруга дорогого можем на потом мы отложить. Врагов цель истинная Императора сразить, а наш решающий момент наиважнейший на острове сием имеет место быть. Конец восстанию сему нам первым делом должно положить.

— Это ещё что? Они хотят убить Императора? П-погодите - Они что хотят сделать?! О чём вы говорите вообще?! - воскликнул Майлз, который ещё только входил в курс дела.

Балрой его проигнорировал. — Ладно, так что тогда? — спросил он у Присциллы. Если её действия были направлены не на освобождение Джораха, а на подавление восстания рабов меча, то как именно она намеревалась этого достичь? Каким был её пункт назначения?

Ответ был простым.

— Сей раб меча всё показал нам превосходно. От нас лишь требуется рабов о положении опасном предостеречь.

Остров Гинунхайв предлагал целый ряд развлечений включавших в себя рабов меча. Самым незатейливым среди них был простой смертельный поединок один на один. Иногда могли устроить и командные бои, трое на трое, или пять на пять. Временами могли привести огромного Зверодемона, и рабы меча были вынуждены биться с ним в рамках сражения “рейдового” типа. Всё что угодно лишь бы уважить страсть публики к крови и насилию.

На острове рабов меча разрешить могли любую битву если та утолила бы присущую аудитории жажду жестокости. Но даже в таких обстоятельствах, трудно было назвать происходящее сейчас битвой. Ведь в конце концов...

— Не умирай *слишком* быстро.

...Ровно столько Ал мог выстоять против бури, пришедшей вслед за теми словами. Он и надеяться не мог её преодолеть. Шквал из ударов обрушился на него сверху, снизу, слева и справа - проявление неумолимой силы способной уничтожить целый мир. Было не важно отпрыгнул бы он назад или же парировал бы своим кинжалом. Не имело значения отступи он вбок, вперёд или же по диагонали. Куда бы он ни направился, его ждала смерть.

Ему раздавили голову, вскрыли его туловище, отрубили ноги, сломали руки, а его внутренности растеклись по земле вокруг - без разницы сколько раз он ни пытался, у него не было возможности избежать подобного будущего.

То было побоище. Одно лишь трагическое кровопролитие. Разумеется, на острове были и те, кому даже понаблюдать за тем как прихлопнули муху пришлось бы по душе, но такой исход обманул бы ожидания большинства зрителей. Если всем чего бы им хотелось было узреть чью-то смерть, то основная масса людей обладавших достаточным влиянием дабы на досуге приехать сюда, могли бы просто остаться дома и спровоцировать немного кровопролития на своих собственных землях. Нет, то чего они желали увидеть была борьба на выживание, людей сражающихся за свои жизни.

С этой точки зрения, такое зрелище было бы полнейшим разочарованием.

Но Ала не волновало что о нём подумают после того как его вскроют.

— *Дооонааа!*

К двадцатому, по его подсчётам, сценарию, он испробовал отчаянный выброс магии. Бесцельный, по сути лишь заклинание, отправляющее плиты на мосту в полёт. Точнее, в направлении Хорнет, давая взмахам её мечей иные цели окромя самого Ала.

Ал ухватился за открывшуюся на мгновение возможность, беря собственную жизнь в свои руки, бросаясь в бой и едва уворачиваясь от первой ответной атаки. Затем набрав дистанцию, и понимая, что сумел пересечь первый смертоносный барьер, он...

— Хргх!

...вот вот должен был с облегчением выдохнуть, когда его голова оказалась раздроблена ударом сверху.

— Не умирай *слишком* быстро.

— *Дооонааа!*

Стартуя с произнесённого им словно нараспев заклинания, он отпрыгнул назад, перемещаясь в гармонии с движениями каменных обломков. А затем, даже не переводя дыхание, он скакнул в сторону.

С рёвом на землю обрушился удар, из-за которого казалось будто неистово трясся весь мост. Всадив одно из своих лезвий в землю, Хорнет завертелась, надвигаясь на Ала со своей атакой, которая прорвалась через проход. Ал перепрыгнул через тот сокрушительный удар, а затем его выпад достиг Хорнет. К несчастью, та отбила его сильнейшую атаку так словно он был назойливым насекомым.

— *Этого* то я и хотела! О, мой милый Ал, я знала, что тебе такое под силу!

— Думаешь? Всё время пока я сражался, у меня жизнь перед глазами мелькала. Мне кажется я тут не в своей тарелке!

При всём уважении к характерно восторженной, Хорнет, они с Алом проживали в абсолютно разных мирах. Она может и видела в нём того, кто как следует порывшись в себе, обнаружил способность не ударять лицом в грязь, когда наступала по-настоящему критическая ситуация - но по мнению самого Ала, чем дольше длился этот бой, тем сильнее истощался он сам; и так было всегда.

Когда бы тот ни сходилась в битве с кем-то действительно сильным, как сейчас, у него на уме была одна и та же мысль: *Мне никогда не стать таким как они.*

Дело было не в отсутствующей руке, и не в его возрасте. Суть была скорее в чём-то более фундаментальном, связанном с тем, что лежало в его основе как живого существа.

Была такая известная поговорка, гласившая: “Почему тигрица сильна? Да потому что она тигрица.” Вот так просто. Сильные являлись таковыми ибо мощью они наделены с рождения. Слабые же появлялись на свет, будучи лишёнными её. Ни больше и не меньше.

И потому...

— Я ещё не закончила! Давай-ка ещё немного повеселимся! — сказала сильная, Хорнет, пуская в ход свои лезвия. А, слабый, Ал вероятнее всего будет сокрушён и растоптан ещё множество раз - десятков, сотен, тысяч раз.

Аракия пристально следила за тем как разворачивалась битва между жуткой женщиной с гигантскими клинками и одноруким мечником. С начала

боя прошло всего двадцать или тридцать секунд, и тем не менее ей довелось лицезреть ошеломительный град из ударов и как часто атака и защита сменяли друг друга. Девочка была на пороге смерти, и вместе с тем не в силах оторваться.

— ...

Тем кто обменивался ударами с обладательницей огромных мечей, Хорнет, был человек, помогший ей зайти так далеко. Его очевидно звали Алом, учитывая то сколь часто Хорнет продолжала называть его “мой милый малыш Ал.”

Тот факт, что Ал каким-то образом всё умудрялся выживать, противостоя Хорнет, для Аракии был ничем иным как результатом целой серии чудес. Как это ни прискорбно, но в её глазах, способности Ала не выходили за рамки второсортных - и это если она проявляла великодушие.

Проведя свою жизнь на острове рабов меча, он должно быть пережил немало сражений, в коих ставкой служила его собственная жизнь. Но ему уже никак было не отточить свои умения сверх того чем располагал, даже ввязываясь он в ещё большее число таких смертельных поединков. Человек по имени Ал достиг естественного предела своих возможностей, и в результате между ним и Императрицей оказалась пропасть, разрыв в силе, таланте, и навыке, который будет тяжело преодолеть. Аракия рассудила, что, если бы она того хотела, то справилась бы с Алом за считанные секунды.

И всё же она столкнулась с реальностью творящегося перед её глазами.

— Поразительно...

Мнение Аракии постепенно менялось не от того, что её оценка навыков Ала стала выше, а скорее из-за его боевого стиля - того как он парировал или уклонялся от атак Хорнет на грани фолла, а затем совершал жалкую попытку контратаковать.

Ему уже пора было погибнуть. С таким навыком он не протянул бы и двух секунд против Хорнет. И всё таки вот он есть, ещё живой и даже пытается дать отпор. В отличие от Аракии, надеявшейся проскользнуть незамеченной - нечестным методом - Ал в открытую сошёлся с Хорнет лицом к лицу, и продолжал сражаться.

И всё это, а именно схватка с самой Хорнет, было дабы уберечь Аракию.

— ...! — Она стиснула зубы и напрягла свои руки и ноги.

Не то чтобы её так сильно ранило ударом гигантского меча; дело бы скорее в самом столкновении с ним, едва ли не раздавившем девушку. Она

подозревала, что у неё имелось несколько переломов, не говоря уже о целом наборе внутренних повреждений. Она пользовалась силой, поглощённого ею, духа воды дабы ускорить процесс заживления, но её раны не собирались быстро затягиваться. К тому же...

— Динь, — предостерегающе сказала Хорнет, поворачиваясь к Аракии. Даже, сражаясь с Алом, она продолжала следить за её действиями. Попытайся та резко рвануть до контрольной башни, и, без всяких сомнений, Хорнет прервёт свой поединок дабы ей помешать. И сколь обидно ей ни было это признавать, в противоположность Алу, Аракия не могла вообразить себе способа избежать такой атаки. Этот удар отправил бы её в могилу, а вмешательство Ала с целью ей помочь потеряло бы смысл.

Так что же тогда Аракия могла поделаться? Аракия, не сумевшая хоть немного отплатить самому важному человеку в её жизни...

— Принцесса..., — Проямлила она, опуская взгляд на землю, при мысли о той, которая словно являлась её вторым я. Той, что с самого её рождения была рядом, но более не могла оставаться подле неё. О властной девушке, выглядевшей так, словно она правила всем миром и определённо повелевала Аракией.

— *Внемлите мне, вы, сброд из рабов меча!*

Голос, сочащийся высокомерием, эхом пронёсся по острову, поражая Аракию и прерывая на середине бой Ала и Хорнет. Оба они стали вопрошающе оглядываться по сторонам, но куда сильнее их была удивлена Аракия. Ибо тех голос застиг врасплох своей внезапностью, но Аракия же была изумлена так как он был ей знаком.

— *Мятеж сей обречён. Ваш предводитель императорскую голову снять стремится с плеч; о свободе вашей речь нужна лишь чтобы вас, рабов меча, отвлечь. Всяк здесь одурачен. Являетесь вы жалкой, безголовой солдатнёй, никак иначе.*

— *Вам дуракам только лишь исход смертельный отведён. Однако милости ваш Император новый не лишён. Удел ваш может быть им заново решён, коль скоро вы себя изволите как подобает проявить. Советую я вам пошевелить мозгами в головах пропавших, и направление шагов решить дальнейших.*

— *Давайте же, О безголовые солдаты! Коли желаете надежду обрести головушки свои обратно воротить, сей шанс для вас последний самый!*

На этом, не дожидаясь пока Аракия хотя бы выйдет из ступора, полный снисхождения голос прервался, озвучив желаемое.

То была трансляция, осуществляемая через устройства связи, коими была усеяна эта местность - металлическими трубками, передававшим голос - и Аракия, Ал и Хорнет не были единственными её слушателями. Она достигла каждого уголка этого острова.

Аракия до такой степени была потрясена, что в её разуме едва нашлось место для размышлений об истинном смысле вложенном в озвученные тем голосом слова. Однако, Ал и Хорнет отреагировали на него иначе.

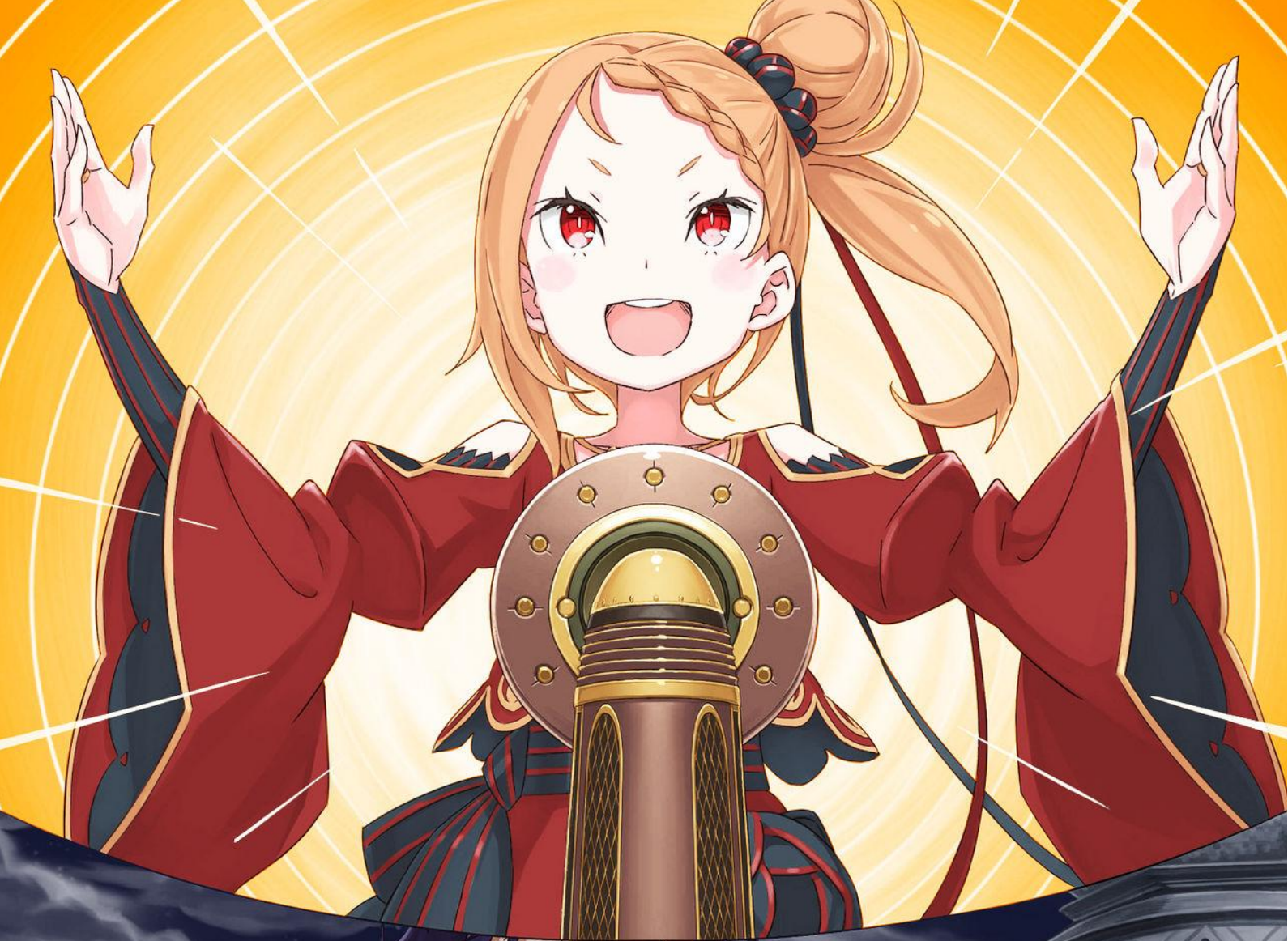
— Не в курсах кто это был, но они надеются обернуть ситуацию против вас, — сказал Ал.

— Да, думаю так и есть. И я уверена, трусость заставила бы некоторых из нас пойти на предательство. Даже в случае нашего успеха, в зависимости от того как бы всё сложилось.

— Хе, не смейся. Быть такого не может, чтобы ты верила будто у этого вообще были шансы сработать.

— Ти-хи-хи! — Хорнет прижала свои мечи к себе и засмеялась, и, содрогаясь, её тело издавало скрипучий звук.

— Эй, — сказал Ал, глядя на неё с неподдельным отвращением. — Знаю, это полный бред говорить о стабильной жизни в таком то месте, но ты реально приняла Убирка настолько всерьёз, что была готова отказаться от всего чем обладала? Скажи мне, что ты самом деле не пытаешься прикончить Императора.

— Охх, ну разумеется нет. Император живёт выше облаков, и мне на него плевать с высокой колокольни. Будь он великим воином, мне может и было бы интересно сразиться с ним, но похоже, что это не про него.

— Ага, тоже что-то такое слыхал. Так значит ты хотела узнать на что способна. Захватываешь остров, а потом мерешься силами с любым из Девяти Божественных Генералов, какого только пришлют сюда по твою душу. Дамочка, да ты спятила, — Сказал Ал, но улыбка и не собиралась покидать лицо Хорнет.

Она не стала этого отрицать - а это говорило о его правоте. Она поставила себе цель схлестнуться с Божественными Генералами, и её мечте было суждено сбыться, стоило им только опустить этот мост.

— Почему тогда не дать нам опустить разводной мост?

— Хороший вопрос. Меня поманило сладостное искушение сразиться с моим дорогим Алом. Не говоря уже обо всех тех миленьких, крохотных рабах меча с коими мне так и не довелось сойтись в бою. Я лишь подумала...

— Окей, погоди-ка, тайм-аут. Кажется остальное мне слышать уже не охота...

— Я думала, что сначала перебью всех на этом острове, а как сражаться станет уже не с кем, вот тогда я бы и опустила мост.

— Сказал же, что слышать этого не хочу. — Ал нахмурился, почувствовав отвращение к кощунственным намерениям Хорнет. Она собиралась убить каждого на этом острове - рабов меча, любого кто был с ними связан, всех зрителей, пришедших на тех посмотреть - а потом, насытившись кровью, она бы бросилась сражаться с Девятью Божественными Генералами. Своего рода попытка подойти к самоубийству с размахом.

— Ты ведь не всерьёз считаешь себя сильнейшей на всём белом свете, так ведь? Сильнейший из известных мне людей этого мира прямо сейчас расхаживает по Лугунике с портфелем из начальной школы.

— Я вовсе не питаю иллюзий, что я сильнейшая. Нет, нет, нисколько не питаю. В какой-то момент я выбьюсь из сил посреди сражения и умру.

— ... — Ал ничем на это не ответил.

— Но мне это подходит, понимаешь? Славная гибель в бою вот чего я хочу. Именем своей семьи, клянусь, что прежде чем сгинуть, я устрою им зрелище.

Описав свою смерть, Хорнет облизнулась в предвкушении битвы. Она демонстрировала то, что решение уже было принято и она не была намерена отступить. Ал прищурился, наблюдая за тем как эта воительница озвучила своё безумное заявление, взял жалкий кинжал рукой и поцарапал им собственную шею. А затем изрёк, — Всем в смерти видится какой-то глубокий смысл. Смех да и только.

— ... — На сей раз черёд хранить молчание настал для Хорнет.

— Смерть это не спасение, в ней нет ценности. В ней одна только боль и печаль. Почему тебе это не ясно? — Он холодно, с отвращением на неё посмотрел. Он испытывал к ней одно лишь презрение.

Свирепой мощи чувств, покоившихся в тёмных глазах Ала, хватало сполна дабы обратить в лёд сердце любого, кто бы его ни увидел. В них пребывала бездна, место глубокое и мрачное, куда ещё никому не довелось заглянуть. До того тёмное, что даже Хорнет всегда бывшая у руля, обнаружила себя неспособной проронить ни слова, загнанной в тупик утверждением о тривиальности и смехотворности принципа, коим та жила и за который была готова умереть.

— Я тоже...буду сражаться.

— Эй, юная леди, не думаю, что тебе стоит слишком сильно напрягаться. Просто сиди там, и отдыхай.

— Нет... Я так не могу.

В затихший было разговор вступила Аракия, двигаясь вперёд ползком на четвереньках прежде чем встать на ноги. Её покалеченное плечо вернуло себе прежнюю форму, а её кости начали срастаться, так что больше не казалось будто от любого движения та может развалиться на части. Ей всё ещё было далеко до полного исцеления, но она не могла позволить Алу вести это сражение в полном одиночестве. Как она вообще могла снова предстать перед принцессой, если позволила бы погибнуть тому, кто оказался втянут в бой по вине её собственной несостоятельности?

— Принцесса...

Голос, услышанный ею во время того объявления, принадлежал девушке, занимавшей самое важное место в жизни Аракии. Та абсолютно не изменилась и эта речь служила тому доказательством. Она была всё такой же самонадеянной, по прежнему твёрдо убеждённой в том, что весь мир был у неё на ладони. То был голос владычицы этого мира.

Слушая его, душа Аракии пылала внутри. Она всё так же находилась под влиянием этой девушки.

— Я по прежнему...принадлежу...принцессе!

Зная, инстинктивно чувствуя это, Аракия становилась счастливее как ни от чего другого. Увидев как вспыхнул её алый глаз, он, кажется, рассудил, что смысла спорить уже не было. Вместо этого, он перехватил своё оружие и снова повернулся лицом вперёд, на пару с Аракией зажимая Хорнет в тиски, при этом он стоял впереди последней, а Аракия сзади.

— Ладно, Хорнет. Мы исполним твоё желание и прикончим тебя. Ибо никому не победить меня.

Одной рукой держа устройство связи, Присцилла откинулась назад, прочь от транслирующего аппарата. Она понимала, что её объявление - нет, вооружённое восстание на Гинунхайве на самом деле служившее лишь прелюдией к покушению на жизнь Императора - вновь подняло шумиху по всему острову. Как она и надеялась, среди рабов меча вспыхнула междоусобная борьба.

— Те что в успех уверовали сего восстания и те кто хоть щепоткою ума располагает теперь себе иные цели избирают. И посему, у нас имеется два лагеря у коих цель не совпадает - оружием из них каждый обладает. К сражениям суровым и смертельным им не привыкать обоим, и потому тот всех превзойдёт, кто первым нападёт, тут спора быть не может.

— Несомненно так всё и выглядит, — сказал Балрой. Он крайне внимательно слушал и возможно располагал даже более чётким представлением об обстановки на острове чем Присцилла. Он пускал в дело все пять своих органов чувств, отлаженных как часы. — Мм. — кивнул он. — Всё как вы и сказали, Сударушка Жена - множество споров и драк вспыхивают то тут, то сям, и повсюду. Если оставим их предоставленными самим себе, то те вероятно разорвут друг друга на части.

— Ты действительно считаешь будто всё пройдет так гладко? Эти люди тебе не рыбы или насекомые. Как только их популяция сильно сократится, они сразу почуют неладное. Впрочем я согласен с тем, что мы наверное можем просто не высовываться до тех пор, — сказал Майлз.

— Нет, не можем, — ответила Присцилла. — Как только в основном останутся лишь те кто способен в известной мере думать головой, для плана

нашего настанет час к фазе перейти второй. Старт переговоров новых, от жоака их не зависящих, с заложниками в лице людей влиятельных.

— Ах! — Майлз понял к чему та подводила; тем временем, Балрой продолжал смотреть в недоумении. Присцилла заметила, что Серена была полностью права: Эти двое прекрасно друг друга дополняли, Балрой с небольшой недостаточей ума и Майлз, восполняющий интеллектот то чего тому не хватало в плане боевой мощи. Майлз несколько не соответствовал стандартам Присциллы, которая также ценила красивую внешность - но и забирать одного лишь Балроя тоже того не стоило.

Ради её любимого супруга она бы сочла это за победу, если бы могла сохранить связи с верховной графиней.

— Майлз, Брат, тебя не посещает странное ощущение будто нас...оценивают?

— Что ж, ты не обязан говорить такое вслух, дубина. И всё же...для столь юного дитя, есть у неё какая-то аура. Внушительная и величавая. Таки и хочется её *приструнить*.

Братья наклонились друг к другу чтобы пошептаться, но её особенные ушки с лёгкостью уловили их секреты. Садистское замечание Майлза технически являлось неуважением, однако пока тот не претворял его в жизнь, Присцилла не чувствовала себя обязанной считать такое оскорблением. Мужчина, желавший её, был тем, кто добровольно пойдет к ней на службу.

— ... — Ощущая на себе их взгляды, Присцилла продолжила в быстром темпе идти по коридору. Как только кто-то преграждал ей путь, Балрой тут же от них избавлялся. Даже закалённые воины острова рабов меча ни в какое сравнение не шли с его мастерством в обращении с копьём.

Наконец, Присцилла таки добралась до искомой ею комнаты нетронутой.

— Советую вам, деревенщинам, в сторону уйти. Явилась дабы мужа своего я возвратить.

— Чё?!

Мужчины в комнате были поражены завидев как Присцилла вышибает дверь и выдвигает требования, но сильнее всех удивился Джорах, сидевший в кресле посреди помещения. — Присцилла?! — воскликнул он при виде своей жены.

Присцилла цокнула язычком от того как Джорах забыл, что та действовала под чужим именем. — В этом есть беда супруга моего - лишается присутствия ума лишь от того, что пятьдесят тому стукнуло всего. — Пробубнила Присцилла, хватая цветочную вазу с пола и швыряя её в комнату. С меткостью у неё был полный порядок; ваза угодила в спинку кресла, в котором сидел Джорах, заваливая то на бок вместе с её постояльцем. Это значило, что на один лишь короткий миг, люди в комнате потеряли Джораха из вида. И в тот же самый момент...

— Вперёд, Балрой.

— Ага. Как пожелаете миледи.

Получив личный приказ, Балрой рванул как залп, пробиваясь к центру комнаты словно луч света. Мужчины бывшие внутри поздно отреагировали на Присциллу, но в ответ на появление ещё одного незваного гостя они подоставали своё оружие. Все шестеро разом двинулись навстречу Балрою.

Они были слишком медлительны. За одну секунду, его копьё описало полукруг.

— Считаете копьём только колоть можно? Подумайте ещё раз. Для размахивания оно тоже годится. — Балрой подмигнул одним глазом - и затем внутренности троих мужчин, чьи животы он разрезал, растеклись по всему полу. Эта троица качнулись вперёд и стали частью кучи собственных кишок.

— Йааааа! — Двое выживших рабов меча перепрыгнули через трупы своих товарищей, в попытках напасть на Балроя. Один из них являлся рукопашным бойцом, в кулаки которого были заколочены сапожные гвозди, а вторым был зверочеловек с топором в каждой руке. Ни тот ни другой не обладали радиусом поражения копьё, но если бы они смогли подобраться достаточно близко, то получили бы ощутимое преимущество.

Им в самом деле удалось сократить дистанцию и они пытались воспользоваться этим, когда...

— Копейщики могу пользоваться одним лишь копьём. Так вы думаете? Ещё одно маленькое заблуждение.

Левый кулак Балроя обрушился на лицо бойца, лишая того сознания и его передних зубов в придачу. Балрой перебросил своё копьё в правую руку, открывая возможность нанести удар левой.

Потерявший сознание мужчина опрокинулся назад - прямо на линию удара топора зверочеловека. Раздался глухой звук от столкновения топора с затылком того мужчины, отрезая его отсутствующему сознанию возможность

вернуться назад. Не встревоженный этим Зверочеловек, попытался пробить голову своего компаньона насквозь дабы переломить худощавое тело Балроя. Огромная физическая сила коей располагал этот получеловек была впечатляющей, но...

— Я всё ещё шустрее.

Балрой отпустил копьё бывшее в его правой руке, нанося внезапный колющий удар вытянутыми пальцами. Двумя из них он угодил зверочеловеку в лицо, вонзив их тому в глазные яблоки, ослепляя его.

Зверочеловек взвыл от боли и попятился назад. Открыв шею, он совершил последнюю ошибку. Балрой одной ногой наступил на трахею этого человека, подхватил своё копьё левой рукой, а затем загнал его древко в горло мужчины. Зверочеловек опрокинулся назад, в конвульсиях, захлёбываясь собственной кровью, не в силах издать даже предсмертный хрип.

После этого, пятеро людей из шестерых присутствующих в комнате оказались мертвы. Что до последнего, то он направился не к Балрою, а к опрокинутому Джораху.

— Ни с места! Ещё хоть шаг и я...

Затея была неплохая, но всё тому человеку только и оставалось, что приставить свой кинжал к шее Джораха.

— Сейчас, Гай!

— Хкк!

Позади Присциллы раздался крик Майлза, стоявшего в проходе - и потолок комнаты рухнул, а из образовавшейся дыры высунулся крылатый дракон, который тут же схватил угрожавшего Джораху мужчину за голову. Тот был вытащен наружу, оставляя позади лишь эхо от его криков. Через разрушенный свод пролился обильный кровавый дождь, оросивший Джораха, стоявшего прямо под ним.

— Гах?! Кровь? Это кровь! Присцилла, мне более не жить...

— Глупец. Кровь не твоя. Плебея собственность она. — Присцилла фыркнула при виде Джораха, сходящего с ума из-за небольшого количества крови. Она глянула вверх и встретилась взглядом с небесным драконом, смотрящим вниз через потолок.

Она узнала это создание. То был один из крылатых драконов, привезших их на этот остров на борту драконьего судна. Учитывая то как он подчинялся приказам Майлза, она предположила, что он являлся его питомцем.

Присцилла сказала, — Представление недурное. Однако же...

— Тут все, так ведь? Что на счёт того, ээ, жожака? — сказал Балрой. Беглый осмотр помещения дал понять, что красавчика, то есть Убирка, среди погибших не было. Посмотрев на тела, Присциллы прищурила свои алые глаза; Балрой, бывший подле неё, повесил копьё на спину и по-видимому искал то же самое. Но в опочивальне хозяина острова Убирка точно не было. Нет - быть может дело было в чём-то ещё.

— Быть может с острова он скрылся вовсе, — сказала Присцилла.

— Но разводной мост всё ещё поднят. Отсюда никоим образом уйти нельзя.

— Образом нельзя простым. Но всё ещё путём возможно обходным. Даже Император в столичном городе своём имеет доступ к скрытым механизмам, магии подобным, что в одночасье в месте позволяет оказаться удалённом.

— Блин! Чувствую меня могут прибить лишь за то, что мне такое известно, — сказал Балрой. Ему, однако же, хватило выучки не интересоваться откуда у Присциллы подобная информация.

В очередной раз пересматривая своё мнение о Балрое и Майлзе, вышла на балкон осмотреться, позволяя себе погрузиться в отдалённые звуки битвы.

— Присцилла? Кхм, думаю подолгу там стоять может быть опасно...

— Улажено по большей части всё уже. — сказала она, заглушая раздражающий фоновый шум, коим являлся голос Джораха. — Осталось лишь рабам меча с позицией своей определиться. Что до моста, то множеством путей его заставить можно опуститься. — Она закрыла свои глаза. — А я пока, шумом ветерка изволю насладиться.

Лязг мечей можно было услышать из любого уголка Гинунхайва - звук того как всё разлеталось вдребезги и стиралось в порошок. Наиболее заметный грохот доносился со стороны всё ещё поднятого разводного моста.

Вместе с порывами ветра и шумом битвы, до неё донёсся тихий звук, словно крыса отчаянно боролась за свою жизнь. Однако...

— Говорят загнанная в угол крыса может укусить. Мне любопытно кого в итоге изволят проглотить.

Участие Аракии изменило картину боя с Хорнет. Теперь когда он волновался не только о собственной, но и о гибели Аракии, Ал почувствовал так будто его голова лопнет под напором мощного потока мыслей исходящих изнутри.

— Я не в курсе твоих особенностей, мне вообще о тебе ничего не известно - как нам вообще сражаться бок о бок?!

— Просто двигайся в унисон...

— По-твоему я для такого достаточно быстро соображаю?!

Аракия являлась Пожирателем духов; она могла поглощать их и использовать дабы проявлять особые способности. На деле она была даже чересчур особенной; Алу ещё не приходилось проводить в голове “симуляций” того как работать с кем-то вроде неё. Она сражалась на четвереньках, пуская в ход даже свои зубы, что вызвало у него ассоциации с диким зверем, но увидеть как всё это делает такая красивая, но ещё не полностью сформировавшаяся девушка как Аракия, было в этом нечто низменное и чувственное. Это впечатление лишь усиливалось тем, что их оппонентом являлась ещё одна красивая женщина, в её случае без кистей рук.

— Был бы не прочь записать этот матч, будь я зрителем, смотрящим с безопасного расстояния, — сказал Ал.

— Что же! Для меня честь получить комплимент от тебя. — ответила Хорнет. С широкой улыбкой на лице она бросилась вперёд со своими мечами, так началась комбинация, подводившая Ала к краю пропасти; за всё то множество их реваншей он достаточно раз пронаблюдал эту атаку, чтобы найти способ её пережить.

Он ощутил этот удар всей своей рукой, изо всех сил сжимающей его кинжал дабы тот не выдернуло из неё. Может его и было маловато, но оружие есть оружие. Потеряй он эту штуку, то вскоре за ней ему можно было ожидать расставания с ещё одной рукой.

— Хрн! *Дооона!* — закричал он, попятившись назад из-за удара; его заклинание подняло с земли несколько каменных глыб.

Хорнет невозмутимо оборонялась от любых атак, наносимых из слепых зон, создаваемых камнем, но её похоже раздражала эта крохотная хворостинка, сунувшая свой нос в их бой. — А ты назойливая, — с громким, грубым смехом сказала она, а затем вклинила оба своих меча в каменные

плиты. После чего она ловко ушла от нападения, объятая пламенем, Аракии, и тогда руки Императрицы налились силой и та стала крутиться - разрывая пол.

Когда земля у них под ногами начала рушиться, Ала и Аракию затянуло в разрушительный шторм. Они вместе издали отрывистый крик, перед самым мостом проваливаясь на нижние уровни острова. Ал беспомощно летел вниз, а Аракия оттолкнулась от проносящейся мимо стены и схватила его, стабилизируя их обоих.

— Аах! С-спасиб, мелкая. Спасла меня...

— Всё хорошо. Но я тебя не спасла. Это ещё впереди.

Когда они наконец-то приземлились в самых недрах острова, Ал и Аракия прищурились в попытках заглянуть за пределы поднятого ими облака пыли.

Увидели они Хорнет, беспрепятственно словно нож прошедшую сквозь извергшуюся пыль. Она с оглушительным скрежетом металла потёрла свои клинки друг о друга, и засмеялась. — Теперь поле нашей битвы стало немного просторнее. Ох, мой милый Ал, я надеюсь ты меня развлечёшь.

— ...Если я ударю веткой по твоим ногам, то с вероятностью примерно в шестьдесят процентов ты разрушишь этот мост.

— ...? Что ты сказал? — Спросила Хорнет, сбитая с толку его словами. На её лице застыла улыбка. Но Алу ещё было что сказать Императрице рабов меча.

— При обрушении моста, девчонка спасает меня в ста процентах случаев. Она преданная. Когда я перехожу в наступление, когда ты начинаешь свой небольшой танец с мечами, мне раздрабливают голову. Если я просто наблюдаю за тобой, то меня рубят на куски, и даже попытайся я умчаться прочь, с шансом чуть более чем в семьдесят процентов мы с этой девчонкой оказываемся не на одной волне.

— ...

— Всё это метод проб и ошибок, на протяжении семисот тринадцати раз. За сегодня ты грохнула меня семьсот тринадцать раз.

— ...

— Ха. На самом деле, если мы прибавим сюда тот первый бой на арене, то полагаю, что это уже будет семьсот девяносто два раза.

Ошарашенная Хорнет, могла лишь внимать Алу, хладнокровно объясняющему...что-то. Он был искренне поражён тем как она его не перебила

и не разразилась хохотом от степени нелепости сказанного им. Это наводило на мысль о понимании Хорнет того факта, что Ал не сошёл с ума и не пытался ей угрожать. Это наверняка означает...

— Тебе ведь тоже это ясно, разве нет? Что я тут встрял с богом смерти.

— ...Мне вообще ничего не ясно, включая значение этой болтовни. Мне ещё ни разу не удалось тебя убить, Ал, дорогуша. Но... — Она сделала паузу, а её глаза наполнились жаждой крови и страстью. — Сразить тебя восемь сотен раз для меня словно сбывшаяся мечта.

Хорнет слегка наклонилась вперёд, а её лицо покраснело от возбуждения.

Это было первым движением её самого смертоносного танца с мечами. Оно могло повести ситуацию по любому из нескольких шаблонов, но каждый влёт за собой смерть. Единственным решением было вообще не допустить его начала. Дабы защитить себя, ему было необходимо...

— Ладно, дорогуша, хватит с нас этой бестолковой болтовни. Готовься.

— Толк в ней всё-таки был.

— ...?

— Всё, что я делал это тянул время.

В ответ Хорнет поморщилась - а потом Ал узрел плоды своих трудов.

— Чт...? — прохрипела Хорнет и упала на колени. Её глаза были налиты кровью, а её дыхание заметно участилось. Но чем быстрее и глубже она вдыхала тем скорее угасала её жизнь.

Императрица рабов меча огляделась вокруг своими покрасневшими глазами в попытках осознать случившееся. Ал стоял над ней, и посмотрев вниз, он понял, что ему совсем не доставляло удовольствия заставлять другого человека встать перед ним на колени. Памятуя о своём долге перед ней за ту битву со Зверодемоном четыре года назад, он решил посвятить её в детали.

— Это отравы, — сказал он.

— Ах... ..рава — Хорнет взглянула на него, её лицо являло собой маску из неверия и боли.

— Вдохновился одним старым фильмом. Говорят отравлено людей было куда больше чем убито любым другим оружием.

— От...рава...? Когда я...приняла...?

— Я смешал его прямо здесь. В месте, куда они складывают тела.

Покачив головой, Ал объяснил Хорнет, что здесь в самых недрах острова они хранили тела. Он уже говорил об этом Аракии - о том как определённого рода зрителям с чрезвычайно извращёнными пристрастиями нравилось выкупать трупы тех, кому довелось погибнуть в особо зрелищной манере. У каждого из них были свои причины, будь то необычное происхождение бойца или же его неповторимая красота, или заради того, чтобы покупатель мог проанализировать наиболее исключительные навыки человека. Да для чего угодно.

Среди трупов, собранных в этих целях, был один нужный Алу. А именно...

— Чуть ранее, я бился с одним парнем, шиноби, владевшим Отравленной Рукой. Он наверняка до последнего был пропитан этой штукой. Я попросил юную леди сжечь его для меня.

— К...

— Отраву принесло ветром. И ты её вдохнула.

Хорнет повалилась вперёд на пол, глаза её были широко открыты и налиты кровью. То как тряслось и извивалось её тело создавало впечатление словно Императрица рабов меча просила у Ала с Аракией прощения. Та Императрица рабов меча, что столь многих поставила на колени, теперь сама обнаружила себя на противоположной стороне.

— Отравы сработала и это несомненно радует. А ведь ушла уйма попыток на то, чтобы заманить тебя на эту конкретную точку, когда пол проломило. Рад, что всё прошло как по нотам.

— Н-нет... Постой. О-отравы? Ты...отравил? Меня? Не...честно...

— Честно? Ты нахрен стебёшься что ли? Когда дело доходит до выживания на острове рабов меча, нет никаких правил или неправильно. Или ты даже этого не знала, салага?

Хорнет могла как угодно его обзывать пока лила кровавые слёзы, но Ал был беспощаден. Пускай Хорнет и господствовала на этом острове с помощью своего мастерства, кое в чём она всё же заблуждалась: Победителями здесь были отнюдь не сильные. Им становился любой, кто одержал победу.

Напичкай врага ядовитым газом, используй второго бойца дабы загнать того в угол - без разницы. Победа, есть победа.

— Не сработай газ и всё стало бы куда сложнее. Может пришлось бы обрушить весь остров, или раздавить тебя разводным мостом... У меня наверное ещё с десятков других задумок в рукаве. И абсолютно никакого понятия выгорела бы хоть одна из них, — тихо произнёс Ал.

— ...xxx... — Хорнет, чьи глаза были застланы кроваво красными слезами, испытывала страх перед ним. До неё дошло, что не было лжи в этих рассказах о способах одержать верх, коими он не воспользовался. Даже не будь у него в распоряжении той отравы, у Ала всё равно имелись ещё методы её устранения.

Хорнет не было суждено осуществить свои мечты насладиться кровавыми состязаниями. Эта возможность внезапно испарилась в тот самый миг как она избрала Ала своим противником в смертельном бою.

— ... — Размышляя над реальностью происходящего, Хорнет нашла своего рода принятие в этой агонии; кто бы ни победил, любой кто остался в живых, был сильнее. Было весьма по Волакийски вот так принять своё поражение. И так, она в конце концов подползла к Алу. — Ал... Дорогуша... Прикончи... меня...

Она умоляла его собственными руками закончить начатое им, даровать ей смерть достойную Императрицы рабов меча. Ал поморщился. И следом...

— Чего, хочешь, чтобы я хотя бы добил тебя? Ну, я то понимаю, но...

— Ах...

— Но никогда не знаешь что в последнюю секунду кто-то может отмочить стоит только подойти слишком близко. Я буду стоять тут и ждать пока ты не помрёшь. — Ал зубами отвязал грязную тряпку, прикреплявшую кинжал к его руке, и чуть дальше отошёл от Хорнет. Она приложила оставшуюся у неё силу дабы подползти вперёд словно колорадский жук, но он отверг просьбу стать её палачом, и вызванное этим отчаяние вновь охватило её, когда тот отступил прочь.

Таким образом Императрице рабов меча не получит желаемой ею достойной смерти - Ал почесал подбородок свободной рукой, созерцая вызванную этим скорбь на её лице, доселе всегда полное уверенности в себе. Потом он почесал свою голову, бросая сочувствующий взгляд на свою знакомую, которая более не могла его слышать.

— Я ж говорил тебе, Хорнет. Сказал же, что биться со мной будет скучно.

Как только разводной мост был опущен и солдаты с дальнего берега его пересекли, поражение было гарантировано. Впрочем следует сказать, что по большей части свершилось оно в тот самый момент как голосом маленькой девочки через систему оповещения были раскрыты истинные намерения заговорщиков. Божественные Генералы вместе с остальными силами подкрепления обнаружили себя занятыми в рутинной операции по зачистке.

И проходила она довольно гладко...

— Ээээй, Аракия. Дедушка этого так просто не оставит - странный мужчина ещё и настолько старше тебя! А насколько он старше вообще? Негоже его при себе держать - полагаю нам придётся его прибить.

— ...О чём вы говорите? — спросила Аракия.

— Га-ха-ха-ха-ха! Просто так старичье разговаривает. Тебе это не кажется смешным? О... Не кажется. Точно, точно, такое себе зрелище, когда старик так делает. Виноват, виноват.

Источником хриплого смеха являлся миниатюрный, седовласый старик - Ольбарт Дарккенн. Аракия была несколько озадачена поведением человека, утверждавшего что он является номером три среди Девяти Божественных Генералов, но Ал, которого заставили предстать перед этим старым малым, пребывал в ещё большем недоумении.

Ал был выжат как лимон; ничего ему не хотелось больше чем просто завалиться где-нибудь поспать. Разумеется, он бы не сказал этого Ольбарту даже перед лицом смерти (буквально). В конце концов...

— Ты ведь тот самый, не так ли? Ты помог опустить мост. Ты был весьма полезен. В особенности, учитывая, что если бы я как можно скорее не навёл бы тут порядок, то Его Превосходительство казнил бы меня.

...В конце концов, инстинкты настойчиво предупреждали Ала о том, что, невзирая на потешное поведение старика, тот был ещё более могущественным чем сама Хорнет, отделаться от которой ему удалось лишь спустя сотни и сотни попыток. Ал определённо ставил её на третье или четвёртое место среди сильнейших людей, с коими ему приходилось сталкиваться за свою жизнь - но этот рейтинг стремительно обновлялся.

PRISCILLA'S
SERVANT

— Мир огромен...но мне было достаточно и этого крохотного островка, — сказал он.

— Никаких мирских желаний, так? Ты...ну, не достаточно молод чтобы зваться юношей, я полагаю. Хотя, в моих глазах большинство людей это молодёжь! А молодым положено мечтать, разве нет? — спросил Ольбарт.

— Мечтать, а? У меня уже была достойная мечта. — Так на небрежный поток сознания Ольбарта ответил Ал, когда посмотрел на Аракию, стоявшую подле умудрённого годами человека. Он протянул руку и погладил ту по голове с её покрытыми пылью серебряными волосами. Аракия всё ещё выглядела слегка растерянной, но всё таки приняла его жест. — Я грезил о том, чтобы быть способным уберечь красивую, сребровласую юную леди. Это было моей обязанностью на протяжении всех моих жизней.

— Здравсьте, ты это серьёзно? Я тебе Аракию не отдам, знаешь ли. Эта мечта уже перебор!

— Я к ней привязался. Это не значит, что у меня романтический интерес. Серебряные волосы мой единственный камень преткновения. — Ал убрал свою руку в попытках унять явную настороженность Ольбарта.

Более или менее отрешённая от их беседы Аракия посмотрела на Ольбарта и сказала, — Хм... Этот безобразный скот. Что с ним будет?

— Такие слова то колкие! А ведь она их даже не в обиду говорит! Сердечко моё...

— С ним то? Ничего. Если хочет награды, то он её от меня получит при условии, что в моей власти претворить её в жизнь. А ежели он хочет свободы, то он её заслужил — Ольбарт глянул на Ала, которого слегка возмутило то как опосредовано заинтересовались его пожеланиями, но последний всё равно кивнул ему в ответ. Старикуну неспроста удалось прожить так долго; многолетний жизненный опыт подсказал ему, что было в глубине души Ала.

— Так и есть. Мне ничего не нужно. И сваливать отсюда я тоже не планирую. Если бы мне пришлось выбирать, то я бы только попросил сделать так чтобы это самое “отсюда” не перестало существовать.

— Не думаю, что тебе стоит об этом беспокоиться. В Империи полно злодеев, а это небольшое происшествие только что одарило нас целой кучей свежееиспечённых преступников. Мы мигом восстановим местное поголовье! Га-ха-ха-ха! — Ольбарт вновь расхохотался, стуча Ала по плечу.

Затем старик развернулся, чтобы уйти, и Аракия вот вот собиралась за ним последовать. Ал ещё какое-то время смотрел вслед крохотной фигуре, и в

тот самый момент, когда он уже сам собирался откланяться, она остановилась. Она не повернулась целиком - лишь оглянулась на него. — Спасибо тебе, — незатейливо сказала она.

В ответ Ал лишь пожал плечами. — *You're welcome*, деточка.

— ...Я не понимаю что это значит.

— Это вся благодарность, что мне нужна. Высший балл. Ох чёрт, у меня мурашки...Долгой тебе жизни, мелкая.

Аракия на мгновение насупила бровь, но потом кивнула и в этот раз уже действительно последовала за уходящим Ольбартом. Ал посмотрел ей вслед, а затем как следует потянулся. Восстание на острове рабов меча подавили, и большая часть его знакомых, включая Хорнет были мертвы. Из этого существовало лишь одно исключение - по слухам, его главный виновник, Убирк, без следа исчез. Слегка удивительно, учитывая то, что его план включал в себя не только Гинунхайв, но также мятежи по всей Империи, бывшие лишь прелюдией к конечной цели, убийству Императора.

Что ж, всё ещё был жив здоров, а Ал убедил себя, что Убирк вероятно пошёл на корм рыбам или что-то в этом роде. Подходящий финал для никчёмного, глупого беглеца не имевшего права играть с чужими судьбами.

— Ха. Думается мне, я всё таки изменил судьбу этой девчущки, Аракии.

Благодаря ему, Аракия продолжит жить, может быть встретит кого-нибудь, у неё будут дети, внуки и правнуки. Она возможно станет основательницей целого рода. Невозможно представить себе как это могло преобразить мир.

Это могло бы в итоге оказаться одним из немногих следов, оставленных Алом в этом мире.

— Могу себе представить как сильно меня бы отметелил мой учитель, начни я вот так разговаривать, — Сказал Ал, почёсывая голову. Он развернулся и направился обратно на остров рабов меча. Не имело значения кого там больше не было, не важно если его не желали там видеть, это было его место. Такое, где ему было позволено существовать, рай для паршивых овец подобный ему.

— “Безголовая солдатня,” ха..., — пробубнил он, внезапно воскресив в памяти голос, услышанный им через систему оповещения. “Безголовая солдатня”, так эта девочка пренебрежительно описала рабов меча, бездумно поднявших вооружённое восстание - но Ал не так уж сильно от них отличался. Она приказала дуракам вернуть на место их головы.

— Жестокая она женщина.

Дабы спасти живущих во лжи порой недостаточно просто столкнуть тех лицом к лицу с правдой. Содрогаясь от сего окрашенного в кроваво красные цвета заявления, лишённого любых намёков на доброту, Ал облизал свои высохшие губы.

Если он и питал какие-либо надежды, то в них входило до конца дней своих так никогда и не встретить хозяйку этого высокомерного голоса.

— В каком то смысле, мне сей небольшой вояж вполне себе пришёлся по душе. Позвольте вас поблагодарить от лица моего супруга, — С несколькими не померкшей надменностью сказала Присцилла, пока они сидели в гостинной поместья Пендлтонов. Произнося это, она поднесла к своим губам чашку.

Сидя напротив неё, сия почтеннейшая дама, Серена Дракрой, улыбнулась и приняла выраженную Присциллой благодарность. — Будучи той кто тебя пригласила, твои слова приносят мне облегчение. И кстати о твоём муже, полагаю он отсутствует. Где бы он мог быть?

— С нашей поездки ему всё не здоровится. Переутомился. Как видите, он размазня.

— Если рассказанное Майлзом и Балроем правда, то я не могу винить графа за его подавленное настроение. Но как бы то ни было, я рада, что он невредим.

Присцилла тихонько улыбнулась; такой любезности не ждёшь от Палящей Леди, слывшей крайне грубой.

Ровно как Присцилла и предсказывала, вооружённые восстания и крупномасштабные мятежи происходили по всей Империи, а не только лишь на острове рабов меча. Все они, однако, были в скорости подавлены Божественными Генералами отправленными разобраться с ними, а столица - которая в теории являлась целью всего этого манёвра - так и осталась блаженно безмятежной.

В конечном итоге, истинные цели врага оставались неизвестными. Убирк, заваривший кашу на Гинунхайве, пропал, а сам инцидент в целом оставил после себя неприятное чувство раздражения.

— Кажется наш новый Император может расслабиться, невзирая на своё недавнее восхождение на трон. Я с превеликим интересом буду наблюдать

дабы узнать способен ли задачу выполнить, коей себя так рьяно он обременил, — сказала Присцилла.

— Так значит даже о Его Высочестве Императоре ты тоже высказываешься в подобном тоне. А ты действительно та ещё штучка, юная супруга. И...

— И что?

— Да ничего. Боюсь, что я перед тобой в долгу. Я поставила тебя под удар. — Серена пожала плечами. Она намекала на то как Присцилла выдала себя за неё - и сопутствующую этому опасность - на острове рабов меча. Со стороны могло казаться будто Присцилла пыталась уберечь Серену от грозившей ей беды. Но сами собеседницы прекрасно отдавали себе отчёт в том, что мотивы Присциллы отнюдь не были столь похвальными.

Серена должно быть получила доклады Балроя и Майлза, бывших подле Присциллы. Трудно сказать что мог бы заметить или сказать Балрой, но Майлз точно не стеснялся бы в выражениях, описывая деяния Присциллы. Более того, она сделала куда больше нежели просто отыграла её дублёршу, и Серена по-видимому высоко ценила эту услугу. Происходящее между ними в данный момент было чем-то вроде ритуала призванного это подчеркнуть.

— Не люблю оставаться в долгу, — сказала Серена. — Я хочу как можно скорее расквитаться со своим долгом. Чего бы ты хотела получить? Кроме моих подчинённых, с которыми я, боюсь, что не могу расстаться...

— Меня не заставляйте повторяться. Коль было таковым моё желание, о вашем дозволении не стала бы просить. Ко мне они бы сами по себе пришли.

— Вот как? Перспектива сама по себе пугающая. Прекрасно. Тогда положим этот долг на полку?

— До поры до времени, да.

Серена нахмурилась и посмотрела на Присциллу, снова заметившую белый шрам с левой стороны лица этой женщины. Она моргнула левым глазом и тем не менее посмотрела прямо на Верховную Графиню.

Одна из них была значительно старше другой, но кое-что их объединяло - обе они являлись властными дамами способными вызывать у мужчин трепет. Таким образом, Серена, внимая внутреннему голосу интуиции, могла предположить, что Присцилла притворилась ею на том острове лишь для того, чтобы создать этот долг.

Присцилла, разумеется, не выдала бы в чём именно состояла правда. Впрочем...

— Однажды, я с вас спрошу сию услугу, что мне вы задолжали. А меж тем, вольны вы наслаждаться предвкушением того когда и как тому произойти.

— Хе. Кажется я взвалила на себя воистину крупный долг. — Девушка пред ней была столь юна и всё же так прекрасна. Палящей Леди могла лишь глотнуть при мысли о том как однажды ей придётся соблюсти это обязательство. Она вздохнула.

— На-ка, Альдебаран, возьми вот это.

— Говорил же тебе не называть меня так.

Наручники - бывшие чистой воды формальностью - сняли, и им на замену ему выдали его люедао. К данному моменту эта беседа фактически являла собой ритуал, но Ал разделял его не с тем редким человеком, коего он впустил в своё сердце, а скорее с угрюмым стражником, ставшим заменой почившему.

Он всё ещё время от времени скучал по погибшему Орлану. Быть может схлестнуться с Хорнет его побудило желание хоть как-то отомстить, попытаться загладить вину за случившееся.

— Хе. Ага, верно... Покушение на жизнь Императора провалилось, у нас на острове теперь полно новых лиц, и жизнь тут идёт своим чередом. Не велика разница в общемировом масштабе.

Всё поменялось; ничто на веки не осталось. Ни подстрекательство Убирка, ни пороки Хорнет, ни пылкие желания рабов меча, ни преданность Аракии, ни хитрость Ольбарта. Даже гибель Орлана. Всё померкнет со временем. Муравьи могли причитать и рыдать, но им было не под силу остановить течение реки. Восстание на острове помогло Алу осознать это. Ступая на арену, встречаемый диким рёвом толпы, он всё ещё думал об этом.

Когда его сегодняшний противник показался из туннеля напротив, глаза Ала широко распахнулись от удивления. — Гаджит? Так значит ты тоже выжил, да? Я был уверен, что ты отбросил коньки.

— Эй, и я так считал. Но хрен его знает как так вышло. Карма или что-то там, наверное. Вероятно, то же, что сулит одному из нас сегодня погибнуть.

Это был тот самый саблист с наполовину выбритой головой. Алу приходилось слышать, что тот поддержал восстание одним из первых, но раз уж он был тут, то значит ему удалось как-то заслужить снисхождение.

Был тут и Ал, вышедший с ним на смертный бой. Всё поменялось. Ничто на веки не осталось. Ничто в этом мире. Ни сам этот мир.

— Так, давай уже приступим. Без обид, да, Гаджит?

— Ага, ещё бы. Ведь мы рабы меча до самой нашей смерти. Даже Хорнет в конце концов сыграла в ящик. Однажды сыграем и мы.

— ... — Ал ничем на это не ответил. Вместо этого, когда Гаджит обнажил саблю, Ал принял боевую стойку, готовясь позволить своему люедао покончить с этим.

Все погибли. Смерть шла за всеми. Она являлась тем от чего никому не было суждено уйти. За исключением Ала.

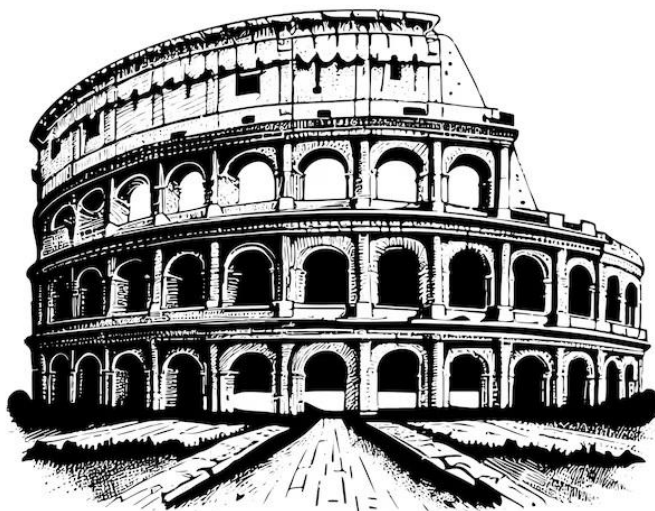
— По крайней мере пока, — прошептал он.

Толпа стала ещё более неистовой, и гонг ознаменовал начало боя. Гаджит припал к земле и рванул вперёд, а Ал мчался ему навстречу.

Гаджит вознамерился срубить его голову. Алу же требовалось опередить противника в этом. Всё как всегда. Просто выпала...

— Несчастливая звезда. — И больше ничего.

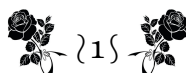
◆ КОНЕЦ ◆

Глава III

紅蓮の残影

Алое Расставание

Время с тех пор как эта девица его захомутала, казалось, пролетело в мгновение ока.

— Мне ты жалким видишься подобием мужчины.

— Ч-что?!

Баронесса из местных дворян настояла на том, чтобы Джорах рассмотрел перспективу женитьбы на её внучке.

Джораху Пендлтону, чей пятидесятый день рождения был уже совсем близко, брак представлялся предприятием, с коим его ничто не роднило, миром, обитателем которого ему было никогда не стать. Как представитель дворянства, он, разумеется, чувствовал себя обязанным продолжить свой род, но для сей цели он всерьёз подумывал *усыновить* кого-нибудь в качестве своего наследника.

Следовательно, когда предложение женитьбы достигло его ушей, всё главным образом было ради того, чтобы баронесса не потеряла лицо. Ведь в конце концов, внучке было всего двенадцать лет. И вот она была, женщина как в поговорке “достаточно юна, что в дочери тебе годна” - но она была и того моложе! И Джорах отнюдь не горел желанием обречь девушку, у которой вся жизнь была впереди, на несчастье свойственное подобному замужеству. Если потребуется, то он был готов обеспечивать её и быть может подыскать ей достойного супруга.

Все эти затеи уподобились стеклу разлетевшемуся на множество осколков когда пришло время для собственно встречи.

— Меня ты волен величать Присциллой. Однако, была когда-то Приской Бенедикт из Волакийской Императорской Семьи.

— Чтоооо?!

Джорах поймал себя на том, что был ошеломлён девочкой, которая вела себя как кто-то куда старше двенадцати лет. Беседа проходила стремительно, сильно опережая его попытки вернуть заготовленные им оправдания. И “Присцилла” к тому же повергла его в шок раскрыв свою подноготную.

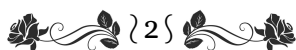
Любому Волакийскому дворянину, даже такому как Джорах, было известно имя *Приски Бенедикт*. В скорости ему стали понятны две вещи: заявление Присциллы являло собой абсолютную и неоспоримую истину; и чего от него в этом отношении ждал его старый друг. Так Джорах сыграл свою роль, оправдав возложенные на него ожидания, как опекуна, которому было должно оберегать эту ранимую юную особу...

— Глупец. Ужели думаешь, что роли таковой тебе желаю я?

— Что? Ну...если не этой, тогда зачем...?

— Ужель ты спрашивать обязан? Мне слышать доводилось, что у тебя в семейной библиотеке пару старинных экземпляров важности особой залежалось. — Сказать это ей было столь же легко как дышать. Её интерес и надежды были обращены отнюдь не на человеческие качества Джораха, а на его имущество. То был абсолютно самоуверенный образ жизни, такой, что не брал во внимание или же вовсе пренебрегал положением, в коем пребывала сия юная особа.

Джорах взял Присциллу, девушку живущую подобно пламени, к себе в жёны. Он сильно стыдился за свой возраст в пятьдесят лет, но в то же время он впервые испытал какого это, когда его желают столь пылко, что могут обжечь.

Джорах Пендлтон совершенно заурядным человеком с напрочь отсутствующими качествами способными охарактеризовать его как имперского дворянина. *Выживает сильнейший; Сильные пожирают слабых; богатая страна, могучие солдаты* - такими были идеалы коими была пропитана Империя Волакия. Едва ли в ней было место для человека чья искренность служила тому единственной рекомендацией.

Одним словом, Джорах воистину являлся образцом добросердечного человека, который не годился в ряды имперской знати.

Сам Джорах прекрасно отдавал себе отчёт в том, что он не шёл нога в ногу с принятым в империи образом жизни; поэтому то он, до недавних пор, и вёл тихую, но приятную жизнь, находясь в тени и стараясь не привлекать к себе внимания. Ни разу на своём жизненном пути он не брался за серьёзные задачи. Сохранение домохозяйства для будущего поколения представлялось

тому его обязанностью. По иронии судьбы, именно подобное скромное поведение и не дало ему обрести достойную пару вплоть до достижения им почтенного возраста.

Но это было чудом, сумевшим расцвести как раз потому, что он всё ещё был одинок.

— Ужель так веселит тебя лишь лицезреть столь пристально меня?

Джорах в изумлении широко раскрыл глаза, когда эта девочка раскритиковала того за задержавшийся на ней взгляд.

Образ Присциллы - его жены - заставил Джораха замереть на месте от того как она была с головой погружена в чтение, забывая при этом даже дышать. Столкнувшись с этим фактом лицом к лицу, он непроизвольно потянулся пальцем к одной из прядей своих волос и стал её наматывать. — М-мои извинения. Я всего лишь был так...так заморожен вашим обликом.

Девочка фыркнула, выпрямляя и снова скрещивая свои ножки. — Хмф, Ужэли? Тогда ты можешь быть прощён. Людям свойственно быть очарованными шедевральными картинами или драгоценными камнями ибо есть в них красота, что за рамки логики выходит. Такую подлинную прелесть народ неотразимую находит. Сколь более пленительной для глаза могла я оказаться?

Воистину высокомерное заявление, и всё же Джорах не мог с ней спорить - ибо та была, в самом деле, очень хороша собой.

— ...

Пока шла их беседа, её глаза ни разу, даже мельком не взглянула на Джораха. Они так и продолжали глядеть в книгу у неё на коленях, страницы которой она время от времени переворачивала, жадно поглощая историю, написанную на её страницах.

Задумавшись об этом, Джорах осознал, что девушка была занята чтением всякий раз как он её видел. Должно быть это служило неисчерпаемым источником знаний: целые горы книг, прочитанных ею за всю её жизнь. Другими словами, чтение она находила неотъемлемой частью процесса накопления умственного багажа, несущей её ко всё более и более высоким местам, возносящей и облагораживающей само её естество. Говоря кратко, оно помогало ей приблизиться к собственной завершенности.

По её словам людям свойственно восхищаться красивыми вещами, даже если такое не кажется рациональным. Если она была права, то это определённо побудило Джораха принять её в свои жёны и стало причиной, по

которой он был не в силах оторвать от неё глаз. Вероятнее всего это также объясняло почему он был у неё на побегушках, желая исполнить любой её каприз. Это всё проясняло.

И таким образом...

— Присцилла. Пускай оно и пролетело так быстро, но время, проведённое с тобой было вероятно самым лучшим в моей жизни.

— ... — От Присциллы не последовало незамедлительного ответа.

— Я трусливый человек, — продолжил Джорах. — К этому самому моменту, я истратил удачу дарованную мне при рождении. Бережно черпая её, словно чайной ложкой. Впрочем...

Зайдя так далеко, Джорах не мог подобрать нужных слов. Не от того, что он не загадывал настолько наперёд или же его вновь покинула уверенность. Ничего столь негативного.

Нет, причина была довольно проста.

— ...

Присцилла глядела не в книгу, а на него.

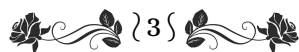
Взгляд её алых, прекрасных словно рубины, глаз был прикован к Джораху. Они без единого слова побудили его продолжать, а сам он в ответ тяжело сглотнул.

Сколь бы смехотворно это ни звучало, но он впервые почувствовал - на самом деле знал - что девочка, сидевшая перед ним, Присцилла, вручила ему реплики. Поручила роль главного героя в пьесе её жизни, невзирая на то каким ничтожным, заурядным человеком тот был.

Таким образом, он гордился тем, что не ощущал содрогания в своём сердце. Даже в момент, когда за дверью раздался крик.

— Граф Джорах Пендлтон! Вы арестованы по обвинению в измене!

Солдаты, облачённые в золотистую броню, окружили поместье Графа Джореха Пендлтона. Сверкающее снаряжение, коим те были покрыты с ног до головы, выдавало в них подчинённых одного из Девяти Божественных Генералов, занимавших особое положение даже в Империи Волакия.

Каждый из солдат был вооружён мечом или копьём, в то время как у других в руках находился либо топор, либо лук, и смотрелись они как один неделимый отряд - но такое впечатление являлось ошибочным. Бойцы в своих золотистых доспехах отнюдь не ощущали своего единства, и даже намёка на сплочённость. В подразделении, где люди оценивали человечность друг друга согласно выбранного ими оружия, поддерживать порядок было решительно невозможно.

Потому если и существовало что-то объединяющее их, то им отнюдь не являлось нечто столь неосязаемое как командный дух. Дело было кое в чём куда более очевидном и определённом. А именно: в силе.

— Бойцы на позициях, Генерал Ральфон.

— Мм, отлично. Всем, отступить!

Получателем этого доклада являлся мужчина средних лет с лицом покрытым шрамами; он многозначительно кивнул подбородком. Его огромное тело с развитой мускулатурой было облачено в броню, каждый его уголок был покрыт золотыми пластинами. Казалось будто даже его кровь бежала, преисполненная воинской гордостью, и, в самом деле, создание такого впечатления он считал честью.

Гоз Ральфон, так звали этого человека, и он являлся одним из сильнейших людей в Империи. Ему был дарован пост Первого номера среди Девяти Божественных Генералов, вершины иерархии Волакии.

Солдаты, окружившие поместье, и в особенности сам Гоз, вели себя благоразумно. Как впрочем и должны были, ибо они явились сюда дабы взять под арест предателя, затеявшего заговор с целью восстания против Империи. Легко могла начаться битва, бывшая самой целью, с коей войска и были сюда присланы. Впрочем, если дело дойдёт до насилия, то более всего им следовало волноваться отнюдь не о личной армии Графа Пендлтона - а скорее о персоне, которую тот по-видимому укрывал в своём доме...

— ... — Гоз ненадолго закрыл свои глаза на мгновение ощутив искреннее сожаление, но вскоре потряс головой, отбрасывая это чувство прочь. Он выпрямился во всю внушительную высоту своего роста и сделал шаг вперёд,

покидая шеренгу. Он глубоко вдохнул и зарычал, — Граф Пендлтон! Вы арестованы по обвинению в измене!

Засём, закованные в золото, воины сломали парадную дверь. Обвинения уже были выдвинуты; они не дали бы Джораху возможности возразить. Они как можно скорее захватили бы его, а затем передали в руки того, в чьи обязанности входило заслушать его доводы.

— И так мы наступаем! — Тем кому полагалась сия конкретная ноша был Гоз. Эта задача была доверена именно ему.

Стоило солдатам войти в дом как раздался яростный звон столкнувшихся мечей донесся изнутри. Очевидно, Граф Пендлтон привёл в готовность подчинявшиеся его семье войска, вступившие в бой.

— Я не намерен давать вам время, — проворчал Гоз, перед тем как поднять своё излюбленное оружие, ожидавшее подле него своего часа. Его можно было в некоторой степени назвать булавой - длинная рукоять под двуручный хват с большим металлическим шарообразным навершием на конце. Он его поднял легко, несмотря на то, что весило оно должно быть свыше ста килограмм; После чего одним могучим прыжком, он пролетел над головами своих бойцов, приземляясь перед ними и бросаясь вперёд со своим оружием на перевес, раскидывая прочь врагов, преграждавших ему путь.

— Прекратить бой! — закричал он. — Мы прибыли сюда по приказу его Превосходительства. Всякий, оказавший сопротивление, наряду с Графом Джорахом Пендлтоном будет считаться предателем!

— ...

Его голос, достаточно громкий дабы сотрясать собой воздух, вселил страх в солдат графа. Учитывая репутацию Джораха, казалось, что его свита наврядли полнилась выдающимися воинами. Уж точно не теми кто захочет поднять оружие на занимавшего Первое место среди Девяти Божественных Генералов, Гоца Ральфона.

Но затем...

— Батюшки. Не ожидал, что вы явитесь собственной персоной, Генерал Ральфон. Что ж, это тревожно...

Сверху лестницы, прилегающей к главному залу сразу за проходом ко второму этажу, раздались шаги, и следом появился стройный силуэт. Гоз посмотрел вверх и нахмурил свои кустистые брови. Он знал этого человека - им был никто иной как тот за кем он и прибыл сюда.

— Граф Пендлтон. Как хорошо с вашей стороны было явить себя, — сказал Гоз.

— Мне известно каким меня видят люди, но я всё ещё являюсь членом дворянства Империи Волакия, пускай и ничтожным. Не хотелось бы, чтобы про меня говорили, будто я повесил всю работу на своих подчинённых, в то время как сам в содрогании прятался за их спинами. Впрочем... часть про содрогание вероятно правдива. — Джорах вяло улыбнулся.

Гоз удивился его появлению посреди боя. Насколько он знал, Джорах был известен лишь за его мягкость, нерешительность и абсолютное неприятие войны. Чтобы он ещё и показался в самом разгаре битвы...

— Значит вы поменяли своё решение? Я весьма заинтересован в том, чтобы узнать чем же это было продиктовано, — сказал Гоз.

— В присутствии одного из Девяти Божественных Генералов, нависшего надо мной, я склонен поведать обо всём, что вам хотелось бы знать, — сказал Джорах. — Я...слаб. И вынужден постоянно набираться смелости дабы иметь с чем-либо дело. — Он с дрожащим голосом прикусил свою губу.

Один из его солдат уважительно припал на колено подле него и протянул меч. Джорах принял его и медленно вытащил из ножен. Являлся ли Джорах Пендлтон матёрым мечником? Ни о чём подобном Гозу слышать не приходилось. Так оно и оказалось: с первого взгляда было ясно, что тот был любителем. Некоторым людям известны лишь базовые стойки, но Джорах в свою очередь даже ими не владел.

— Вынужден вас предупредить, что покуда в ваших руках находится оружие, я не буду сдерживаться, — сказал Гоз.

— Э-это приемлемо. В тот самый миг как мною был избран этот путь, я знал, что до этого дойдет... Я уже попрощался со своей супругой.

— ...Так и есть? Тогда в словах более нет нужды. — Гоз уверенно кивнул Джораху, глядевшему прямо на него. Затем он убедился в том достаточно ли крепко его рука держит булаву, и закричал, дабы разжечь пыл своих солдат и одновременно сломить волю врага: — Я Гоз Ральфон, из Девяти Божественных Генералов Империи Волакия! По приказу Его Превосходительства, искореню любого, кто посмеет грозить Империи изнутри!

— Моё имя, Джорах Пендлтон, граф Империи Волакия, и во благо моей супруги, этими тщедушными руками, я окажу вам сопротивление.

— Узнаю этот рык. Так значит Гоз Ральфон здесь. Раз захватить меня одну хотели, то так слегка переборщили. И не сказать чтобы меня сим удивили. — Присцилла лишь слегка улыбнулась - она знала, что сказанное ею было не совсем правдивым – а затем продолжила бежать через лес. Она поддерживала подол своего красного платья, двигаясь столь же легко как если бы вместо труднопроходимого ландшафта под ногами у неё была ровная земля, или же словно та была юной дикаркой, что родилась и выросла в дикой природе.

Однако ж помимо того её поведения, всё остальное в ней суть было диаметрально противоположным образу человека, выросшего в лесах, от чего нынешние действия девочки казались настоящим чудом.

— ...

Позади, в покинутом ею поместье, её муж со своими бойцами вёл бой с солдатами Империи. Та самая последняя улыбка, коей её одарил Джорах, запечатлелась на её глазах.

— Справился он весьма не дурно.

Джорах был человеком немногих выдающихся качество. Он вероятно являлся персоной наименее компетентной по меркам основ на коих зиждилась Империя Волакия; он оставлял желать лучшего и как Волакийский дворянин и как мужчина. И всё же в тот самый последний миг, он без всяких сомнений доказал, что был Присцилле мужем. Его любовь к своей супруге сподвигла его на акт самопожертвования, чтобы выиграть время и позволить ей сбежать. Присцилла не была столь низменной, дабы пренебречь этим, будь то попытка или же успех, и не позволила бы так поступить никому другому.

Неся в сердце сии чувства, она практически летела сквозь чащу леса...

— Ни шагу более, Принцесса.

— ...

...пока не была остановлена нежданным голосом. Она перестала бежать, переводя вверх взгляд своих алых очей. Там высоко, среди ветвей большого дерева она разглядела силуэт, вскоре спустившийся к ней.

Им оказалась девочка, завёрнутая в одежду, оставлявшую большую часть её кожи открытой. Лет ей было примерно столько же сколько и Присцилле, и она вероятно ещё не вступила в подростковый возраст. Девочка очевидно пребывала в добром здравии, но пока ещё не обрела формы, с

которой её можно было бы назвать привлекательной. Один её красный глаз на вид казался сонным; а вот другой скрывался под повязкой щеголявшей цветочным орнаментом. Волосы её были серебристыми, не считая одной пряди красного цвета, а на голове у неё красовались уникальные ушки, характерные для представителей собачьего народа.

Рука девочки сжимала жалкого вида веточку, только что сорванной ею с дерева, губы её дрожали, а своим единственным глазом она уставилась на Присциллу. — Леди Приска..., — сказала она, воспользовавшись другим именем Присциллы.

— ...

Услышав своё старое, давно покинутое ею имя, Присцилла спокойно выдохнула. Минуло время - совсем чуть-чуть его прошло, но всё ж оно ушло. И потому казалось странным, что девочка пред нею - с лицом знакомым, и цветом глаз известным ей - смотрелась так словно ничего в ней не изменилось.

Она служила, надо полагать, теперь хозяину иному, и всё таки молящий взгляд к Присцилле обратила. В том было доказательство, что прежнюю себя та всё же сохранила.

— Непросто от такой иронии укрыться, что именно тебе в сей миг передо мной суждено явиться, — сказала Присцилла.

— Принцесса. Я...

— Предала меня и с братцем моим спелась. Тем самыми руками собственными порешить меня возможность появилась. Найдёшься ли ты как объяснить?

— Н-нет, Не предавала! Я никогда...! — Хотя эта девушка имела обыкновение почти не проявлять своих эмоций, безжалостные нападки Присциллы всё же заставили её лицо тревожно исказиться. — Прямо как сейчас... Принцесса, для вас, я...

— ... — Присцилла ничего не сказала.

— Сегодня...Сегодня, всё по-прежнему. Господин Винсент сказал мне...

— Дурёха. Ты формой обращения ошиблась. Волакии мой старший братец ныне Император, и коль имперским ты являешься солдатом, тебе бы стоило сие усвоить. Ибо... — Присцилла сделала паузу и скрестила руки, а затем смутила девочку тяжёлым взглядом своих миндалевидных глаз, позволив себе дерзкую, презрительную улыбку. — Нет...По правде братец мой права называться Императором Волакии отнюдь не заслужил.

— Ох...

— Приска Бенедикт мертва. Среди всех участников Императорского Отбора уцелел лишь он один. Только вот наличие живой *меня* сей легенде угрожает, разве нет? — Если об этом узнают, поднимется скандал такой величины, какой только знавала имперская история. Император, от коего ждали, что тот будет являть собой воплощение завета быть сильным, действовал вопреки представлениям о выживании сильнейшего.

— Госпожа...Приска...

— И пока в процессе ты имя моё произноси как подобает. Теперь зовусь Присциллой я. Присциллой Пендлтон - в знак уважения к прощальной службе что мой супруг мне сослужил. Должна я настоять чтоб в этом ты не путалась, Аракия.

— При...сцилла...?

— Я допускаю, что сие лишь лёгкая со звуками игра. В каком бы месте или положении ни случилось оказаться, самой собой я буду оставаться. Сколько бы мороки братцу старшему это ни несло. — Присцилла подмигнула девочке, которую она звала Аракией, а потом фыркнула.

Аракия распрямила свои хрупкие плечи. — Приска или Присцилла... Принцесса это всё ещё моя принцесса. Идёмте же со мной. Господин Винсент...то есть, Его Превосходительство желает с вами переговорить. Поэтому...

— Боюсь сего не разумею. Желает моего он возвращения теперь? Какова в том цель? Мой братец Император, ему с тем, чтобы жизнь моя и далее тянулась нельзя мириться. И коли приказал он мне в столицу возвратиться...

— Да? Если так...то что тогда?

— Объявлению то равноценно, что тот на жизнь мою намерен снова покуситься.

— Ох...

Слова Присциллы прозвучали едва ли не буднично, но они всё же шокировали Аракию. Посмотрев на свою молочную сестру, она осознала, что Винсент и вправду не посвятил её в тонкости его приказов. Но этого было вполне достаточно, дабы Присцилла сделала предположение о ходе мыслей одного. Зачем же он отправил Аракию разыскать её в этот конкретный момент?

— По своему любовь он проявляет, прислав за мной тебя.

— Что...?

— Да. Семейная привязанность. Мой старший братец меня и вправду обожает. Я и сама немало нежных чувств к нему питаю. Но к нашим положениям, сие отношенья не имеет. На сей раз убить меня мой братец *должен*. А посему...

— ...?!

На последнем слове Присцилла понизила голос, и Аракия, выпучив глаза, отскочила назад. Причиной тому была красная вспышка. Размашистый, прекрасный и жестокий удар, настолько, что коснись он шеи Аракии, и та на месте сгорела бы дотла.

Замах был совершён рубиновым клинком, внезапно оказавшимся в руке Присциллы.

— Меч Света, Волакья..., — сказала Аракия.

— То что двое нас достойных в руках оружие сие держать, должно быть крайне неудобно братцу моему. В сомненьях я, нуждается ли он во власти символе столь старомодном, но без него подобных Беллстетзу не смог бы он держать в узде.

— Принцесса, уберите свой меч, и...

— И всё ж, меня ты сдаться призываешь? Раз так, то выбора ты мне не оставляешь, лишь путь свой прорубить сиянием в руке моей.

Этот меч был слишком велик и грандиозен для девочки, которой ещё было куда расти. Но Присцилла сияла уверенностью воспользоваться тем с легкостью вкупе со умением на деле это совершить.

— Ступайте, Принцесса. — Аракия опустила веточку, которую она сжимала в своей руке.

Это заставило Присциллу выдохнуть, издав, — Хоо? — и в изумлении закрыть один глаз, смутив её. — Ужель противиться указаниям самого Императора ты собралась?

— Но Господин Винсент...Его Превосходительство приказали мне прийти сюда.

— ...

Приняв во внимание то, что она сочла за истинные намерения, стоявшие за приказами Винсента, Аракия вынесла своё решение. Возможно она была

права, или, быть может, подобное их толкование попросту потакало её личным желанием. В любом случае, это было осязаемым изменением в характере Аракии, доселе всегда беспрекословно следовавшей указаниям.

Заметив это, Присцилла вновь поместила Меч Света в воздух, где тот исчез.

— Моя принцесса...и есть та самая принцесса. Но раз Госпожа Приска мертва...тогда этот раз последний. Умоляю вас. Не привлекайте больше к себе внимания. Как с тем эфиром...на острове рабов меча...

— Ах, но так любовь мою я к братцу выражала. И раз дела на острове были решены, защитников своих он мог оставить дома в стольном граде.

Как бы то ни было, разоблачение убежища Присциллы в конечном счёте являлось лишь вопросом времени. Она слыла барышней напроочь не годной для того, чтобы залечь где-нибудь на дно и смиренно наблюдать за тем как светская жизнь проходит мимо неё. Даже дни проведённые в компании Джораха были для неё лишь лирическим отступлением - пускай иис на удивление не лишённым приятных сторон. В достаточной степени дабы она по крайней мере перестала противиться именовать себя *Присциллой Пендлтон*.

— Аракия, тебе я благодарна. Но в нашу следующую встречу, уж лучше бы тебе в намерениях своих определиться.

— ...Надеюсь мы не увидимся. Больше никогда.

— Но мы увидимся. Во всяком случае я так считаю.

Засим, Присцилла улыбнулась и в тот же миг случился колоссальной силы взрыв со стороны поместья откуда она пришла. По видимому сражение достигло своего апогея. Аракия на одно кратчайшее мгновение перевела взгляд в направлении раздавшегося звука, но её внимание вскоре возвратилось к тому что было прямо перед её глазами. Однако...

— Принцесса...

...к тому времени как она повернулась обратно, Присциллы уже и след простыл. Аракия осмотрела всё вокруг, но всё же знала, что Присцилла не была столь небрежна, чтобы позволить столь легко себя обнаружить. Ведь в конце концов она являлась молочной сестрой Аракии и единственной живой родственницей Императора...

— ...умоляю вас...

Аракия от всей души желала, чтобы Присцилла удалилась прочь, так далеко насколько возможно, и прожила там отпущенный ей срок. Дабы та

позабыла об этой жестокой войне за право унаследовать трон Империи и продолжила бы жить как обычная девушка где-то там очень далеко.

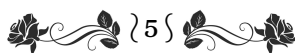
Но вопреки её желаниям, Аракии была известна правда. — Такому совершенно точно...не бывать.

Девушка, звавшаяся Приской Бенедикт, ни за что бы не вынесла подобного образа жизни. Грядёт однажды день, такой же как сейчас, когда Аракия предстанет перед лицом своей принцессы. Сумеет ли она что-либо сделать с Присциллой или Приской, как тот настанет?

В намерениях своих определиться. Вот что ей сказали. И всё же...

— Леди Приска... Вы такая глупышка...

И всё же на мгновение, та смогла лишь прошептать одну единственную фразу.

Мятеж, организованный Графом Джорахом Пендлтоном увенчался провалом. Сам граф, бывший тайным вдохновителем сего заговора, пал от руки Гоца Ральфона, первого среди Божественных Генералов Империи. Благодаря чему был заложен фундамент для мирного правления страной только что взошедшего на трон Императора, Винсента Волакия.

У графа не имелось кровных родственников, и потому род Пендлтонов, тянувшийся целые поколения, оказался прерван. Всего за два месяца до мятежа, граф взял в жёны молодую женщину, но тотальное уничтожение его семейства завершилось с её самоубийством. Несмотря на свой столь юный возраст, девушка, одолеваемая скорбью от деяний совершённых её супругом покончила с собой.

Такими, во всяком случае, были показания взятые у Аракии, которая позднее вошла в ряды Девяти Божественных Генералов Империи Волакия.

Таким образом, не осталось ни беглецов, ни кого-то ещё, кто бы угрожал народу волчьего меча. Мир в Империи был обеспечен.

Его ничто не омрачит. В грядущем будет длиться он.

{КОНЕЦ}

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Смерть слабым; никакой пощады! Здрасьте! С вами Таппэй Нагацуки! Он же Мышиный Кот!

Для жителей Волакии эти вступительные слова являются чем-то вроде девиза, но они также резюмируют собой содержание данной книги. Пришлось ли вам по нраву провести целый том в Волакии?

Этот дополнительный (EX) том также раскрывает предысторию кандидатки на королевский престол, Присциллы, одновременно с этим вводя в историю, набирающую могущество Священную Империю Волакия, сцену, и ставшую местом действия седьмой арки основного сюжета произведения. “Здравый смысл” в этой местности довольно таки искажённый; думаю, будет справедливо поставить её на первое место среди стран мира Re:Zero, которые вы бы не хотели посетить. Во всяком случае, ваш автор точно не хочет там побывать.

С другой стороны, закалённая в пламени непрекращающейся, жестокой борьбы, Империя Волакия стала процветать, возможно даже в большей степени нежели Королевство Лугуника, и мы с вами можем поразмышлять о том, что её граждане в общем и целом очень довольны своей жизнью. И они, кажется, вполне удовлетворены работой Винсента Волакия.

Нынешнее состояние Империи Волакия в рамках основной истории раскрыто в седьмой арке, которая берёт своё начало в 26-ом томе ранобэ Re:Zero. Если вам интересно, то я настоятельно рекомендую приобрести себе экземплярчик. Между тем, я надеюсь, что у меня и дальше будет получаться раскрывать в дополнительных томах, а также сборниках побочных историй события прошлого и точки зрения, недоступные для Субару Нацуки. Поэтому помимо основной истории приглядывайте и за ними тоже, дабы получить максимум удовольствия от Re:Zero!

Упс! Кажется, сейчас я уже практически упираюсь в потолок по страницам, а потому давайте перейдём к традиционному перечню благодарностей.

Редактору I: Я мучился с тем, куда бы мне воткнуть этот дополнительный том, но вы заметили, что с учётом основной истории, сделать это можно было только сейчас, и вы перешли к нему. Спасибо вам. Давайте же устроим гонку сквозь седьмую арку вместе.

Моему иллюстратору, Оцуке: Благодарность за то, что смогли изобрести дизайны для девяти отдельных персонажей за один присест, даже зная

(события ведь происходят в прошлом) о летальном исходе для некоторых из них уже в этом томе. По мере того как сменяются времена в Империи, переменам подвержена и мода, и мне очень понравилось лицезреть различные образы этих персонажей! Жду не дожусь поработать с вами над седьмой аркой!

Моему художнику-оформителю, Кусано: Спасибо вам за очередную изумительную обложку, которая просто-таки ломится от того, сколько на ней персонажей. Каждый из них наделён своей историей и я ценю внимание, вложенное в эти дизайны.

В Ежемесячном Comic Alive, Харуно Атори и Ю Айкава прекрасно справляются с тем, чтобы создать привлекательную, читаемую версию целой глыбы весьма сложного текста, адаптируя четвёртую арку в формате манги. Спасибо вам обоим.

Я также желаю выразить свою признательность редакторскому составу MF Bunko J, и всем корректорам, продавцам книг, и агентам по продажам, которым я ежедневно так сильно обязан.

И, прежде всего, мои самые искренние благодарности уходят моим читателям, что так страстно увлечены не только основной серией, но также и спин-оффами. Спасибо вам всем огромное!

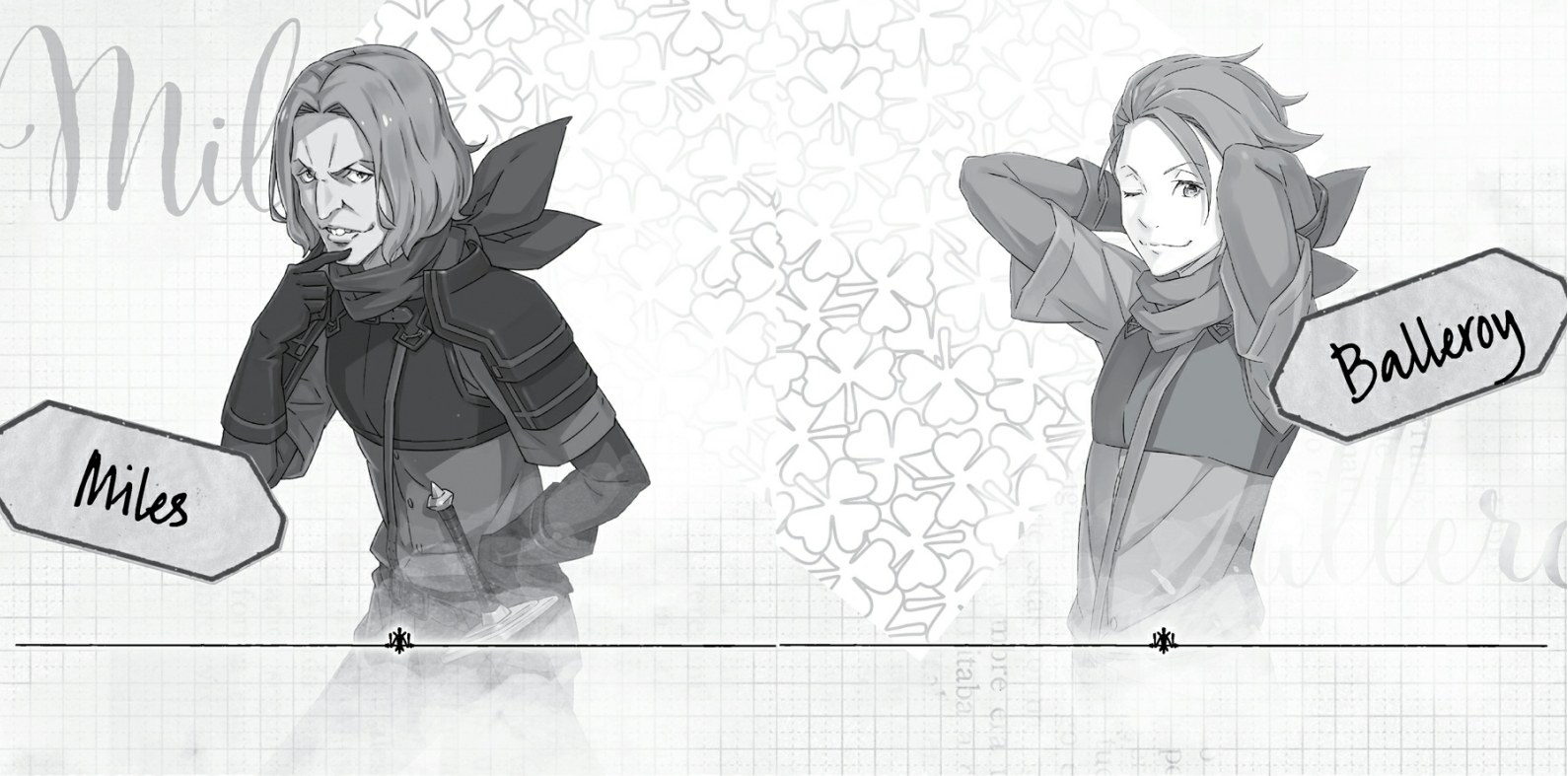
Так, ладно. Увидимся с вами в Империи Волакия на страницах основной серии!

Август 2021-го.

(Кушаю мороженное пока дождь с раскатами грома на пару не дают мне уснуть этой ночью)

PRISCILLA'S
SERVANT

— Ну, вот собственно и всё! А нам тут доверили крайне важную часть, заключительное слово! Давай уже и вправду приступим, а, Майлз?

— Ладно, погоди-ка, одну секунду - ты серьёзно? Как нас вообще угораздило вляпаться в такое важное дело? Разве таким, по идее, не должны быть заняты Граф Пендлтон со своей женой, или, может быть, наша с тобой хозяйка, верховная графиня?

— Понимаю лёгкий мандраж, Братан, понимаю, но важные шишки подобные им сейчас заняты. А у нас двоих есть свободное время, так ведь?

— Поверить не могу... В основной серии мы оба уже покойники, разве нет?!

— Не говори про основную серию, а не то тут очень скоро путаница начнётся! Но ты послушай, ответственность сбросили - на нас! - и я думаю сейчас самое время показать на что мы способны.

— Чёрт возьми, у меня голова уже трещать начинает... Хорошо, ладно, давай за работу! Что там у нас там идёт первым?

— Ага! Пёрво-на́перво! В декабре должен будет выйти 28-й том основной серии.

— Так значит история Волакйской Империи всё-таки продолжается, а? Полагаю, они попытались впихнуть туда этот дополнительный (EX) том, чтобы ввести в историю некоторые из этих взаимоотношений. Сударушка Жена теперь наверняка играет по крупному.

— Всегда думал, что она вырастет красоткой, но даже я представить себе не мог, чтобы она стала настолько привлекательной! Интересно, поубавилось ли в ней безжалостности хоть чуть-чуть?

— Хороший вопрос. Мне и впрямь хотелось научить её манерам, когда она была ещё дитём...Следующее!

— Само собой! Во всё том же декабре выходит вторая коллекция иллюстраций по Re:ZERO от Синъитиро Оцуки!

— Прямо как в первой, в ней, кажется, будут не только картинки из книг вышедших на данный момент, но и дополнительные материалы, тоже... Звучит как довольно приятная сделка.

— Так же как и ранее, они планируют выпустить коллекцию историй, которая началась в качестве бонусных коротких рассказов эксклюзивных для магазинов - просто очередной способ ещё больше насладиться миром Re:Zero!

— Полагаю, что в сентябре намечается некое ежегодное мероприятие, точно?

— Точнёхонько! Будут ещё памятные мероприятия в рамках ежегодного празднования дня рождения Эмилии! Как ни прискорбно, но наших физиономий вы во всё этом не увидите...

— Упустил шанс повстречать эту красотку. Как же чёрт возьми досадно-то...

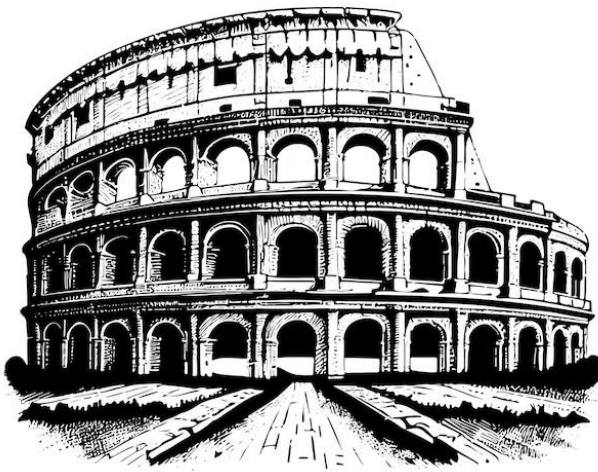
— Знаешь, Брат, я слышал, что она полу-эльфийка.

— Да плевать мне, что она полу-демон! Суть ведь в её красоте! Не говоря уже о её энергичности... Оох, было бы здорово преподать бы ей пару уроков дисциплины!

— Ха! Теперь то до меня дошло. Майлз, брат мой, в глубине души ты тот ещё тиран, да?

— Замолкни! Кажется наша с тобой работёнка уже сделана, так что давай раздобудем немного вина! Выпей же со мной, Балрой!

— Да без проблем! Ты может и тиран, но всё-таки знаешь как позаботиться о ближнем своём. Это-то мне в тебе и нравится, Братан!

寶岩

